

**Екатерина
Осянина**

Ноль эмоций

Что бы вы почувствовали, если бы внезапно лишились не только памяти, но и способности испытывать обычные человеческие эмоции? Вот именно: ни-че-го! Вот и главная героиня, придя в себя после чудовищного взрыва в высотном здании, ничего не помнит; не понимает, что за странный незнакомец проявляет к ней интерес, но главное, — ей все равно, кто он такой, что с ней будет дальше, и почему на них обоих началась охота. А нам?

*грустили черти разгребая
в аду остывшие угли
но мы пришли и по привычке
зажгли*

© *eIena-durak* посв. сафо

Взрыв я помню.

Это была высотка, почти небоскреб. Взрыв не разрушил ее полностью, но устроил такой пожар, что все здание сгорело почти целиком меньше, чем за час. Огненные шары расцветали, поднимаясь по этажам, один за другим. Это было похоже на бенгальский огонь.

Пожарным стоило большого труда держать зевак подальше от места происшествия. Наконец это за них сделал нестерпимый жар, накрывший ближайшие окрестности такой мощной волной, что толпа шарахнулась в стороны, а дополнительно прибывшие подразделения пожарных теперь боролись за соседние здания, справедливо опасаясь, что огонь в скором времени перекинется и на них.

Это все, что мне удалось выудить из плавающей в голове мути, когда я пришла в себя на жесткой каталке какого-то лазарета. Почти все мое тело было покрыто ранами и ожогами. Каждое движение причиняло где-нибудь жгучую боль, но серьезных повреждений вроде бы не было. Откинув простыню, я, преодолевая головокружение и шипя сквозь зубы, села, свесив ноги, и огляделась. В помещении было еще несколько передвижных кроватей с ранеными людьми, некоторые из которых лежали молча и не двигаясь, а некоторые тихонько стонали и всхлипывали; стояли какие-то приборы, с потолка свисали мониторы.

Я принялась разглядывать себя. Широкая повязка через грудь и живот, трусы и многочисленные пластыри — больше на мне ничего не было. Рядом с моей каталкой на кафельном полу лежала груда тряпья, обожженного, окровавленного и изрезанного чуть не в клочья — видимо, это и была когда-то моя одежда. По уцелевшим кускам такни угадывались джинсы и кожаная куртка.

Я осторожно ощупала лицо. Нос был распухший, почти не дышал и болел в районе переносицы.

Возле моей каталки стоял металлический столик, на котором лежали горкой марлевые тампоны, стоял пузырек, по-видимому, с дезинфицирующим средством и рулончик пластыря.

Я принялась залеплять свои мелкие, но от этого не менее болезненные ранки, ожоги и царапины, отгрызая пластырь зубами. Первым делом залепила широкий и глубокий ровный порез поперек ладони на правой руке. Именно он причинял мне сейчас больше всего неприятностей.

Закончив зализывать раны и почувствовав себя несколько лучше, я обратила внимание на мужчину, лежащего недалеко от меня на соседней каталке. Он тоже, по всей вероятности, только что пришел в себя и пытался, подняв голову и изогнувшись, разглядеть длинную ровную рану, что тянулась по всему боку от подмышки почти до самого солнечного сплетения. Рана была довольно глубокая, края ее постоянно расходились, сочилась кровь.

Мужчина то ли от слабости, то ли от боли, снова обмяк, и его голова со стуком упала

обратно на каталку, а рука сползла с края и повисла плетью. Никого из персонала в комнате не было, а из коридора доносился шум, как с вокзала: кто-то кого-то звал, что-то постоянно брякало и гремело. Из открытого окна долетали до меня звуки сирен, шум работающей техники, чей-то голос постоянно зычно отдавал приказы... Наше помещение казалось островком спокойствия.

Я спрыгнула со своего насеста, ощутив горящими босыми ступнями приятную прохладу пола, подошла к своему соседу, стянула края мучившей его раны и залепила пластырем в нескольких местах, чтобы они больше не расходились. Потом подняла за запястье его руку и аккуратно пристроила ее вдоль туловища поверх простыни, которой он был накрыт ниже пояса. Он не двигался и не открывал глаз, и я от нечего делать принялась его разглядывать.

На вид ему можно было дать лет от тридцати до сорока. Был он из тех поджарых мужиков, что делаются чем старше, тем лучше. Его лицо с правильными чертами не портили даже морщинки возле крыльев тонкого прямого носа и хищно изогнутые, сведенные к переносице брови. Голова его была почти наголо острижена, так что судить о его масти можно было только по бровям и по короткой рыжевато-русой бородке. Кожа его была смугла, весь он был мускулист, подтянут и, наверное, привлекателен. Только сейчас он выглядел слегка растерзанным, как будто его кошки драли, весь, как и я, был покрыт царапинами и ожогами, синяками и порезами разной глубины.

Я обратила внимание на один из мониторов над его головой, на котором застыло изображение, похожее на рентгеновский снимок: была показана часть шеи, левой ключицы и плеча. И где-то в мышце над ключицей отчетливо был виден какой-то округлый предмет с четко очерченными краями, напоминающий по форме то ли таблетку, то ли батарейку от часов. Я привстала на цыпочки, чтобы получше его разглядеть. Потом бесцеремонно пощупала то место возле шеи незнакомца, пытаюсь найти непонятную штуку под кожей.

Пришла медсестра, держа в руках шприц и набор для шпопки живых человеческих тел в маленькой эмалированной ванночке. Увидев результаты моего творчества на боку у пациента, она удивленно подняла брови и взглянула на меня с легкой усмешкой, но промолчала.

Я безразлично пожалала плечами и вернулась на свою каталку. Смирно легла, накрылась простыней и, повернув голову, смотрела, как она сначала ввела пациенту в похожую на жгут вену на руке лекарство из шприца, а потом аккуратно отклеила наклепленные мной пластыри, обработала края раны йодом, держа тампон зажимом, похожим на ножницы, и ловко наложила швы. Приклеила сверху повязку и так же молча покинула помещение.

Я снова слезла со своего места и приблизилась к мужчине. Он дышал ровно и глубоко, грудь его мерно вздымалась, на шее мощно бился пульс.

Та штука на экране продолжала интриговать меня, я пыталась понять, что это такое и зачем кому-то понадобилось пичкать свое тело подобными штурковинами.

Отлипнув, наконец, от монитора, я вдруг заметила, что мужчина открыл глаза и уже какое-то время изумленно смотрит на меня снизу вверх. Когда я обратила к нему свое лицо, взгляд его приобрел какое-то совершенно дикое выражение.

— Что ты делаешь? — хрипло выговорил он.

— Ничего. Просто смотрю. — Я демонстративно убрала руки за спину.

Он некоторое время молча меня разглядывал, прищурившись. Я спокойно выдержала взгляд его светло-карих глаз. Потом скучаяще отвернулась, прошлепала к своей каталке, снова улеглась спиной на прохладную поверхность, накрылась простыней и сложила руки на

животе, глядя в потолок. Потом отвернулась спиной к этому странному типу с непонятной штукой над ключицей, подтянула колени к животу и, почти умудрившись свернуться калачиком на этом предельно узком ложе, заснула.

Когда я проснулась, проспав, по моим ощущениям, всего пару минут, плечо мое затекло и ныло, меня бил озноб, от которого не спасала легкая простыня.

— Очухалась.

Я повернулась на спину и увидела того самого мужчину. Теперь он стоял надо мной, одетый в джинсы и пеструю гавайку, расстегнутую и открывающую плоский мускулистый живот и часть повязки на боку, и усмехался. Я хотела удивиться, где это он так быстро раздобыл одежду, и едва успела подумать, где бы мне тоже достать что-нибудь кроме бинтов и пластырей, но он не дал мне додумать эту мысль, приблизившись совсем уж вплотную и застыв, как мне показалось, в угрожающей позе.

Теперь я смотрела на него снизу вверх и пыталась разгадать причины его странной реакции. Потом я, не помогая себе руками, села, свесив ноги, и прижимая к груди съезжавшую простыню, взглянула ему в лицо.

— У тебя такой вид, как будто ты боишься, что я на тебя брошусь и покусая.

Его лицо приняло недоверчивое выражение.

Он отогнул полу своей легкомысленной гавайки, заляпанной кровью и с огромной дырой на боку, и продемонстрировал свою повязку:

— А кто, по-твоему, это сделал?

— Медсестра. Я только пластырем заклеила. А она пришла и все зашила.

— Я вообще-то про рану. Ты мне бок распорола.

— Я?

— Ты.

Я удивилась, недоверчиво хмыкнула.

— Чем?

— Стеклом. Осколком.

Я взглянула на свою правую руку, где поперек ладони, заклеенный пластырем, саднил и пульсировал порез.

Резко вскинув на него глаза, я пыталась снова разглядеть его лицо и вспомнить хоть одну знакомую черту.

Смуглый, лысый. Без усов, но с короткой бородкой. Хищные брови, прищур, светлокариые глаза... Нет, вне всяких сомнений, я первый раз увидела его здесь, пока он валялся на каталке.

— Да ладно. А за что?

— Давай не придуривайся, а? — раздраженно фыркнул он, но тень сомнения все же промелькнула в его глазах, все так же недоверчиво сощуренных. Он отступил, сложил руки на груди, потом стал задумчиво тереть подбородок.

Я тоже фыркнула в ответ.

— Я не так уж часто бросаюсь на незнакомцев. — Он поднял бровь.

Лицо его приняло странное выражение — смесь недоверия, удивления и непонимания. Я совершенно не имела представления о том, что он там бубнил насчет осколка, хотя порез на моей руке мог служить достаточно правдоподобным подтверждением его слов. Я пожала плечами и, чувствуя, что озноб еще усилился, закуталась в свою простыню, как в плащ, и нахохлилась.

Он снова подошел ко мне вплотную, оперся руками о край каталки, на которой я сидела, и оказался ко мне нос к носу, так, что мне стало видно в его зрачках собственное искаженное отражение. Я не пошевелилась и рассматривала с близкого расстояния царапины на его лице, морщинки вокруг прищуренных глаз...

Он изучал мою реакцию на его явно агрессивное поведение, потом скептически покачал головой и с усмешкой произнес:

— Ты или потрясающая актриса, или у тебя крыша поехала.

— Других вариантов нет? — осведомилась я.

— Другие маловероятны, — сухо отрезал он, не поведя и бровью.

Я немного поерзала, пододвигаясь к нему поближе и давая понять, что его угрожающий вид совершенно не произвел на меня впечатления, высунула из-под простыни руку и провела по его щеке костяшками пальцев. Он замер, и тогда я, подцепив кончиками пальцев его подбородок, притянула к себе его лицо и легонько прикоснулась губами к его губам. Он закрыл глаза и мужественно выдержал еще один мой легкий поцелуй. Потом открыл глаза и спросил едва слышно:

— Что ты делаешь?

— То, что мне хочется, — ответила я и собралась поцеловать его в третий раз, но он резко отшатнулся, глядя на меня почти с ужасом.

— Ты что, правда не помнишь меня?

— Ты, конечно, парень незабываемый и вообще, наверное, неотразимый. Но что-то мне подсказывает, что я тебя не помню. Или не знаю.

Он задумчиво склонил голову набок, упер руки в бока, осматривая меня с головы до босых ног, которыми я, не доставая до пола, начала бултыхать.

— А что ты помнишь?

Я честно задумалась, покопалась в ошметках памяти, помотала головой.

— Мало что. Взрыв, пожар.

— Как тебя зовут?

— Не знаю.

— Откуда ты?

— Не знаю я!

— Как ты сюда попала?

— Я помню взрыв и пожар, больше ничего.

— И все?

— Все.

— Что было до взрыва? Что ты делала? Где была?

— Я не знаю, — сказала я отдельно.

— Ты умеешь читать?

Я пошарила глазами по помещению, нашла несколько табличек с надписями. Шрифт был мелкий, мне не разглядеть. О, на стеклянной двери была надпись с той стороны: «Приемный покой», буквы были перевернутые. Я кивнула в сторону двери и прочитала надпись вслух. Мужчина кивнул.

— У тебя есть документы?

— Не знаю. Вон, кажется, мои вещи, — я кивнула на грудку тряпья, которая все еще лежала на кафельном полу. Он кивнул, подошел поближе, поднял и ощупал каждую растерзанную тряпочку. Документов не было, но он почему-то остался доволен.

Он снова подошел ко мне, распахнул на мне простыню, бегло осмотрел мою забинтованную на манер мумии фигуру. Я безучастно наблюдала за его действиями. Он аккуратно прикрыл меня снова, отошел и уже от двери сказал:

— Я сейчас принесу тебе одежду, и мы уйдем. Поняла?

Я кивнула.

Он вышел, напоследок кинув на меня свой пронзительный взгляд с прищуром. Его не было довольно долго. Продолжая сидеть на краю каталки и покачивать ногами, я уже начала подумывать, не уйти ли мне отсюда как есть, босиком и в простыне. И без провожатых.

Вошла давешняя медсестра, неся в руках ворох какой-то одежды. Молча протянула его мне, с сомнением глянула на моего недавнего знакомца, неторопливо шедшего за ней следом. Хотя почему знакомца? Он мне так и не представился.

Он молчал.

Я взяла одежду. Это оказались драные джинсовые шорты, немного свободные мне в талии, но не спадали, и то ладно. И футболка, довольно просторная, что меня тоже вполне устраивало.

— Расскажите, пожалуйста, как нас доставили, — попросил мужчина медсестру.

Она неуверенно улыбнулась, посмотрела на нас обоих и сказала, обращаясь к нему:

— Вас нашли возле горящего здания после взрыва, вы лежали, обнявшись. Мы поэтому вас и поместили тут рядышком.

Я молча надевала слегка оплавленные на подошвах кроссовки на босу ногу. Обувь была, возможно, моя: наделась как влитая.

Когда я выпрямилась, мужчина протянул руку, жестко взял меня за запястье и, кивнув опарашенной медсестре, потянул меня к выходу.

— Подождите, — сказала нам вслед медсестра, — надо же оформить документы.

Он обернулся, полоснул по ней своим колючим взглядом, решительно вышел, таща меня на буксире, провел по больничным коридорам, прекрасно в них ориентируясь, и вывел из здания больницы.

На улице было солнечно, но горько пахло дымом, и теплый ветерок не приносил свежести.

Мы молча прошагали пару кварталов, прежде чем я поняла, что гарью стало вонять сильнее, а мы явно приближались к месту взрыва.

Мы остановились в нескольких сотнях метров от пострадавшего здания. Квартал был перегорожен лентами, возле которых, как и положено, толпилась куча народа: кто просто смотрел, кто снимал происходящее на смартфон; в зоне ЧП копошились люди в огнеупорных комбинезонах, стояли машины с включенными мигалками.

Огонь погас, но дым, пар и вонь заволокли все вокруг, и от обгорелого скелета здания, которое так и не рухнуло, все еще веяло горячим.

Мы стояли и молча смотрели издали на суету и возню возле места взрыва. Вокруг нас перетаптывалась толпа таких же зевак, как и мы, деловито шныряли и вели свои прямые репортажи многочисленными съемочными группами.

— Погибших много? — спросил мой спутник у патрульного полицейского, ходившего вдоль ограждения с хмурым видом. Он остановился, оценил наш растерзанный вид, смягчил выражение лица и ответил:

— Погибших нет, к счастью. Только несколько десятков раненных. Вы тоже оттуда? — он указал большим пальцем себе через плечо.

— Нет, мы попали в аварию, — ответил мой незнакомец, снова взял меня за запястье, и когда полицейский неторопливо двинулся дальше, повел меня прочь от этого места, шарахаясь от телекамер.

Мы шли вдоль набережной, одетой в гранит, и я рассматривала здания на другом берегу реки, по которой плавно двигались прогулочные катера и лодки.

По пути нам попалась уличная кафешка. Ни о чем меня не спрашивая, этот тип купил мне мороженое, кофе в бумажном стаканчике и гамбургер. Себе взял тоже гамбургер и банку пива.

Сдержанно поблагодарив, я откусила от своего мороженого пару кусочков, потом бесцеремонно вынула из его руки жестянку с пивом и всучила ему надкусанное лакомство. Он сделал большие глаза и едва не поперхнулся тем глотком пива, который успел сделать.

Я вылакала залпом полбанки ледяного пива и вернула остатки ему. Он хмыкнул и взял банку, демонстративно доедая мое мороженое. Я принялась за гамбургер.

— А как тебя зовут-то? — прощамкала я с набитым ртом.

— Конштантин, — тоже с набитым ртом ответил он мне.

— А меня как?

— Ну, я тебя знаю как Евгению, — ответил он мне, прожевав.

— А на самом деле?

— Это еще надо выяснить.

Я какое-то время ела молча, переваривая услышанное и съеденное и созерцая речку.

Я доела свой гамбургер и отхлебнула последний глоток пива из его банки.

— А где мы с тобой познакомились?

— Здесь.

— Как же мы очутились вместе в той больнице?

— Долгая история, — ответил он, вытирая рот салфеткой.

— А мы спешим?

— Да.

— Куда?

— Сам еще не знаю.

Глава 2

*сейчас мы вам покажем пятна
скажете что нибудь о них
простите я не аналитик
я псих
© zrbvjd*

Он привел меня в психушку.

Вообще-то это, наверное, была какая-то хорошая клиника, может быть, частная, не исключено, что элитная. Во всяком случае так я решила, когда оглядела внутреннюю отделку тех помещений, по которым мы добрались до приемной главного врача. Теперь я сидела на мягком стуле, пока Константин договаривался о чем-то с хозяином кабинета, вертела головой, постукивала коленками друг о дружку и пыталась подслушать, о чем там они говорят за закрытой дверью. Обо мне, ясен пень. Просто интересно, что именно. Не разобрать не удавалось ни слова, только сплошное «Бу-бу-бу».

Потом дверь открылась, они оба вышли и подошли ко мне.

Константин, держа руки в карманах джинсов, хмуро смотрел на меня и молчал. Главный врач, нестарый еще, сухощавый лысеющий дядечка, приветливо мне улыбнулся:

— Ну, Евгения, поживете пока у нас, я вам обещаю, что здесь вам даже понравится. Вы ведь будете себя хорошо вести? Костя сказал, что вы милая и послушная девочка.

Я взглянула на Костю, сильно сомневаясь, что он говорил обо мне именно в таких выражениях, но кивнула доктору, чтобы он именно так обо мне и думал.

— Я буду тебя навещать, — мрачно пообещал Костя, чмокнул меня в лоб, кивнул доктору на прощанье и удалился, не вынимая рук из карманов своих штанов.

В клинике мне понравилось. Это было тихое и уютное местечко. Можно даже сказать, спокойное. Пациенты здесь буйствовали редко. А может, просто звукоизоляция была хорошая.

Я была милой и послушной девочкой. Приветливо здоровалась с персоналом, завела несколько знакомств с местными обитателями (некоторых из них язык не поворачивался назвать пациентами, выглядели они вполне адекватными, можно сказать, здоровыми людьми). Вот с соседкой по комнате мне не повезло. Это была молодая девица-шизофреничка. Большую часть времени она была тиха, задумчиво бормотала что-то себе под нос, в основном не обращая на меня внимания. Но иногда на нее находило, она начинала злобствовать, расхаживала по комнате, ругала правительство, главного врача, медперсонал больницы, один раз досталось даже мне.

Я наблюдала за ней безучастно, сидя на своей кровати, обхватив колени и положив голову на локти. Она встала передо мной и завела одну из своих бесконечных и бессмысленных речей, которые сводились к тому, что вокруг нее сплошные враги. Когда ее нападки стали касаться только меня, я никак не реагировала до тех пор, пока она не начала тыкать меня кулаком в плечо. Я не отреагировала на первый тычок и на второй, посильнее.

Когда же она попала в больное место, в еще не заживший ожог, я встала и хладнокровно, можно даже сказать, спокойно, ни слова не говоря, смачно двинула ей под дых так, что она сначала согнулась пополам, а потом попятилась к своей кровати. После чего я уселась обратно в той же позе, а она забралась на свою койку и закрылась от меня подушкой. Больше она ко мне не лезла.

На следующий день в общей («игровой») комнате ко мне подошел главный врач и мягко пожурил за то, что я не сообщила об инциденте санитарам.

— Вы уж поймите, Евгения, о таких случаях надо нам сообщать, чтобы мы приняли меры, скорректировали Настеньке дозу лекарств. И очень вам рекомендую, если в следующий раз подобные вспышки повторятся, не вступать в рукопашную, а воспользоваться кнопкой экстренного вызова. Договорились?

Я молча кивнула, он с довольным видом потрепал меня по плечу (тоже попал в злосчастный ожог!) и удалился. Я скрипнула зубами.

— А ты что, Настюхе Буйной заехала? — громким шепотом спросила меня баба Галя из соседней палаты, веселая выдумщица, которая, как говорили, подожгла свой дом и долго смотрела на огонь, что-то бормоча и кивая головой, пока соседи и пожарные суетились вокруг. Мы с бабой Галей частенько шушукались, так что было слышно на всю игровую, переминая кости пациентам-старожилам и персоналу. Точнее, я слушала, а баба Галя своим громогласным шепотом рассказывала мне свежие сплетни.

Не знаю, кто, что и от кого про меня узнал, но до меня через бабу Галю дошли слухи, что меня в клинике окрестили Женькой Беспамятной. А может, это было ее рук, вернее, уст, дело.

Каждый день я ходила «на собеседования» к доктору Бринцевичу. Отвечала на его вопросы, заполняла анкеты и опросники, рисовала ему всякие картинки, рассматривала кляксы и цветные пятна. Я ждала, что он начнет погружать меня в гипнотический транс или что-то подобное. Но он просто разговаривал со мной, обсуждал погоду, пациентов, интересовался, устраивают ли меня условия проживания в этой замечательной клинике.

Меня все устраивало. Персонал, похоже, это удивляло и поначалу даже напрягало. Мне казалось, что они сами не могли определиться с моим статусом: то ли я пациент, то ли почетная гостя. Мне даже иногда казалось, что они чего-то от меня ждут: буйства, побега, очередной потасовки... Потом ко мне потеряли интерес и стали относиться как к тем из проживающих, кто не доставлял особых хлопот: смеялись, шутили, приветливо здоровались, не настаивали на строгом соблюдении распорядка.

Через пару недель моего пребывания в этом заведении мне разрешили гулять по небольшому ухоженному садику, огороженному высокой каменной стеной, через которую почти не проникал городской шум. Я подолгу сидела на скамейке, грелась на солнышке, вдыхала ароматы петуний и шиповника и слушала, как чирикают над головой птички. Иногда ко мне подсаживалась баба Галя, и мы в компании друг друга наслаждались летней благодатью.

Однажды во время одной из таких безмятежных прогулок я увидела, как из главного здания вышел Константин и направился по садовой дорожке в мою сторону.

Я негромко сказала бабе Гале:

— Бабгаль, это ко мне.

Она сделала большие и круглые глаза, оглядывая стройную фигуру мужчины, решительно шагнувшего к нам. Повернула ко мне восхищенное лицо, хитро подмигнула и

спросила своим неповторимым шепотом, больше похожим на приглушенный рык:

— Родственник? Хахаль?

Я не ответила и слегка пихнула ее локтем, намекая, чтобы она испарилась. Она суетливо подхватила и засемила прочь, то и дело оглядываясь. Я не сомневалась, что, обогнув ближайšie кусты, она займет наблюдательный пост и станет подслушивать.

Константин остановился передо мной, посвежевший и похорошевший с того раза, как я видела его в кабинете у главврача: без синяков, почти без ожогов и царапин он выглядел вполне респектабельно в своей светло-серой рубашке навыпуск, модных потертых джинсах и мокасинах.

Он стоял, сунув руки в карманы, молча смотрел на меня и, похоже, просто не решался ни заговорить, ни присесть рядом.

Я приглашающе похлопала по скамейке возле себя, и он, оглядевшись вокруг, как настороженный зверь, подошел и уселся. Я тоже огляделась и заметила в ближайших кустах бабу Галю в засаде. Я помахала ей рукой, она засмушалась, сделала мне ручкой и поспешно удалилась.

— Привет, — наконец обронил мой гость.

— Привет, — в тон ему отозвалась я.

Он помолчал. Я гадала, зачем он пришел. Идей не было. Я, конечно, помнила его слова о том, что именно я распахала его бок. Но мне даже не было любопытно, при каких обстоятельствах и зачем я это сделала. Да и верилось-то с трудом.

Я снова взглянула на правую ладонь, где вдоль линии жизни розовел едва затянувшийся тонкий рубец. Он тоже кинул косой взгляд на мою руку, потом перевел глаза на меня и наконец спросил напряженным голосом:

— Ты что-нибудь вспомнила?

— О чем? Об этом? — я протянула ему ладонь со шрамом.

Он кивнул и продолжал вопросительно вглядываться в мое лицо.

Я скривила губы и покачала головой.

— А должна? Доктор Бринцевич говорит, что если это был посттравматический шок, то память может и не восстановиться.

— Он пытался что-то сделать?

Я пожала плечами.

— Не особо, по-моему...

Мне показалось, что мужчина вздохнул с некоторым облегчением.

Я подозрительно косилась на него и молчала.

Он отводил от меня глаза и тоже ничего не говорил. Я снова заметила в отдалении бабу Галю, которая, не сильно скрываясь за тонким деревцем, издали пожирала нас глазами.

— Костя, — теряя терпение, позвала я его, — зачем ты пришел?

Он как будто даже вздрогнул, словно я задела его больное место. Он пристально на меня посмотрел.

— А тебе неприятно меня видеть? — настороженно спросил он, как-то весь подобрившись.

— Приятно, — спокойно ответила я. — Мне приятно видеть солнце, зеленые листья, эти цветущие кусты, тебя... Но ведь ты пришел не за этим? И не на меня посмотреть. Мы с тобой вообще кто — друзья или враги?

— Я и сам пытаюсь это понять, — честно ответил он, странно улыбаясь.

Я вспомнила его дикий взгляд, когда он пришел в себя после взрыва.

— Я пыталась тебя убить? — «в лоб» спросила я, не ходя вокруг да около.

— Нет, ты защищалась. Это я пытался тебя убить.

Я была слегка ошарашена и пыталась представить, при каких обстоятельствах, как и зачем этот человек пытался меня убить, а теперь как ни в чем не бывало сидит рядом со мной на скамеечке, слушает пение птичек, любит цветочками и преспокойно мне об этом сообщает.

— А за что? А почему теперь не пытаешься? Теперь я для тебя не опасна? Я что-то знала и забыла, да? Ты пришел в этом убедиться?

— Все не совсем так, — поразмыслив, ответил он, снова взглянув на меня своим колючим взглядом. — Ты для меня не опасна. Опасность грозит тебе. И мне. Мы в одной лодке.

Он взглянул мне прямо в глаза, и я прочитала в его светло-карих глазах под нахмуренными бровями с классическим злодейским изгибом настоящую тревогу.

— Я тебя еще навещу. И возможно, с тобой поговорит еще один... специалист... доктор. Я пожалала плечами.

Он накрыл мою руку своей жесткой ладонью и слегка пожал. Потом встал и решительно зашагал прочь. Я смотрела на его гибкую стройную спину, пока он неторопливо удалялся от скамейки, сунув одну руку в карман джинсов, а другой задумчиво теребя свою отросшую щетину на подбородке, когда ко мне подседа изнывающая от любопытства и нетерпения баба Галя.

— Красавец! — восхищенно прорычала она мне в ухо. — Он тебе кто? Муж? Брат? Любовник?

— Я его второй раз вижу, — равнодушно проронила я. — У тебя, Бабгаль, все красавчики, кто моложе полтинника.

— А чего же он тебя тогда навещает? — бабу Галю не проведешь.

— Бабгаль. Спроси у него в следующий раз сама, а?

— А он придет? — жадно спросила любопытная старушенция.

— Кто ж его знает.

— А тебе что, все равно, придет он к тебе или нет?

— Все равно.

Баба Галя хмыкнула, снова посмотрела вслед удаляющемуся Константину и покачала головой. — Подозрительно это все.

Теперь головой покачала я и закатила глаза.

— Бабгалья, тебе скучно? Вон смотри, Наська с Володей сейчас подерутся.

Я кивнула в сторону Насти, которую мягко пытался утихомирить и увести с улицы санитар Володя. Настя кричала и кидалась на него с хилыми кулачками, могучий Володя терпеливо сносил ее нападки и удары, к нему на выручку уже спешил напарник, который сзади бережно взял Настю за локти. Володя как по волшебству извлек из кармана куртки шприц с успокоительным и ловко сделал укольчик в плечо. Настя еще немного побилась и повопила, потом позволила себя увести в здание, и сбегавшая толпа любопытных пациентов разочарованно разбрелась по дорожкам сада, ненавязчиво сопровождаемая персоналом. Баба Галя упорхнула сразу же, как только я обратила ее внимание на более интересный объект, и теперь оживленно обсуждала с очевидцами происшествие, смакуя детали и выдумывая новые подробности.

Я еще побродила по дорожкам сада, уж больно не хотелось возвращаться в душную палату, и покрутила в голове весь разговор с Костей, пытаюсь разложить все по полочкам.

Голова моя была на удивление пуста, да и раскладывать в общем-то было почти нечего.

Не друзья, не враги. Он пытался меня убить, я защищалась, распорола ему бок. Я сжимала и разжимала ладонь правой руки, пытаюсь представить себе кусок стекла и как я его всаживаю его в бок человека. Я вспомнила рану, которую пыталась собственноручно залепить пластырем. Стекло только проехало по ребрам. Глубоко, неприятно, но не смертельно. Повезло мужику, могло и воткнуться, было бы гораздо неприятнее.

А мне? Он пытался меня убить... Почему не убил? Я его остановила? Или он сам передумал? Выглядел он как типичный злодей, которому убить человека — как комара прихлопнуть. Высокий, спортивный, сплошное сочетание силы и звериной грации.

Как же мне удалось так ловко пырнуть его этим осколком, а самой выжить, да еще и пережить этот ужасный взрыв? Я перебирала эти вопросы один за другим, примеривала к ним разные варианты. Но ответов не находила. Память отказывалась мне помогать, и выудить что-то новое из той мути в голове я так и не смогла.

Еще мне было непонятно, почему он признался мне в попытке меня прикончить? Почему он не боялся, что я его сдам при первой возможности?

Хотя, если подумать, кому я могла на него пожаловаться? Главному врачу клиники для душевнобольных? Жаловаться на человека, который меня сюда привел? И кто поверит психичке, которая ничего не помнит?

А еще он сказал, что мне грозит опасность, так же, как и ему. Пищи для размышления на эту тему было ничтожно мало, так мало, что даже страх или тревога, вполне, казалось бы, логичные, у меня не возникли.

Вообще, крайне глупо с его стороны было вот так заявляться в «дурку» и пытаться запугать душевнобольного человека какими-то неведомыми опасностями. Или он меня не считал сумасшедшей?

В конце концов я перестала «обсасывать» эту тему и вернулась к своей безмятежной и спокойной обыденности в стенах нашего тихого и уютного дурдома.

Глава 3

*пришельцы действуют на разум
посредством всяческих полей
а мы потом шизофренией
болея
© петкутин*

Примерно через месяц, в самый разгар лета, Константин снова меня навестил. И привел с собой какого-то подозрительного типа, видимо, того самого «доктора», которого он мне так и не представил. А Бринцевич лебезил перед ним, как перед начальством. Константин молча кивнул мне и отошел в сторону, предоставив меня специалистам.

Пришлый доктор, высокий, худой, несуетливый, то и дело поправлял сползающие очки, улыбался мне как старой знакомой и называл Женечкой.

— Пойдемте, Женечка, побеседуем в отдельном кабинетике. Нам Борис Маркович любезно позволил... Вы ведь не против небольшого сеанса гипноза? Ну и чудненько.

Мы прошли в кабинет с минимальной обстановкой: пара кресел, кушетка и пустой журнальный столик. Портьера, едва пропускающая дневной свет, ниспадала мягкими складками и создавала приятный полумрак. В углу небольшая пальма в кадке. Расслабляющая атмосфера, самое то для сеансов гипноза.

— Давайте сразу на кушеточку, Женя.

Я заколебалась, но он настаивал:

— Прилягте, прилягте. Мы ведь помним, как вы плохо реагируете на гипноз.

Я подняла бровь и резко затормозила возле кушетки, развернувшись к доктору лицом.

— Вы меня знаете? Мы раньше встречались?

— Встречались, встречались. И не раз, — ворковал он, пытаясь усадить меня на кушетку. — Мы с вами долго работали, и я вас упорно не рекомендовал на эту... вакансию. Давайте посмотрим, что у вас осталось в голове от этих наших встреч. Вы прилягте, расслабьтесь. Я не причиню вам вреда.

Я легла на кушетку и стала смотреть в потолок. Однако краем глаза видела, что доктор снял пиджак, аккуратно сложил его на спинку кресла, засучил рукава рубашки, пододвинул кресло ко мне, сел, подавшись вперед, оперев локти в колени.

— Женя, вы не могли бы повернуть голову ко мне и смотреть на меня, лучше в глаза.

Я повернула голову и увидела, как дверь кабинета приоткрылась, и Константин проскользнул в помещение и прислонился спиной к косяку, стараясь не делать лишних движений.

— Доктор, пусть он уйдет, пожалуйста.

Доктор озадаченно поправил очки, повернулся к вошедшему и произнес мягко:

— Константин, правда, если вы хотите помочь нам достичь максимального эффекта, вам лучше оставить нас одних. У нас с Женей будет приватный сеанс, мы хотели бы достичь максимальной расслабленности...

— Я останусь.

Это прозвучало твердо и безапелляционно. Доктор пожал плечами, но я уперлась:

— Тогда никакого сеанса не будет! — и решительно встала с кушетки.

— Костя! Ну я же просил! — мягко укорил его доктор, тоже вставая.

Костик подался вперед, но кабинета не покинул.

— Ну что вам стоило немножечко подождать? — продолжал увещевать его доктор. И неожиданно, резко повернувшись ко мне, он выбросил вперед руку и очень точно, мягко и аккуратно положил мне ее на лоб.

Мои ноги подкосились, и я начала падать обратно на кушетку. Костя, как будто ждал именно этого, мгновенно оказался рядом и, подхватив, осторожно уложил меня на мягкую поверхность.

Я не могла пошевелиться, звуки стали доходить как сквозь воду, в глазах то и дело плыло, как будто их заволочло слезами, но я не могла даже моргнуть.

Тем не менее я отчетливо разобрала голоса, как будто слегка отделившиеся от меня:

— Ну, зашли бы попозже, раз вам так надо присутствовать. Она же уже почти согласилась. Вы же знаете, какая у нее сопротивляемость гипнозу и внушениям.

Надо мной возникло лицо Костика, который заглядывал мне в глаза. Потом провел рукой перед моим лицом.

— Она нас слышит?

— Конечно, слышит.

— А видит? — он снова провел рукой перед моими глазами.

— Думаю, да. Удивительно сильная воля. Ну, была когда-то, во всяком случае. Посмотрим, что удалось сделать с ней этим варварам.

— Но вы сможете погрузить ее в транс?

— Думаю, да. Но гарантии дать не могу. Я же не знаю, насколько далеко зашли эти...

— Да-да, я понял. Приступайте.

Он отошел куда-то вглубь комнаты, и я увидела над собой руки доктора, обнаженные по локоть. Он положил обе ладони мне на виски и провел большими пальцами по моим едва отросшим после пожара бровям. Мои глаза закрылись сами собой, я погрузилась в темноту собственных мыслей, изо всех сил стараясь удержать в голове хоть какие-то обрывки образов, впечатлений, ощущений или воспоминаний.

Под моими закрытыми веками плавали цветные пятна, которые не складывались ни в рисунки, ни в мысли. Я даже не смогла бы точно назвать цвета, которые просто переливались один в другой. Постепенно пятна тоже угасли и наступила полная темнота, которая длилась целую вечность.

Потом из мрака возникло яркое пятно и стало двигаться ко мне. Когда оно приблизилось настолько, что стало казаться похожим на огненный шар, я почувствовала тепло, а когда огонь заполнил все пространство в моей голове, я уже чувствовала всем телом нестерпимый жар и пыталась от него уйти, уползти, хотела крикнуть, но не смогла набрать воздух в обожженные легкие. Потом я почувствовала, как чьи-то сильные руки прижимают меня за плечи к кушетке, из темноты и ярких пятен возникло напряженное лицо Константина, и я почему-то успокоилась и постепенно расслабилась. Железная хватка на моих плечах тоже ослабла, и я с трудом подняла руку и коснулась костяшками пальцев его щеки, создавая себе ощущение дежа-вю.

В этот момент я снова начала слышать шепот доктора:

— Вы видите? Поразительная сопротивляемость. А я ведь запретил ей двигаться. Она не должна...

Я открыла глаза и увидела реального Константина, который продолжал удерживать меня на кушетке, и свою руку возле его лица. Он осторожно взял мое запястье и вернул руку обратно на кушетку.

Доктор опять положил мне свою руку на лоб, и я снова закрыла глаза, теперь уже сама.

— Женя, сейчас мы постараемся мягко выйти из транса, вы успокойтесь и просто полежите на кушетке. Вам не о чем беспокоиться, вы большая молодчинка. Сейчас вы откроете глаза

Я почувствовала, как ощущение огня на моей коже становится все менее реальным, как будто боль стихала. До меня начало доходить, что никакой боли не было, и этот огненный шар — это не реальность, а скорее дурной сон, полустершееся воспоминание. Реальным было ощущение живой теплой кожи, которое еще хранили мои пальцы. И я, еще не совсем придя в себя, хлестнула наотмашь по лицу, к которому только что прикасалась, то ли во сне, то ли наяву.

Костик дернулся, и я поняла, что это уже точно не сон. Доктор продолжал нести успокоительную чушь:

— Это всего лишь реакция на транс, я же вас предупреждал, что она может быть непредсказуемой.

Я молча смотрела, как гримаса еле сдерживаемой ярости на лице мужчины сменяется растеряннo-угрюмым выражением.

Доктор вместо того, чтобы скрутить и утихомирить буйную пациентку дурдома, мягко взял за плечи Константина, у которого немедленно начала гореть щека, и слегка отстранил от меня. Костик ожег его своим взглядом василиска, и доктор, смутившись, отдернул руки.

Загородив меня своей спиной, доктор продолжал оттеснять его к выходу:

— Давайте мы поговорим с вами чуть позже. Мне еще надо провести кое-какие тесты, проверить рефлексы, прощупать ее эмоционально-волевою сферу...

— Нет, — неожиданно для самой себя сказала я. Мужчины удивленно обернулись ко мне. — Пусть он останется. Но только при условии: все, что вы собираетесь ему сказать, вы скажете при мне!

Они переглянулись, и Костя, к моему изумлению, кивнул. Доктор пожал плечами и поправил очки.

Когда мы закончили меня «прощупывать» и тестировать, доктор обращался исключительно к Константину, хотя меня из комнаты все же не прогнал, и теперь я устроилась в глубоком мягком кресле споджатыми ногами, обхватив руками колени и положив на них подбородок.

Они говорили обо мне, но я слушала отстраненно, воспринимая все услышанное как относящееся к кому-то другому. Как будто при мне обсуждали кого-то постороннего.

— Вы же знаете, Костя, я изначально был против ее использования. Она же совершенно не подходит под эту вашу «программу». Ну и в итоге что? В итоге сломали девочку, как я и предсказывал. Причем заметьте, им пришлось почти полностью «стереть» ее личность, удалить все воспоминания. Но при этом они так и не смогли сломать до конца ее волю. Как она выжила? Я уверен, что в этом больше ее заслуги, чем вашей, — доктор усмехнулся, а Константин, который до этого слушал, не перебивая и уставившись мрачно в одну точку, так

на него зыркнул и повел своей злодейской бровью, что доктор осекся и покосился на меня.

— Док, не тяните резину. Что вы скажете? Это поправимо? Она восстановится? Я имею в виду не только ее воспоминания.

— Да, воспоминания до «ключа» вряд ли уже восстановятся. Я копнул глубоко, но там пустота, вы сами слышали. В целом она не пострадала, я имею в виду психику и интеллект. Но вот ее эмоционально-волевая сфера серьезно затронута. Я вот наблюдаю заметный регресс чувств, алекситимию непонятной этимологии, пока неясно, обратимую или нет...

— Но вы же говорили...

— Да, да, волю они так и не сломали до конца. А вот эмоции... — он немного потеребил свой подбородок, подбирая слова. Потом поправил очки, вскинул глаза на Константина и заключил: она не испытывает практически никаких чувств и эмоций: ни положительных, ни отрицательных. Никаких.

— В смысле? — опешил Костик. — Она теперь как робот, что ли?

Он покосился на меня, ожидая от меня, наверное, каких-то монструозных действий.

— Нет, что вы. Она обычный человек, как вы или я. У нее сохранены все речедвигательные навыки, она испытывает обычные человеческие потребности. Просто она не радуется и не огорчается. Ей все равно. Но интеллект не пострадал, и это главное. С этим можно жить. Она привыкнет.

Он задумчиво посмотрел на меня, поправил очки и пожал плечами.

Вот так. Что ж, я привыкну.

Константин ушел, не попрощавшись. Доктора выпроваживал Бринцевич, суется, лебезя и приглашая почаще навещать его заведение. В робком перешушукивании персонала больницы, которое было слышно еще несколько дней после его визита, мой слух уловил фамилию, произносимую почти что с трепетом и частенько в сочетании с моим именем: Левин.

Я вернулась к своей размеренной дурдомовской жизни, не особо интересуясь, кому и за какие заслуги я обязана своим весьма недешевым здесь содержанием. Меня перестали вызывать к главврачу на «собеседования», не давали мне никаких лекарств и вообще, похоже, забыли о моем существовании.

Я продолжала жить, как в санатории, начала посещать больничный спортзал. Некоторые книги казались мне знакомыми, но и только. Никаких вспышек и озарений, никаких нахлынувших на меня воспоминаний не случилось. Да я и не ждала особенно...

Моя закадычная подружка баба Галя рассказывала мне историю своей бурной молодости и походов. Не знаю, насколько это были ее реальные воспоминания, а что из всего этого было выдумкой. Она иногда спохватывалась, что я нагоняю, по ее словам, таинственности и ничего про себя не рассказываю. Я мирно напоминала ей, что мне нечего рассказывать, и она сочувственно кивала головой. И через некоторое время снова приставала ко мне с расспросами.

Однажды я отчетливо осознала, что не знаю, как выгляжу. Зеркала в больнице не водились, даже в душевой. Нам не выдавали расчесок, и я после мытья долго перебирала отросшие спутанные пряди, заплетала мелкие косички где попало, чтобы волосы не лезли в глаза.

Персонал больницы после визита Доктора держался со мной вежливо и даже как будто уважительно, словно я была на привилегированном положении. Как оно обстояло на самом

деле, мне не у кого было спросить. Но я трезво рассудила, что могу использовать свое положение себе во благо, и однажды выпросила у дежурной медсестры Наташи зеркальце. Она, воровато оглядевшись по сторонам, не видит ли нас кто, вытащила из кармана своей приталенной форменной курточки маленькое зеркальце и сочувственно смотрела, как я себя в нем пытаюсь разглядеть.

— Да ты не переживай, Жень, хорошо ты выглядишь. У тебя на лице даже не осталось никаких следов от ожогов. Хочешь, я тебе нормальные косички заплету?

Я благодарно ей кивнула, и она за какие-то десять минут, все так же воровато оглядываясь, как будто мы занимались чем-то неприличным, привела в порядок мою голову. Вновь глянув на себя в зеркало, я со странным чувством увидела там совершенно незнакомую мне молодую женщину с двумя косичками «колоском», умело заплетенными ловкими Наташиными пальцами. У этой незнакомой мне женщины были чуть раскосые темные серо-зеленые глаза, черные брови с красивым изгибом, правда, одна выше другой. Взгляд был серьезный и настороженный, как у кошки. Узкое заостренное лицо, маленький рот придавали мне еще большее сходство с этим зверьком. Я одобрительно покивала своему отражению, вежливо улыбнулась Наташе и вернула зеркальце.

Константин появился, как у нас повелось, внезапно, когда я и думать о нем забыла. Я увидела его мельком издалека в коридоре больницы. Не заметив меня, он своей энергичной походкой направился сразу в кабинет главного, распахивая туда дверь, как к себе домой. Я притаилась неподалеку и стала ждать, что будет дальше, потому что ежу понятно, что снова он здесь объявился не просто так, и весь вид его говорил о том, что что-то случилось. Будучи, наверное, от природы пессимистом, я как-то сразу предположила, что это что-то не особенно хорошее.

Он пробыл в кабинете главного недолго, вышел и так же стремительно, как и появился, покинул поле зрения.

Потом у меня в палате появилась старшая медсестра, принесла мне одежду (новенькую, аж прямо с этикетками), бумаги в папке шлепнула мне на кровать и велела собираться. Я оторвала зубами бирки с ценниками и переделалась в легкие эластичные джинсы, тонкую кожаную куртку, удобные кожаные полуботинки.

Прижимая к животу стопочку бумаг, в которые я успела заглянуть одним глазком (карта, выписка, мои рисунки, какие-то заключения и заметки доктора Бринцевича), я прошла за старшей по коридору. В фойе, сунув руки в карманы, молча и безучастно стоял Константин, в чьем присутствии и участии в этом балагане я с самого начала ни секунды не сомневалась. Ему пришлось подождать, пока я по очереди попрощаюсь с теми, кто пришел меня проводить, включая самого доктора Бринцевича, пока баба Галя с намернувшимися на глаза слезами висела у меня на шее. Я помахала на прощание Наташе, которая как раз в этот день заступила на очередное дежурство. Потом он подошел ко мне, забрал мои бумаги, бегло их осмотрел, задержавшись взглядом на моих рисунках, взял меня за руку и увел из больницы.

Мы снова сидели в кафешке на набережной и пили пиво. От гамбургера я отказалась, мороженого он мне в этот раз даже не предложил. Было зябко, пасмурно, в конце лета быстро смеркалось, и сидеть возле реки было довольно прохладно. Я вспоминала, как мы пришли сюда первый раз, в конце весны, как солнечные блики слепили глаза, кричали маленькие чайки, которых подкармливали с парапета прогуливающиеся парочки, как разъезжали по набережной подростки на велосипедах, роликах и скейтах.

В клинике доктор Бринцевич как-то просил меня описать или нарисовать место, где я была счастлива, или которое мне нравилось. Я смогла вспомнить всего несколько мест: приемный покой, в котором я очнулась, обгоревшее здание (уже после пожара) и вот это кафе. И я описала ему одетую в гранит речку с ее неспешными прогулочными катерами, чайками и кафешкой под зонтиками.

Костя молча пил свое пиво, читал записи из больничной папки и время от времени бросал на меня мрачные взгляды из-под нахмуренных бровей. Снова долго рассматривал рисунок набережной, на которой мы сейчас находились. Я вытянула шею и тоже стала его рассматривать, сравнивая с оригинальным пейзажем. А что, довольно похоже получилось, узнаваемо. Я зябко поежилась, закуталась в куртку и нахохлилась на своем стуле, прихлебывала холодное пиво маленькими глоточками, грея во рту, держа банку заледеневшими пальцами.

— Зачем ты забрал меня из клиники? — наконец спросила я. — Куда мне идти?

Он, похоже, ждал этого вопроса, но отвечать пока не торопился. Может быть, и сам не был ни в чем уверен. Я не сводила с него вопросительного взгляда, и ему пришлось нехотя процедить:

— Сам не знаю.

Это было неожиданно. До этого он производил впечатление решительного человека, точно знающего, чего он хочет и что для этого ему необходимо сделать.

— А обязательно было забирать меня из клиники?

— Да.

Он поставил банку на столик, откинулся на спинку пластикового стула и вытянул свои длинные ноги, облокотившись и подперев кулаком щеку в мрачной задумчивости. Я продолжала сверлить его взглядом, и он наконец отнял кулак от лица и пояснил:

— Меня пытались убить. И тебя попытаются.

— А тебя-то за что убивать? И кому это надо? Почему нас обоих? Мы как-то связаны?

Он снова подпер щеку кулаком и задумчиво смотрел теперь на меня из-под заломленной брови. Потом вздохнул, потянулся за своей банкой пива, отхлебнул и, глядя на реку, признался:

— Я совершил несколько ошибок.

— Оставил меня в живых?

Он снова колюче глянул на меня, но кивнул.

— Да, это одна из них. Не самая первая...

— А еще?

Он усмехнулся и залпом допил свое пиво.

— Сапер ошибается дважды, — сообщил он мне.

И что это значит? Я пожала плечами. Он махнул на меня рукой и поднялся со своего стула.

— Пойдем, а то холодно уже.

Я оставила на столике недопитое пиво, встала, сунула озябшие руки в карманы куртки и зашагала за ним.

— Ябы на твоём месте меня убила, — сказала я ему в спину.

Он резко остановился и медленно развернулся ко мне.

— Это бы решило твои проблемы, — спокойно проговорила я.

Он хмыкнул и продолжал напряженно всматриваться в мое лицо, пытаясь распознать

издевку в моих словах.

— Нет, не решило бы.

— Почему? — Продолжала допытываться я, тоже остановившись возле него и глядя ему в лицо снизу вверх. — Я же для тебя не представляю ни ценности, ни угрозы. Зачем тебе обуза? Почему тебе было не оставить меня в клинике и не дать кому-то сделать грязную работу за тебя? А ты бы и знать ничего не знал.

Он стиснул зубы и сжал кулаки. Я подумала, что он меня ударит.

— Ты стала моей проблемой давно, сразу же, как только я тебя встретил. Два года назад. И моей самой большой ошибкой. Но теперь-то уж я точно никому не дам тебя убить.

Он развернулся и зашагал дальше по набережной, думая, что я по-прежнему буду следовать за ним.

Я стояла в раздумьях, все больше ощущая вечернюю прохладу надвигающейся осени. Почему я должна идти за этим мало знакомым мне человеком, о котором мне известно только, что его зовут Константин, и что он пытался меня убить? Впрочем, куда идти без него, я тоже не имела понятия.

И я продолжала стоять на набережной, смотря в удаляющуюся спину человека, которого почти не знала, и одного из немногих, кто знал меня.

Он прошагал еще несколько метров своей решительной энергичной походкой, остановился, не слыша шагов за спиной, постоял, опустив голову, затем решительно вернулся за мной, взял меня за руку, взглянув мне в глаза, и крепко сжав мою ладонь своей горячей жесткой рукой, повел прочь.

Глава 4

*вломившись в дом саксофониста
вор открывает антресоль
а там нарезана до ля ми
фа соль
© Н_Н*

В опустевшем вагоне электрички было ненамного теплее, чем на улице, и я, скукожившись, разглядывала в потемневшем окне свое отражение, пытаюсь найти в нем знакомые черты и вспомнить хоть что-то об этой чужой для меня женщине с тревожными глазами. Мы ехали по моим ощущениям уже несколько часов, я не спрашивала, куда. Механический голос объявлял остановки, которые ни о чем мне не говорили. За стеклом мелькали однообразные пейзажи, которые с каждой минутой становились все темнее, размытее и неразличимее.

Мой спутник дремал напротив меня, прислонившись виском к стеклу. Время от времени он открывал глаза, может быть для того, чтобы понять, где мы в данный момент едем, а может, чтобы убедиться, что я никуда не делась.

Когда к нам подошла контролер и молча уставилась на меня, я непонимающе воззрилась на нее, и она раздраженно потребовала билеты. Я толкнула носком ботинка ногу Константина, и он, вздрогнув, проснулся, полез в карман, достал два смятых билета и протянул женщине, не проронив ни слова. Потом он снова привалился к окну и закрыл глаза.

Когда поезд подъехал к конечной станции, он уже натурально дрых, откинув голову назад и похрапывая на весь вагон, в котором мы остались одни. Я потрясла его за плечо, и он вскинулся, глядя на меня диковатыми глазами.

— Приехали, сказала я. — Конечная станция.

Он встал, потянулся, смачно рыкнув на весь вагон, мотнул мне головой и вышел. К моему удивлению, он даже подал мне руку, чтобы помочь сойти по крутым узким ступеням электрички.

Перрон был абсолютно безлюден и освещался несколькими фонарями, тусклым светом из окошка здания станции и светом из окон вагона, который тут же погас. Как только мы вышли, двери электрички с шипением закрылись за нами.

Все так же молча Костя взял мою руку, пристроил себе на локоть и повел меня в темноту.

Темнота оказалась лесом и немного расступилась, только когда мы отошли от станции с ее тусклым фонарем, и глаза попривыкли к ночи. Мы шли по нахоженной тропе, и я старалась повыше поднимать ноги, чтобы не споткнуться о какой-нибудь выступающий корень. Мой проводник шел уверенно, как будто знал эту тропу или видел в темноте. А я пару раз таки повисла на его руке, оступившись и чуть не подвернув ногу в своих полуботинках на низеньком каблучке. От быстрой ходьбы я немного согрелась и перестала жаться к боку Константина, вбирая в себя крохи его тепла и тут же их теряя.

Когда лес расступился, перед нами предстал дачный поселок за высоким забором. Мы

долго шли вдоль него, пока не остановились перед неприметной калиткой. Константин выпустил мою руку, сунул пальцы в щель в заборе и выудил из нее, по всей видимости, ключ. Мне было не разглядеть, да я и не старалась.

Он отпер совершенно неприметный, особенно в темноте, замок на калитке и, согнувшись чуть не вдвое, прошел внутрь.

— Заходи, — позвал он меня оттуда, и я нерешительно прошмыгнула за ним.

Мы оказались на ухоженной садовой дорожке в окружении ароматных поздних цветов. Костя запер за мной калитку, прошел к крыльцу дома, довольно большого и уж слишком видного для такого захудалого поселочка, поднялся, отпер добротную железную дверь, вошел в маленькую прихожую и включил свет, обещающий внутри уют и тепло. Я, уже не дожидаясь приглашения, проскочила вслед за мужчиной. Он запер за мной дверь, вздохнул, как мне показалось, с облегчением, взглянул мне в глаза, ухмыльнулся совершенно негостеприимно, как людоед, заманивший к себе в гости на ужин мальчика-с-пальчик:

— Заходи, не стесняйся. Будь как дома.

Он прошел в комнату, скинул на ходу свою куртку и бросил ее на кресло, стоявшее перед камином на огромной звериной шкуре, что-то довольно увесистое в ней тяжело стукнуло о подлокотник. Плотно задернул шторы на окнах, и только после этого включил в комнате небольшие светильники.

Камин не горел, в доме было почти так же холодно, как и на улице, и я не спешила расставаться со своей тонюсенькой кожанкой. Константин шмякнулся на диван, покрытый пестрым вязаным пледом, похлопал ладонью рядом с собой.

— Не бойся, Женька, — почти весело сказал он мне, — раз уж мы с тобой сразу друг друга не поубивали, думаю, еще покуражимся.

Это оптимистичное заявление никак не способствовало поднятию моего духа, но я прошла, не снимая обуви, присела рядом с ним на диван. Он фамильярно обнял меня за плечи и прижал к себе, задумчиво теребя другой рукой свою бородку.

Я ощутила сквозь тонкую ткань его тепло его бока и застыла в неудобной позе, стараясь хоть немного согреться.

Он очнулся от своих раздумий так же внезапно, как и погрузился в них, вскочил с диванчика, содрал с него плед и, не вытаскивая его из-под меня, накинул мне же на плечи, сам выскочил в прихожую, пошуршал там и вернулся с небольшой охапкой дров. Пока он колдовал возле камина, орудуя невесть откуда взявшимся топориком и откалывая от полешек тонкие щепки, я разглядывала комнату. Ее освещали несколько бра, впрочем, освещали — это сильно сказано. Скорее создавали интимный уютный полумрак. С потолка свисала антикварная люстра, видимо, дававшая больше света.

Дом был бревенчатый. Весь первый этаж занимала гостиная-студия с камином и отгороженной узким высоким столом, похожим на барную стойку, кухней. Посреди комнаты стоял старинный деревянный круглый стол, накрытый бахромчатой скатертью, возле него — стулья с высокими спинками. В проеме между двумя окнами — тоже старинный, темного дерева резной буфет с таинственно поблескивающими мутными стеклами в дверцах. В дальнем углу, куда почти не доставал свет бра, угадывалась деревянная лестница на второй этаж. Я прошла по дому, заглядывая в темные уголки, обнаружила довольно современный и комфортный санузел с душевой кабиной, поежилась от одной только мысли о душе.

Мужчина уверенно прошел к буфету, достал оттуда бутылку темной жидкости и два небольших бокала. Поставил перед диваном на журнальный столик. Я молча устала на

квадратную бутылку, покрытую каким-то узором, похожим на чешую. Повернуть ее этикеткой к себе и прочесть название мне было лень, и я, нахохлившись под пледом и начав, наконец, согреваться, следила за дальнейшими передвижениями людоеда, заманившего меня в это мрачное логово.

Константин, впрочем, постепенно принимал вполне человеческое обличье. Распахнув холодильник, задумчиво постоял перед ним, почесывая свой бритый затылок, крикнул «Нда!», все-таки выудил что-то из его светящихся недр и выложил на «барную» стойку. Потом, мурлыча себе под нос, еще немного повозился, принес и поставил передо мной нарезку копченой колбасы в плоской вакуумной упаковке. Сделав щедрый приглашающий жест руками, уселся рядом со мной на диван, плеснул в бокалы темной ароматной жидкости, всучил мне один.

— Вздрогнули, припадошные! — решительно сказал он, тихонько звякнул краем своего бокала об мой и не спеша отпил глоток, смакуя и перекатывая его во рту.

Я сунула нос в сой бокал из тонкого стекла. Пахло вкусно.

— Это ром, — сказал Костя, махнув на бутылку своей пластинкой мяса и не спеша совать его в рот.

Я выпила. Оказалось вкусно, согревающе, мягко обволокло горло. Но я с жадностью сжевала мясо, так как почувствовала, что проголодалась не хуже того людоеда.

Поев и, наконец, окончательно согревшись, я откинулась на удобную спинку дивана, стащила с себя плед и сняла куртку, швырнув ее туда же, где лежала Костина. Сам он, умяв остатки нарезки, сидел теперь с довольным видом, потягивая ром, и не сводил с меня своих прищуренных глаз, сейчас больше всего напоминая то ли большого пса, то ли волка

— Чей это дом? — спросила я, тоже отпивая ром маленькими глоточками из своего стакана и глядя в огонь, тепло от которого дошло и до нас.

— Одного знакомого, — нехотя ответил мужчина, допил остатки рома и поставил стакан на столик. После чего вдруг приблизил ко мне свое лицо. Потемневшие глаза с расширенными зрачками пристально заглянули, казалось, в самую темную часть меня, потом он медленно провел тыльной стороной ладони по моей щеке, взял меня кончиками пальцев за подбородок и легонько поцеловал в губы.

— Возвращаю долги, — шепнул он в ответ на мой невысказанный вопрос и снова поцеловал.

— Там еще была пощечина, — сказала я и обвила руками его шею.

— Как-нибудь потом, — выдохнул он, запуская руки под мой джемпер и щекотно покусывая меня в шею.

Я растегнула на нем рубашку, и он сдавленно зарычал, прижимаясь ко мне своей горячей кожей. Сопротивляться его напору и охватившей меня ответной страсти я бы не смогла, даже если бы у меня нашлись какие-то веские причины держаться подальше от этого большого, сильного, чужого и странного человека.

Потом мы так и заснули на этом же диване, я — натянув обратно на себя все, кроме куртки и ботинок, он — в штанах и изрядно помятой рубашке. Огонь в камине погас, потому что никто так и не подбросил туда новой порции дров, и мы жались друг к другу, накрывшись пестрым вязаным пледом.

Утром на дачу заявился хозяин. Он постоял над нами возле дивана, оценивая наш потрепанный и пожеванный вид, не в состоянии вымолвить и слова. Я выглянула из-под

плета, ощутив щекой, как на Костиной груди вздулись от напряжения все мышцы. И с удивлением увидела того самого доктора Левина, который приходил ко мне в больницу. Сейчас он стоял и не сводил глаз с дула пистолета в костинной руке, высунувшейся из-под пестрой бахромы.

Костя играл желваками и молчал. Доктор тоже молчал, то и дело поправляя сползающие с носа очки.

— Здравствуйте, — пролепетала я. Кому-то же надо было начать разговаривать.

— Привет, док. — Мрачно сказал Костя и сел, откинув плед. Я тоже села и спустила ноги с дивана.

— Что вы здесь делаете? Вас же, наверное, ищут, — пробормотал доктор, нервно побрякивая ключами, зажатыми в руке.

— Благодаря вам, — желчно усмехнулся Константин.

— Не совсем, — запротестовал доктор, — Костя, все не так! Они уже знали, что Женя в клинике, и знали, что вы обязательно обратитесь ко мне. Я только подтвердил, что мне оставалось? — Он развел руками.

Костя поднялся ему навстречу, взмахом дула пистолета заставил доктора поднять руки и бегло его ощупал, убеждаясь, что оружия при нем нет. Впрочем, опасался он не оружия, как я поняла, а как раз его рук. В глаза ему он не смотрел, я заметила. Смотрел на подбородок. Доктор не дергался и казался обескураженным, но я помнила, как он внезапно повалил меня на кушетку одним прикосновением, поэтому вполне понимала и разделяла опасения Константина.

Впрочем, тот почему-то решил, что доктору можно верить. Он мрачно кивнул, отступил на пару шагов и спрятал пистолет себе за спину, за пояс.

Доктор расслабился, взглянул на меня и буднично, как ни в чем не бывало произнес:

— Я вижу, вы еще не завтракали? У меня там в машине продукты... Я, правда, на гостей не рассчитывал, но хватит на всех.

И поскольку никто из них не тронулся с места, я поднялась и направилась к выходу, взглянув на Костю. Он поднял бровь, но ничего не сказал ни за, ни против.

Я вышла из дома и огляделась. Машина была припаркована возле парадного въезда, с другой стороны от калитки, в которую мы вечером вломились. Это был большой темно-зеленый внедорожник. Я открыла незапертый багажник, вытащила оттуда пару пакетов с купленной в супермаркете едой. В салоне на переднем сиденье лежал еще один пакет, в котором находились несколько бутылок со спиртным. То ли доктор все-таки ждал гостей, то ли намеревался сам все это вылакать в одно лицо. То ли просто пополнил запасы в баре. Не особо раздумывая над этим, я взяла пакеты и потащила в дом, гадая, не переубивали ли там мужчины друг друга.

На крылечке я остановилась, вдохнула сырую прохладу серенького августовского утра, послушала сонное щебетание птиц, полюбовалась розовыми курчавыми шапками цветущих гортензий и только потом открыла дверь и вошла в дом.

Мужчины мирно сидели за столом и беседовали, никто не размахивал пистолетом и не делал резких движений руками. В камине снова горел огонь, пожирая новую порцию дров, а доктор пил ром из моего стакана, вряд ли удосужившись его сполоснуть. Идиллия.

Я выгрузила продукты на барную стойку. Доктор вскочил, засуетился и принялся таскать еду на стол. Зашумел электрочайник, захлопали дверцы шкафчиков, зашуршали пакетики, и вскоре на столе дымились три чашки крепкого черного чая и лежали на блюде

аппетитные бутерброды.

Костя, ни в чем себе не отказывая, уплетал салатик из пластикового контейнера (выудил из бездонного пакета гостеприимного хозяина), я щипала бутерброд, запивая обжигающим сладким чаем.

Доктор сидел, водрузив подбородок на сцепленные руки, поглядывая то на меня, то на жующего Константина. Он рассказал, что поссорился с женой и, как это у них было заведено, отправился сюда «зализывать душевные раны». Потом он чуть подался в мою сторону и, почти не понижая голоса, спросил меня чуть не в самое ухо:

— Скажите, у вас был секс?

Костик поперхнулся салатиком и закашлялся. На полу, возле диванной ножки, валялась надорванная упаковка от презерватива. Хотя, думаю, что и без нее наш неожиданный посетитель сделал неоднозначные выводы. Доктор машинально похлопывал кашляющего Костю по спине, не сводя с меня внимательного взгляда и время от времени поправляя очки.

Я невозмутимо ответила:

— Был.

— И как вам? Вы что-нибудь почувствовали? — он спохватился и пояснил: — я не про физическую близость, я про эмоциональный контакт. Вы что-нибудь испытываете к своему партнеру?

— Эээ... Секс был классный. Партнер... тоже ничего. — Я чуть качнулась вперед и посмотрела на побагровевшего Константина, который перестал кашлять и теперь зажимал рот салфеткой, уставившись в пространство перед собой. Потом он тоже заметил кусочек фольги, подобрал его, скомкал вместе с салфеткой и зажал в руке, косясь на хозяина.

— Ну ничего... — доктор уже в который раз задумчиво поправил очки и пробормотал, глядя себе в нетронутую чашку: — оценочные суждения есть. Это уже хорошо. Как настроение? — он опять внимательно взглянул мне в лицо.

Я пожала плечами.

Доктор повернулся к Константину, ожидая ответа от него. Но тот встал, нервно прошелся по комнате, зашвырнул скомканную салфетку в камин и встал перед нами, сунув руки в карманы.

— Нормальное у нее настроение, — буркнул он.

Доктор будто не замечал его взвинченного состояния.

— Она плакала, смеялась? Расстраивалась? Подавлена или наоборот — в эйфории? Улыбается?

— Нет.

Доктор покивал, что-то бурча себе под нос про регрессирующую алекситимию и ретроградную амнезию. Потом он неожиданно вскинулся и поправил немедленно съехавшие очки:

— Скажите, Костя, а вы в курсе, что вас ищут?

— Я догадался.

— Значит, вы здесь прячетесь? Думаете, у меня вас не найдут? — голос доктора звучал озабоченно. — Хотя, конечно, умно, здесь вас будут искать в последнюю очередь, учитывая, что я...

— Что вы нас фактически сдали, как макулатуру? — ядовито поинтересовался Константин. — Но вы правы, Михаил Ильич. Нам пора уходить.

Доктор смущенно покивал, задумчиво поправил вновь съехавшие очки, сложил руки

замком.

— Я вам очень симпатизирую, Женя. — Он снял, наконец, свои вечно сползающие от каждого движения очки и взглянул мне в глаза. Я не отвела взгляда, несмотря на то, как подобрался Константин. — Я надеюсь, что вы когда-нибудь сможете простить меня за то, как мы все с вами поступили. Я бы хотел, чтобы вам удалось из этого выбраться.

Я не знала, что ответить на это, и снова взглянула на своего спутника.

Костя кивнул мне и доктору.

— Мне лучше не знать, куда вы направитесь. Но мой вам совет: избегайте автомобильных дорог. Их тут не очень много, и вас будут искать в первую очередь по этим направлениям. А если меня вдруг спросят, я скажу, что вы забрали мою машину.

Я уже обувалась. Костя все же решился и пожал доктору на прощание руку.

Мы вышли, как и вошли, через калитку во внешнем заборе.

Обратную дорогу при дневном свете я не узнавала, но через какое-то время мы вновь оказались на станции. Протопали мимо низенького одноэтажного здания, будок обходчиков путей, переезда со шлагбаумом и отправились вдоль железной дороги лесной тропой.

Я ни о чем не спрашивала вышагивающего передо мной Костю, подозревая, что он и сам не вполне в курсе, куда именно мы теперь держим путь.

Мы какое-то время шагали вдоль железнодорожной насыпи, потом углубились в лес, удаляясь от дачного поселка, приютившего нас в мою первую ночь вне стен больницы, которую я уже даже как будто привыкла считать своим домом.

Через два дня жена Левина, полная раскаяния и жаждущая примирения с супругом, приедет на электричке на дачу. Машину она не найдет, хотя точно знает, что муж уехал из дома на своем темно-зеленом джипе, зато найдет доктора сидящим в кресле возле камина с давно остывшими углями. Шкура зверя, расстеленная под креслом, в котором сидел доктор, впитает целую лужу крови, натекшей из дырки в его груди. Машина позже обнаружится в соседском гараже. Будет похоже, что ее спрятал туда сам Михаил Ильич, вероятно, чтобы сбить со следа тех, кто нас искал. Огнестрельного оружия, из которого был убит Левин, в доме не найдут. Я узнаю об этом при обстоятельствах, о которых тоже речь пойдет намного позже.

Глава 5

*закат случается в том месте
куда уходят поезда
ан нет вы скажете? а шии вам
ан да
© oless*

Какая-то это была богом забытая железнодорожная ветка. Пока мы топали вдоль нее, отмахиваясь от комаров, нас обогнал всего один грузовой состав, и тот состоял всего из нескольких вагонов.

Шли молча. Я на ходу рванула ветку с куста, чтобы было легче гонять назойливую мошкату, а моему спутнику было, похоже, все равно. Он не оглядывался и пер без передыху, впрочем, сменив свою энергичную поступь на как будто более беспечный прогулочный шаг. Мне стало легче за ним поспевать. И все равно уже чрез несколько часов такой «прогулки» ноги мои гудели, поясница ныла. Хотелось есть и пить, а еще больше — хотя бы просто присесть или прилечь, но я не решалась попросить Костю сделать привал.

Тропа вскоре сделалась совсем узкой и заросшей, а потом и вовсе повела в сторону от железной дороги. Тогда Константин свернул в редкие кусты ежевики, протаранил их, как медведь, взлетел на насыпь, как кот, и там стоял, глядя сверху вниз на то, как я продираюсь сквозь колючие кусты вслед за ним. Когда я попыталась вскарабкаться к рельсам по скатывающемуся щебню, он протянул мне руку, вздернул меня наверх и пошел дальше по шпалам, не оборачиваясь.

Я отдышалась и двинулась за ним, принюхиваясь к резкому, горькому запаху поездов.

Еще через несколько часов ходьбы по шпалам ноги мои уже готовы были отвалиться. Шаг получался короче, чем я привыкла, поэтому ныть от напряжения начало вскоре все тело. Потом я догадалась шагать по рельсам, приноровилась, поймала баланс, расправила, наконец, плечи, и мне стало легче. Я даже догнала Костю, который продолжал шагать в навязанном ему ритме.

Костик одобрительно усмехнулся и последовал моему примеру. Ему оказалось труднее балансировать на узкой полосе металла, и вскоре он соскочил с рельса и наконец уселся на него отдохнуть. Я тоже присела напротив него. Сидеть было неудобно и холодно, но ноги так ныли, гудели и просили отдыха, что я готова была даже лечь на эти грязные вонючие шпалы.

— Ты хоть знаешь, куда и зачем мы идем? — спросила я наконец, прервав нашу многочасовую молчанку. Голос мой звучал хрипло, и мне пришлось прокашляться.

Он молчал так долго, что я думала, останусь без ответа. Но вот он вздохнул, не глядя на меня, вытянул свои длинные ноги, чуть не задев мои, и все-таки выговорил, тоже хрипло:

— Мы идем туда, где нас не должны найти. Но идти придется долго.

— Зачем ты тащишь меня с собой? — все-таки любопытствовала я.

— Я тебя не тащу, — пожал он плечами, — можешь оставаться. Если хочешь умереть. Я тебя оттуда вытащил, — он мотнул головой в сторону, откуда мы пришли, — все, больше я

тебе ничего не должен. Дальше решай сама. Но вдвоем нам теперь будет легче выжить.

— За что ты считал себя моим должником?

— За то, что ты вытащила меня из того горящего небоскреба.

— Я?!

— Ты.

— После того, как ты пытался меня убить, а я пырнула тебя стеклом в бок? — такой ход событий у меня в голове не укладывался. Но он только молча покивал, наблюдая за моей реакцией. — Ты ничего не путаешь? Может, у тебя тоже... того, посттравматическая амнезия? — я повертела кистью руки возле головы.

Он помотал головой, по-видимому, не собираясь пока мне ничего разъяснить. Я еще покрутила в голове всю информацию, пытаюсь нащупать логику его, а главное, своих поступков, но то ли информации было мало, то ли доктор переоценил состояние моего интеллекта...

В конце концов я решила, что вдвоем пытаться выжить по крайней мере проще, тем более в такой глуши.

Мы еще немного посидели, давая отдых натруженным ногам, но потом начали ныть спины. Не сговариваясь, мы одновременно встали и пошли дальше: я — по рельсам, Костя — по шпалам.

Еще через некоторое время такой ходьбы в полном молчании мы дошли до какой-то захудалой станции. Дверь под обшарпанной и поблекшей вывеской «Касса» была заперта. Названия станции я, как ни искала, не нашла. Полуразрушенная платформа зияла ямами и поросла березками и шиповником.

Обойдя все здание кругом и не найдя признаков живых людей, Костя вздохнул, кивнул в сторону идущей мимо станции грунтовки, довольно наезженной, и по-прежнему ни слова не говоря, двинулся по ней. Я тоже вздохнула и потащила за ним, сунув руки в карманы. Солнце за весь день ни разу так и не выглянуло, и ближе к вечеру повеяло ощутимой прохладой. В животе моем урчало, силы шагать почти не осталось, двигало мной только какое-то тупое, ничем не объяснимое упрямство.

По узкой дороге мы вышли к какой-то деревне, и мой спутник уверенно вывел меня на главную улицу к сельмагу. К нашему разочарованию, дверь оказалась закрыта. Мы присели на деревянные ступеньки простенького крылечка. Костя, вероятно, раздумывал, куда идти дальше и где еще можно добыть еду. Глаза его были сощурены, он задумчиво скреб свою зарастающую щетиной щеку. Не знаю, до чего он там успел додуматься, но тут на крыльцо взбежала молоденькая девица, стройная, с длинной косой и большими застенчивыми глазами. Отперла висячий замок на двери ипустила нас внутрь, а сама встала за прилавок.

В магазине, который, видно, был один на всю деревню, можно было купить все: от зубной щетки до школьных принадлежностей. Вторую половину торгового зала занимали продукты.

Я рассматривала товары, отмечая в уме, что вот неплохо было бы купить вот это, и это... А совсем скоро пригодится и еще кое-что. Костя набирал продукты. Потом он оглянулся на меня и спросил:

— Ты что-то присмотрела?

Я кивнула и перечислила то, что, по моему мнению, очень бы пригодилось нам в пути: небольшой рюкзачок, туалетную бумагу, еще кое-какие мелочи из предметов гигиены. Хорошенькая продавщица складывала выбранные мной вещи на прилавок. Костик

одобрительно поднял свою злодейскую бровь и добавил к моему выбору пару зубных щеток, тюбик пасты и флакончик жидкого мыла с дозатором. Подумав, себе он тоже выбрал рюкзак пообъемнее, сразу запихал туда продукты, предоставив мне позаботиться о более легких покупках.

— Еще что-нибудь хочешь? — спросил он, вынимая небольшую пачку денег из кармана своей кожанки.

Мой взгляд уперся в какие-то пухлые желтые комочки, выпирающие из тонкого целлофанового пакетика. Я навалилась животом на деревянный прилавок, чтобы разглядеть ценник.

— Да, — сказала я. — Кукые палки.

Хорошенькое личико продавщицы приняло недоуменное выражение, Костя взглянул на меня, как на сумасшедшую.

— Какие палки? — тихо переспросила меня девушка, окидывая взглядом полки с продуктами.

— Кукые, — твердо сказала я и указала на желтоватые комочки.

— Кукурузные палочки? — робко уточнила продавщица.

Я снова навалилась животом на прилавок и присмотрелась к ценнику. Узкая бумажка, на которой фломастером от руки кривовато накарябано: «Кук-ые пал-ки». Видимо, целиком слова не умещались, а дефисы, больше похожие на точки, я не сразу разглядела. Я кивком подтвердила, что да, оно самое. Костика согнуло пополам от хохота, продавщица совсем засмушалась, и, рассчитываясь с Константином за все покупки, старалась не смотреть ни на него, ни на меня. Этот гад, вытирая слезы и подвывая, отсчитал купюры, заграбастал свой рюкзак, предоставив мне мой, и вывалился из магазина, все еще всхлипывая. Время от времени он бормотал себе под нос «Кукые палки!» и снова сгибался пополам от нового приступа истерики.

Я пробормотала зардевшейся продавщице: «Спасибо, извините нас!» — и выскользнула вслед за своим спутником.

Пока мы шли обратно до заброшенной станции, Костик продолжал хохотать, мотая головой и выписывая по дороге зигзаги, как пьяный. Временами он почти успокаивался, но стоило ему бросить на меня взгляд, и он снова начинал хихикать.

— Хватит ржать, — буркнула я, — Бринцевич по тебе плачет.

Он еще немного пофыркал и похихикал, потом, наконец, простонал «Оооооой», схватившись за живот, и вроде затих.

— У тебя вообще чувства юмора нет? — чуть удивленно спросил он немного погодя, видя, что меня не проняло, и я даже не улыбнулась.

Я фыркнула и огрызнулась:

— Нет. Зато ты у нас остряк-весельчак.

— Сарказм, — отметил он удовлетворенно, — значит, ты не так уж безнадежна.

— Безнадежна... А на что ты, вообще-то, надеешься? — подумав, спросила я.

Он помолчал, косясь на меня, потом пожал плечами:

— Что ты не зомби и не робот.

Я удивилась:

— Тебе-то какая разница?

— В том, что с тобой случилось, есть моя вина, — нехотя признался он — пусть и не лично я тебя такой сделал.

Я с любопытством смотрела на него, ожидая продолжения, но он погрузился в себя и теперь шагал молча, чуть ссутулившись и сунув обе руки в карманы куртки.

— Ты мне когда-нибудь расскажешь? — спросила я.

Он неопределенно мотнул головой, и я решила пока не цепляться к нему с расспросами, хотя мне было интересно, что со мной произошло. Было ли в моей жизни вообще что-то раньше, до взрыва?

Под сенью леса темнело быстро, и мы, удалившись от станции на приличное расстояние, спустились с железнодорожной насыпи, залезли в непролазную гущу ельника и присели на поваленное дерево с вывороченным из земли корнем, скинув с себя рюкзаки и вытянув ноги.

Мы поужинали хлебом и тушенкой, которую он вскрыл раскладным ножом, извлеченным из куртки под моим удивленным взглядом.

— Да твоя куртка просто кладезь всяких сюрпризов и неожиданностей, — усмехнулась я, — а спички есть?

Он полез в карман и молча показал мне зажигалку.

Я открыла было рот, чтобы спросить, будем ли мы жечь костер, но он покачал головой.

— Жаль, что палатки и спальники не продавались в том магазине, — поежилась я, представив, как мы продрогнем ночью на голой земле.

— Ночи прохладные, но все-таки не зима, — попытался он меня утешить, — в следующем магазине купим тебе свитер.

— И тебе.

Он удивленно на меня взглянул, как будто я сказала что-то на незнакомом ему языке, но согласился:

— И мне.

В сгущающейся темноте мы надрали с поваленной сосны ароматного лапника, уложили его рядом с бревном. Я сомневалась, что от него стало бы нам теплее. Константин, к моему удивлению, стянул с меня куртку и постелил на лапник. Свою куртку он тоже снял. Оставшись в тонкой рубашке, улегся на жесткое и колючее ложе, приглашающе протянул мне руку, и когда я, тут же успев озябнуть, юркнула и прильнула к нему, накрыл нас обоих своей кожанкой, еще хранящей тепло его тела.

Стоило мне принять горизонтальное положение и кое-как пристроить свою отяжелевшую голову на Костином плече, как я моментально вырубилась, даже не обратив внимания на впивающиеся в бока сучки, ветки, шишки и комариный писк.

Глава 6

*сначала я увидел пламя
затем послышалось ложись
но у меня другие планы
на жизнь
© filipolya*

Проснулась я от пронизывающего холода, чувствуя себя почти буквально змеей подкожной: вся кожа рук, ног, уши и нос — ледяные и чешуйчатые, а над головой — нависший выворотень, под которым мы устроили себе гнездо. Птицы всю щебетали, рассветные лучи проглядывали сквозь крону елей и сосен и пронизывали стелющиеся по-над землей клубы тумана. Пахло сосновой хвоей и грибами. Волосы были влажными от росы, я вообще вся насквозь отсырела и промокла, несмотря на Костину кожанку, которая теперь вся была на мне. Видимо, во сне я уползла на другой бок, отвернувшись от крепко спящего мужчины, и накрывающая нас обоих куртка уползла со мной. Костик спал лицом вниз, оставшись один на моей расстеленной куртке, его тонкая рубашка намочила от росы и прилипла к спине, однако сон его был настолько крепок, что даже сейчас, продрогнув до костей и мелко дрожа, он не проснулся. Я пододвинулась к нему поближе, поделилась остатками тепла из-под его куртки. Он, продолжая спать, подгрел меня к себе, благодарно пробубнил мне что-то в волосы и вскоре перестал дрожать.

Заснуть обратно я не смогла и лежала, чуть отогревшись, слушая пение птиц и всякие шорохи совсем близко от нас. Я слышала, как земля задрожала, приблизился гул, перерастающий в оглушительный грохот, и мимо нас, мелькая за деревьями и кустами, пролетел грузовой состав. Костика, к моему удивлению, не разбудило даже это. Слушая его мерное глубокое дыхание, я, видимо, все-таки тоже задремала, потому что, когда он наконец зашевелился и глубоко вздохнул, я вздрогнула всем телом и проснулась.

Он сел, провел рукой по коротко стриженной макушке, стряхивая налипшую хвою, потянулся, зябко передернулся и стащил с меня свою куртку. Я завернулась в свою.

— Доброе утро, соня! — с легкой издевкой в голосе приветствовал он, увидев мой приоткрытый глаз.

— Может, и доброе, но уж больно холодное. И я вроде как Женя, — проворчала я, нахохлившись.

Он хмыкнул, покопался в моем рюкзаке, выудил оттуда рулон туалетной бумаги и показал мне.

— Пойдешь в лес, выкопаешь ямку, сделаешь дела, положишь туда бумажку, закопаешь, присыплешь сверху хвоей. Нас тут не было. Поняла?

— Захотят найти — найдут по запаху, — буркнула я и снова спрятала лицо в куртку. Он удалился, ничего не ответив.

Мы позавтракали очередными консервами, которые он вскрыл своим ножом за считанные секунды, не особо заботясь о том, что острые рваные края банки могут поранить

пальцы. Пустые банки он тоже прикопал. Воды осталось совсем немного, мы экономно отпили по несколько глотков и убрали пустую бутылку в рюкзак.

Потом, когда мужчина замел и спрятал все следы ночевки, мы снова выбрались на насыпь и продолжили путь по бесконечным рельсам.

Денек выдался по-летнему погожий, солнышко растопило ночную прохладу и живо заставило нас снять свои куртки. Воздух над шпалами начал дрожать, слабый ветерок доносил из леса запах сухой сосновой хвои, который я вдыхала полной грудью, быстро забыв, как мерзла всю ночь. Не знаю, как Костик, а я чувствовала себя так, как будто по мне туда-сюда проехался гусеничный трактор. Мой спутник, впрочем, тоже поубавил прыти.

Я достала из своего рюкзака пакет кукурузных палочек и, поравнявшись с ним, приглашающе протянула ему. Он хмыкнул и с видимым удовольствием заграбастал горсть, захрустел, изредка поглядывая на меня и ухмыляясь.

— Все-таки, куда мы идем? — спросила я через какое-то время.

Он, как обычно, помолчал, прежде чем проронить хоть словцо, смерил меня своим подозрительным взглядом с прищуром кинозлодея.

— Есть одно место, — доверительно сообщил он, хрустя «кукыми палками», больше похожими на шарики, — о котором давно никто не помнит. И на картах оно уже не отмечено.

— Как ты его найдешь?

Он многозначительно хмыкнул и пожал плечами: мол, я-то уж найду, не сомневайся.

Вытягивая из него слова в час по чайной ложке, я все же узнала, что направляемся мы в заброшенную деревню, в которой уже несколько десятков лет никто не живет. Найти ее сможет только тот, кто там когда-то побывал и точно знает о ее существовании.

— А там что, остались брошенные дома?

— Когда-то были, — задумчиво ответил он, всматриваясь в точку, где стремились встретиться сверкающие на солнце рельсы.

Я тоже всмотрелась в горизонт и увидела, что лес начал расступаться, впереди показался железнодорожный мост.

Дойдя до речки, мы спустились к самому берегу, к небольшому песчаному пляжику, и не сговариваясь, не глядя друг на друга, разделись и бросились в воду. Было ее по пояс, и была она ледяная. В прозрачных струях колыхались длинные пряди травы, на просвеченном солнцем мелководье суетились маленькие рыбки.

Речка была не сильно широкая, я легко могла бы докинуть шишку до противоположного берега. Казалась она неторопливой, однако проплывающие мимо нас соринки и веточки подсказывали, что течение под этой поверхностной гладью довольно сильное

Мы вымылись с мылом — настоящая роскошь! — и погрелись на чистом песочке, подставляя солнцу то спину, то живот. Мужчина безо всякого стеснения разглядывал мои шрамы, я — его. Довольно большой ожог был у меня на спине. Костя обвел пальцем его края, чтобы я поняла, где он и каких размеров. Этот рубец уже давно меня не беспокоил, и меня не волновало, портит ли он мою внешность.

Потом я почувствовала прикосновение теплых губ и колючего подбородка к моей шее. С легким вздохом Костя потерся виском о мою спину, и по коже побежали мурашки, ничего общего не имеющие с ознобом. Я сама развернулась к нему лицом и приникла к его прохладному, еще влажному после купания в ледяной речке телу. Он перекатился вместе со мной на спину, и мы продолжали бесстыже целоваться даже тогда, когда прямо над нашими

головами прогрохотал поезд.

Потом мы еще немного повалились на берегу, глядя на спокойную воду реки. Я вспоминала, как совсем недавно мы с Костей сидели холодным вечером на набережной совсем другой реки, одетой в гранит. С глубокой непрозрачной водой, с прогулочными катерами... Здесь пройти по воде могла разве что надувная лодчонка. А тишина и спокойствие лесистых берегов, и эти прыгающие по водной глади солнечные зайчики усыпляли и умиротворяли. Если бы сейчас доктор Бринцевич попросил меня описать место, в которое я бы хотела вернуться, я, наверное, рассказала бы про этот пляж. А если бы доктор Левин снова спросил меня, понравилось ли мне на этот раз, я бы снова вогнула Костика в краску.

Пока он валялся на песочке, разморенный солнышком и расслабленный, время от времени поглядывая на меня из-под полуопущенных ресниц, я снова попросила его рассказать, что со мной произошло, и как я нанесла ему тот длинный порез на боку, но он опять отмахнулся.

— Почему ты не хочешь мне рассказывать? — продолжала допытываться я.

— Не хочу вспоминать.

— Или не хочешь, чтобы я узнала правду? Или вспомнила?

— Да, не хочу, — он колюче глянул на меня, но я выдержала его взгляд, не моргнув и глазом.

— Почему? Ты боишься или стыдишься?

Он вздохнул и отвернулся, положив голову на скрещенные руки.

Я провела пальцем по его спине, но он не пошевелился. Я тихонько стряхивала с его прохладной кожи песок, потом изобразила двумя пальцами шагающего человечка. Он молчал.

— Расскажи, — попросила я тихо. — Мне же больше не к кому обратиться, чтобы узнать, кто я такая. У меня вообще, кроме тебя, никого и знакомых-то нет... наверное.

Он наконец повернул ко мне голову.

— Ты устроила тот взрыв, — сказал он, глядя на меня широко открытыми глазами.

Я отдернула руку. Он это заметил и сжал зубы, заиграв желваками.

— Как? Зачем? — хрипло выговорила я. Во рту вдруг пересохло.

— Я тебя заставил. Активировал «ключ». — Голос его тоже звучал хрипло и приглушенно, как будто ему трудно было говорить. — Это я разрушил твою жизнь. Левин предупреждал, что ты будешь сопротивляться и можешь сорвать «программу». Я ему не поверил и настоял на твоём участии в проекте.

— Что еще за проекты? — я с деланным равнодушием отвернулась от мужчины и смотрела теперь на гладь реки, над которой кружились стремительные синие стрекозы.

— Мы готовили людей для спецопераций. В том числе смертников с их «шахидскими поясами». Не все люди хотят добровольно взрывать себя и других. — Он невесело усмехнулся. — Мы заставляли людей делать то, что они не хотят.

— А я?

— Ты должна была заминировать тот небоскреб. А потом взорвать. А я следил, чтобы ты выполняла свою программу. Мы обрабатывали тебя два года. Я выбрал тебя, потому что ты идеально подходила для наших целей: без семьи, с подходящими параметрами для работы в том здании, на одну из фирм. Я сделал так, чтобы тебя взяли туда на работу, чтобы ты получила доступ к ключевым точкам для установки взрывчатки. Левин начал с тобой

работать, но ты так сопротивлялась гипнозу и внушениям, что он отказался и стал советовать заменить тебя на более податливую кандидатуру. Я его не послушал.

Голос его звучал теперь ровно, но я знала, что это стоит ему усилий. Он сел, тоже глядя теперь на гладь воды, под которой скрывалось довольно сильное течение, и продолжил:

— Второй наш специалист применил другие методики, более жесткие. Ему пришлось стирать твою личность и память. Кажется, он использовал какие-то психотропные вещества, я в этом не разбираюсь... В итоге он меня уверил, что ты готова выполнить свою программу, и дал мне «ключ» — комбинацию звуковых и зрительных образов, которые запускали протокол выполнения твоей программы. Когда я получил приказ активировать «ключ», я должен был издали наблюдать, чтобы все шло по плану. Но ты... Левин оказался прав. Ты почти победила свою программу. Не знаю, почему и как, но прежде чем врубить детонатор, ты подняла в здании пожарную тревогу. Люди успели эвакуироваться. Я бросился к тебе, чтобы деактивировать программу — у меня на такой случай был «стоп-ключ», — но не успел. Ты уже запустила детонацию. Теперь твоя программа была завершена, и ты должна была погибнуть в том здании. Мне оставалось только проследить за этим... или помочь тебе.

— Убить меня?

— Да. Убить.

— Что тебе помешало?

— Взрыв. И твоя чертова сопротивляемость. Ты не собиралась умирать в том здании и не стала ждать, пока я тебя прикончу. У меня не было с собой пистолета, тем более что твоя смерть должна была выглядеть как минимум случайной. — Он говорил теперь низким, хрипловатым голосом, сквозь зубы. Слова, которые раньше приходилось вытягивать из него клещами, теперь выскакивали, как короткие автоматные очереди. — Я собирался прикончить тебя голыми руками. Но ты набросилась на меня с этим осколком, и сразу же прогремел второй взрыв, и меня, кажется, оглушило.

Он замолчал, глядя на меня своим прожигающим взглядом. Я почувствовала его своей кожей и тоже повернулась к нему, ожидая продолжения. Глаза его, казалось, отражали тот пожар, а может, солнце просто играло в них своими желтоватыми бликами...

— Почему мы оба там не сгорели? — спросила я, замороженная этим странным золотистым блеском его глаз.

— Я спрашивал потом Левина. Он сказал: Саидову, нашему второму мозгоправу, не удалось полностью тебя сломать. Твое желание выжить победило его программу. Единственное, чего ни я, ни Левин не могли понять — почему ты не бросила меня там? После того, как программа сработала полностью, и твоя личность уже была уничтожена, ты не просто выжила, но и не оставила плохого парня умирать в горящем здании. Это был твоя победа... над нами. Левин чувствовал свою вину перед тобой. Перед остатками твоей личности. Когда он узнал, что ты выжила и... что не дала мне заживо там сгореть... он тобой восхищался. — Он сглотнул. — Он предупредил меня, что теперь у нас у обоих будут проблемы. Что нас не оставят в живых. Ни тебя, ни меня. Это он посоветовал мне отвести тебя к Бринцевичу и оплачивать твое содержание. Бринцевич не в курсе нашей... деятельности, но мы к нему часто обращаемся за консультациями.

Он отрешенно уставился на реку, сидел, ссутулившись, не обращая внимания на то, что здоровый слепень пристроился на его голом плече. Я размахнулась и хорошенько треснула по нему. Насекомое шлепнулось на песок, а Константин от неожиданности чуть не подскочил на месте, глядя на меня с бесконечным удивлением.

— Я боялся и стыдился тебе все это рассказывать, потому что...

— Потому что ты плохой парень? — подсказала я и засыпала мертвого слепня песком.

Костик поджал губы и кивнул, продолжая смотреть выжидающе.

Я пожала плечами, встала и собрала свою одежду с песка.

— Левин же сказал: мне теперь все равно.

Глава 7

*зачем ты в наш колхоз приехал
зачем нарушил наш покой
и кстати это ты ваще кто
такой*

© SSebastian

Мы продолжили путь по рельсам, перейдя реку по железнодорожному мосту, еще разок перед этим искупавшись и перекусив.

Константин теперь шагал понурый и как будто слегка пришибленный, словно его исповедь потребовала физических усилий и изрядно его вымотала. Я, напротив, чувствовала себя отдохнувшей, посвежевшей и полной сил после купания в бодряще-ледяной водичке.

Костин рассказ многое прояснил, кусочки мозаики сложились в моей голове в довольно стройную картину. Стало ли мне от этого лучше или хуже, я не могла сказать.

Теперь все чаще нас стали сгонять с путей поезда, а одноколька начала ветвиться, и как Костя угадывал, в какую сторону пойти, я себе и представить не могла. Может быть, он просто шел наобум?

Вскоре нам стали попадаться строения, рельсы как будто размножились, переплелись; из-за многочисленных автоматических стрелок идти стало совсем неудобно, и мы наконец сошли с осточертевших шпал на нормальную асфальтированную дорогу, которая побежала рядом с путями. Нас то и дело обгоняли машины и автобусы, и под вечер мы вышли к нормальной станции.

Перрон был почти пуст. Костик усадил меня на лавочку, скинул свой рюкзак, швырнул мне на колени свою кожанку и что-то пробурчав, направился в здание вокзала.

Я села, с наслаждением откинулась на спинку скамейки и вытянула ноги, обхватив руками и прижав к себе все свое и костиково добро, и слушала переговоры работников станции по громкой связи. Ноги вскоре перестали гудеть, но начало громко и голодно бурчать в животе. Константина все не было. Сначала я подумала, что он направился в туалет в здании вокзала. Потом, когда прошли все разумные сроки пребывания здорового человека в сортире, подумала, что сразу из туалета он прошел искать магазин. Правда, почему-то не взял ни денег из своей куртки, ни рюкзака, куда мог бы сложить покупки. Тогда я, с беспокойством озираясь, встала, надела свою куртку, вскинула на каждое плечо по рюкзаку, сгребла в охапку костину кожанку, следя, чтобы ничего не вываливалось из карманов, и двинулась на его поиски.

Зал ожидания был пуст. Окошко кассы светилось, но перегородка была задвинута. Я поискала глазами указатели с мужской и женской фигурками или соответствующими буквами. Нашла. По стрелочкам повернула в нужном направлении и остановилась возле мужского туалета. Прислушалась. Ни голосов, ни движения. Я набралась решимости, сделала глубокий вдох, как перед прыжком в воду, и заглянула внутрь, прошла мимо рукомольников и выглянула в зал с кабинками и писсуарами. Никого. Обе кабинки были пусты, судя по приоткрытым дверцам.

Я вышла обратно в зал ожидания. Постояв еще немного, повертев головой в разные стороны и так в итоге не встретив ни одной живой души, у кого можно было бы хоть что-то спросить, я вышла в двери, противоположные тем, в которые вошла. Они вывели меня на площадь, тоже в этот час безлюдную. Впрочем, несколько торговых павильончиков приглашающе светились. Я решила сначала найти Костю, а уж потом пойти за покупками. Только где его искать, не имела понятия.

Покружив по площади, я сначала вернулась на перрон к той лавке, где он меня оставил, а потом все же решила заглянуть в павильончики: вдруг он там уже без меня чего-то покупает?

И за одним из павильонов я услышала шум драки. Остановилась, чертыхнувшись про себя и пытаюсь сообразить, что делать, отчаянно озираясь в надежде, что появится хоть кто-нибудь, кто мог бы мне помочь. Как назло: ни прохожих, ни полиции. Обшарила костину куртку и во внутреннем кармане сразу же наткнулась на пистолет. Решительно взяла его в руку, и не сказать, чтобы прикосновение холодной тяжелой стали придало мне уверенности: обращаться с огнестрельным оружием я, кажется, не умела. Тем не менее выбора у меня не было. Я пошла на шум драки и в кустах за углом одного из торговых павильонов в сгущающихся сумерках заметила движение.

Постояла, никем пока что не замеченная, пытаюсь определить, кто есть кто. После очередного приглушенного звука удара и негромкого чьего-то «Хак!» из шевелящейся плотной кучи народа вылетело тело, рухнуло на траву и, едва шевелясь, с приглушенным стоном попыталось отползти, чтобы не затоптали. Еще одно малоподвижное тело обнаружилось с другой стороны от основной кучи. До меня доносились звуки ударов, сопение и изредка — сдавленные матюки и рычание. Потом народ немного расступился, и я, наконец, разглядела, где свои, а где чужие. Чужих на ногах оставалось трое, не считая тех, что уже выбыли из игры. Костик в своей светлой рубашке теперь был хорошо различим. Он стоял в боевой стойке и сосредоточенно отражал удары, направленные ему в корпус и в голову с трех сторон. Сейчас он больше всего напоминал оцетинившегося породистого пса, окруженного стаей дворняжек. Совершенно неожиданно для всех он сменил тактику и нанес в разные стороны два молниеносных удара. Сразу двое из нападавших почти одновременно клацнули зубами и, откинув головы, повалились навзничь. Оставшийся последний противник проворно увернулся от очередной костиной атаки, завел руку себе за спину, и я отчетливо услышала металлический щелчок. Все остальные темные личности, как по команде, начали подниматься с земли, и я неожиданно для себя оказалась рядом с тем, последним, и, хорошенько размахнувшись, плашмя треснула пистолетом ему по затылку. Удар был сильный, моим пальцам тоже досталось, и я едва не взвыла от боли. Но зато этот тип, в руке которого блеснул ножичек, рухнул к моим ногам, и я увидела удивленные Костины глаза. Удивлялся он недолго. Подскочил ко мне, отобрал пистолет, тут же щелкнув предохранителем, схватил меня за руку и, пятась, начал отступать к зданию вокзала, держа на мушке поочередно всех пятерых нападавших. Даже в сумерках они прекрасно поняли, что шуточки кончились, и, престав дергаться, замерли в разных позах.

Металлический женский голос вдруг заговорил из множества невидимых динамиков. Эхо было такое, что я разобрала только слова «поезд» и «с первого пути». Безо всяких динамиков послышался пронзительный гудок паровоза и раскатился грохот тронувшегося поезда. Оказывается, я пропустила момент, когда он подошел.

Убедившись, что нас не собираются преследовать, Костя перестал пятиться, сунул

оружие за пояс, развернулся к вокзалу, отобрал у меня куртку и тут же надел, стянул с меня оба рюкзака, повесил себе на плечо. Чувствительно ткнул меня в спину: беги, мол. Мы побежали к перрону в обход здания вокзала. Выскочив к самым рельсам, мы застали хвост поезда. Проводница последнего вагона с фонарем и флажками уже отступила вглубь тамбура, и на ее место вышел паренек с сигаретой. Уселся на корточки на самом краешке «фартука», перекрывающего ступени, и стал невозмутимо созерцать проплывающие мимо кусты. Мерцающий огонек его сигареты проехал мимо нас, когда мы выскочили из кустов и стали догонять последний вагон. Увидев нас, паренек зажал сигарету в зубах, неторопливо поднялся, отступил на шаг, лязгнув каким-то рычажком. «Фартук», грохнув, отпрыгнул вверх, открыв нам путь по ступенькам. Поезд набрал уже приличный ход, и мы бежали изо всех сил. Я схватилась за поручень и попыталась запрыгнуть на ступеньки. Протянувшаяся сверху рука схватила меня за запястье. В это же время я почувствовала, как сзади Костик подтолкнул меня снизу, и я в мгновение ока очутилась в темном тамбуре. Протиснувшись за спину молодого человека, я, обернувшись, увидела, как Костя на бегу протянул ему оба наших рюкзака, которые парень сразу же молча передал мне, а потом, схватившись обеими руками за поручни, ловко запрыгнул на подножку поезда. Когда мы оба уже стояли в темном прокуренном тамбуре, наш спаситель, не вынимая сигареты изо рта и прищурив один глаз, чтобы не разъело дымом, все так же невозмутимо опустил на место фартук и снова уселся на корточки на самом краю.

— Спасибо, брат! — Костя протянул ему руку, и тот пожал ее, не вставая.

Парнишка молча кивнул, свесил руку с сигаретой наружу и стряхнул пепел.

Мы прошли в вагон.

Свободных мест не было. Все нижние полки были заняты людьми, все верхние — огромными рюкзаками, странными тюками и какими-то железными палками, обернутыми тканью и целлофаном

Остановившись в дверях тамбура, мы высматривали, куда бы можно было пройти и присесть хотя бы на краешек. Народ, большей частью молодые люди, сновал туда-сюда по проходу, из одного отсека в другой. Где-то играли на гитаре и пели нестройными голосами какие-то странные песни на непонятном языке. Некоторые были чудно одеты: на молодых людях я заметила одинаковые коричневые не то плащи, не то шинели. Одна девушка разгуливала по вагону в наряде восточной танцовщицы. Я безучастно на эту пеструю компанию, пытаясь сообразить, куда мы попали: в цирк или бродячий театр? Костя негромко проговорил мне на ухо:

— Толкиенисты!

— Ролевики, — назидательно поправил нас сзади чей-то голос, и мы, одновременно обернувшись, увидели того самого парня, который помог нам забраться в тамбур. — Ну или реконструкторы.

Мне это ровным счетом ни о чем не говорило, а Костя понимающе кивнул парню:

— На ХИшку едете?

— Не, на регионалку. ХИ в этом году под Ёбургом.

— А по какому миру игра?

— По «Светлячку».

Костя многозначительно покивал, я же не поняла решительно ничего из того, что они болтали, хотя слова почти все были знакомые.

Мы сидели в толпе веселых и необычно одетых парней и девчонок. Проводница несколько раз прошла мимо нас, не заметив среди этих странных туристов двух «зайцев». Меня затолкали к самому окошку, где я скучающе таращилась в темноту за грязным стеклом. Константин умудрился найти в этой толпе общих знакомых и выяснил, что кое-кто из его ну очень старых товарищей по таким же студенческим игрищам уже давно на полигоне (слово «полигон» навеяло на меня ассоциации с армией, но никто из этих лохматых ребят не походил на военного, хотя в камуфляж были одеты многие). Я привалилась к стенке купе и задремала в полумраке вечернего поезда под гул голосов и звон гитары где-то в конце вагона. Костя тихонько потряс меня за плечо через какое-то время и всучил мне бутерброд и кружку с чаем.

Я протерла сонные глаза и огляделась. Напротив меня сидели две совсем молоденькие девицы и пожирали Костю глазами. Он, не замечая их хищных взглядов, воспользовался тем, что нижняя полка в данный момент была свободна, и бесцеремонно разлегся, положив голову мне на колени. Я оторопело оглядела его с ног до головы, разведя руки с бутербродом и кружкой, и продолжила жевать, стараясь не крошить хлеб ему на лицо. Для этого мне приходилось отворачиваться и отклоняться. Он закрыл глаза и принялся ерзать, устраиваясь поудобнее, не замечая ни моего немого возмущения, ни разочарования, отразившегося на лице девушек, которые, думая, что я не вижу, переглядывались и гримасничали. Мужчина изогнулся, сунул руку себе под спину и вынул из-под поясицы мешающий ему лежать пистолет, чтобы спрятать его за пазухой. Девицы, заметив это, округлили глаза в полном восторге и стали пихать друг друга локтями. Мне захотелось щелкнуть этого супермена по лбу, чтобы не выпендривался, но я, доев бутерброд, поставила кружку на стол и теперь сидела, не зная, куда девать руки. Выбора не было, и одну пришлось положить ему на грудь, а вторую — на здоровенную шишку у него на лбу. Рука была холодная, и Костик раскатисто мурлыкнул от удовольствия, как здоровенный кот. Девчонки, заметив это, снова стали злобно на меня коситься.

Я доела хлеб, поставила на столик пустую кружку, не зная, что с ней делать дальше, кому возвращать, нагнулась к самому лицу Константина и шепотом спросила:

— Может, расскажешь?

Он открыл глаза:

— О чем? Об этих ребятах?

— Нет, о тех, что тебе на лбу шишку поставили, — я легонько постучала подушечкой пальца по шишке над правым глазом.

Он зашипел сквозь зубы, поймал мою руку и снова прижал ее к своему лбу.

— А, эти... Я их не знаю, чего рассказывать? Обыкновенные местные гопники.

— А зачем дрался?

— Да как-то так само вышло.

— Как само? Ты же отошел на минуточку!

— Ну ты что, гопников не знаешь? Им от «дядя, дай закурить» до начала мордобоя хватает гораздо меньше «минуточки».

Я помотала головой, он принял это за укор и перешел от оправданий к наступлению:

— А ты могла бы и раньше появиться, между прочим!

— А ты мог бы предупредить, что собираешься ввязаться в драку!

— Я не собирался драться! И вообще, зачем ты размахиваешь пистолетом, если не умеешь им пользоваться?

— Надо было, наверное, еще немножко постоять и полюбоваться, как ты красиво машешь кулачищами, пока парень с ножичком кромсает тебя на тонкие ремешки. В общем, это... на здоровье!

— Спасибо! — возмущенно буркнул он и закрыл глаза.

Я как могла устроилась поудобнее и тоже задремала, предоставив девчонкам возможность разглядывать нас сколько душе угодно.

Проснувшись я от начавшегося в вагоне массового шевеления. Народ вокруг нас возился, собирался, стаскивал с полок свои огромные рюкзаки, явно готовясь к выходу. Кружка исчезла.

За окном была глубокая ночь. В вагоне тоже было довольно темно, слабые «дежурные» лампочки едва освещали проход. Разговаривали приглушенными голосами.

Нога моя, придавленная головой Константина, затекла и слегка ныла, а сам он развалился на всю лавку, покачиваясь, как желе, в такт движению поезда и свесив руку почти до самого грязного пола. Я расправила плечи и потянулась, упершись ладонями в верхнюю полку. Мой спутник не просыпался, несмотря на то, что кто-то дважды чуть не споткнулся о его руку и один раз чуть не уронили ему на живот рюкзак, и мне пришлось пошлепать его по макушке.

Он резко сел и пару секунд ошеломленно озирался, приходя в себя, потом шепотом сказал, всматриваясь в темноту за окном:

— Что, уже приехали?

Я понятия не имела, куда и когда мы должны были приехать. За окном ничего не было видно.

— Нога затекла, — пояснила я тоже шепотом — а что, мы тоже выходим? — спросила я, увидев, что он подтянул к себе свой рюкзак.

— Да, нам лучше пока пойти с ними.

— Куда? На полигон?

Он кивнул, кого-то высматривая в проходе.

Что ж, может быть, в его решении было рациональное зерно, рассуждала я: затеряться посреди леса в толпе пестрых странных личностей — и какой нехилой толпе!

Поезд остановился на какой-то остановочной платформе, где не было даже будки с кассой, и светили всего два фонаря. Несколько дорожек разной степени утоптанности и разъезженности уходили в леса по обе стороны от путей. Стоянка была недолгой, и вся молодежь, загруженная рюкзаками, не успела повыскакать из вагонов. Последние оставшиеся выбрасывали свои баулы и выпрыгивали уже на ходу. Два раза дергали стоп-кран. К нашему вагону, в котором, по-видимому, ехала основная часть из этой партии ролевиков, прибежали несколько полицейских. Кто-то из толпы, видимо, тот, кто был за старшего, вполголоса давал им какие-то разъяснения, и стражи порядка, убедившись, что еще полвагона толпится в тамбуре и рвется наружу, остались просто наблюдать за выгрузкой. Константин, не делая резких движений и ни на кого не глядя, взял меня за руку и отвел в сторону от платформы, в самую гущу парней и девчонок. «Хочешь спрятать дерево — спрячь его в лесу», — пробормотал он, забирая у меня рюкзачок. Он вынул из моей поклажи полупустую полторашку с выдохшейся газировкой, вылил остатки на землю и буквально растворился в темноте. Молодежь толпилась возле платформы, а когда поезд наконец-то тронулся, потянулась цепочкой по одной из дорог. Я оглядывалась в поисках

пропавшего Кости, а когда осталась одна, смотрела вслед ушедшим в лес, надеясь, что дорога еще какое-то время не будет раздваиваться, и мы их нагоним.

Константин появился из темноты внезапно, так же, как и исчез, прижимая запотевшую полторашку, заполненную свежей водой, к своей голове. И бутылку, и мои вещи он запихнул к себе в рюкзак, вскинул на плечо и молча кивнул в ту сторону, куда ушли ребята.

Действительно, вскоре мы их нагнали, и я поразились, как такая толпа народа, не меньше полусотни человек, может производить ночью в лесу так мало шума. Шли молча, в туго набитых рюкзаках ничего не брякало, тяжелые ботинки едва шуршали по рыхлому песку.

Мы шагали чуть позади этой большой компании. Я попыталась было спросить у Кости, зачем мы вообще за ними потащились, но он прижал палец к губам и помотал головой.

Я зевнула, поежилась и перестала разговаривать, вдыхая запах сосен, рассматривая ночной лес и удивляясь тому, в какие странные обстоятельства нужно попасть, чтобы оказаться посреди ночи в глухом лесу. Рассматривать было почти нечего. Дорогу было еле видно. Все, что было по сторонам от нее, выглядело сплошной черной стеной. А если на самой обочине случался можжевельник, то он вообще казался похожим на странные молчаливо застывшие фигуры людей, закутанные в плащи с капюшонами. Я видела, как идущая впереди меня девушка шарахнулась в сторону, дойдя до такой фигуры, поджидающей ее у самого края дороги. Мне стало любопытно, я подошла вплотную и протянула руку в самую черноту, сгустившуюся передо мной. Рука прошла, сначала не встретив никакого сопротивления, а потом наткнулась на ветку с колючками. Костик фыркнул. Я отдернула руку, и мы продолжили путь в полной темноте. Что странно, никто не включал фонари, хотя возле платформы я видела, что они есть почти у каждого.

Ладно мы, беглецы. Но эти полсотни людей — они что, добровольно здесь оказались?

— Слушай, я обет молчания не давала, — сказала я шепотом. Прозвучало, наверное, все равно громко, потому что на нас обернулись, хотя так ничего и не сказали.

— А тебе что, вдруг приспичило поговорить? — удивился мой компаньон, впрочем, замедлив шаги и еще чуть приотстав от основной массы народа.

Я пожалала плечами, хотя он, наверное, не увидел этого в крошечной тьме, но сдаваться не собиралась.

— Тебя что, тянет к психам?

— А кто тут псих?

— Я, например. Ты же похитил меня из психушки.

— Ой, да ладно тебе. Какая это психушка? Так, санаторий. И я тебя не похищал. Сам засунул — сам забрал. Ты за мной пошла? Пошла.

— А куда мне идти?

— Ну вот и скажи спасибо. Жила как на курорте! Пф! «Психушка!» Не видела ты настоящих психушек! С настоящими психами.

— А ты видел?

— А я видел!

— А эти?

— А что эти? Нормальные люди, увлеченные. Идут себе по лесу, не шумят.

— А что за игрища такие у них? Полигон... Что они там делать будут? А чего ряженые такие все?

— Придем на место, сама увидишь.

— А долго идти?

Костик помолчал, прикинул.

— Часа два еще. До рассвета как раз доберемся.

Я поежилась.

— А ты что, раньше здесь бывал? Ты что, сам из «этих»?

— Было дело, — подтвердил он, вздохнул. — Все течет, все меняется. Теперь у меня другие «игрушки».

Ближе к рассвету сделали привал на перекрестке двух совершенно одинаковых дорог. Народ поскидывал рюкзаки, расселся прямо на земле, наконец-то послышались разговорчики, смешки. Я тоже уселась на землю, сдвинув перед этим в сторонку мокрую от росы хвою с шишками. Шла я налегке, но все равно устала, и сейчас прикидывала, каково мне было бы тащить на себе рюкзак размером и весом с полчеловека.

Рассвет слегка разбавил ночную тьму, в лесу начали петь первые птицы, и теперь темнота вокруг меня расслоилась на небо, лес и дорогу. Я начала различать очертания людей, отдыхающих кто на обочине, привалившись к своему неподъемному рюкзаку, а кто и прямо на дороге.

Костя, бросив мне на колени свой рюкзак, ушел кого-то искать, чтобы кое о чем «перетереть», я решила воспользоваться удобным случаем и уединиться с природой.

Вернувшись, я обнаружила, что народ потихонечку двинулся, и что наш путь продолжился не прямо, а налево, впрочем, я была не уверена: если, стоя на самом пересечении, покружиться с закрытыми глазами, то и не вспомнишь, откуда мы пришли. Как они вообще здесь ориентируются? Да еще в темноте. Константин ждал меня на перекрестке, забрал у меня рюкзак, и мы снова зашагали замыкающими в «хвосте» этой странной молчаливой процессии.

Я стояла под стенами деревянной крепости и смотрела на подъемный мост, который только что со скрипом опустился к моим ногам. В проеме под дозорной башней, уперев руки в боки, стоял импозантный мужчина, одетый в кожаный колет поверх широкой белой рубашки с рукавами-буфами, широкие штаны, заправленные в кожаные сапоги с отворотами и бархатный берет с петушиным пером, свисающим до самого плеча. Мужчина картинно расставил руки и торжественно произнес:

— Друг Гундулы — желанный гость в нашем поселении! Проходите, уважаемые! Прошу разделить с нами стол, кров и бутылку водки!

Мы неуверенно ступили на шаткие бревна, сквозь которые виден был грязноватый ручей примерно по щиколотку, протекающий по «рву», через который и был перекинут подъемный мост. Я шла медленно, одной ногой по одному бревну, другой — по другому, подав руку Косте, который, грациозно балансируя, перебежал на ту сторону, и пыталась понять, кто из нас кого поддерживает.

— Не рановато ли для бутылки водки? — пробормотала я себе под нос.

Константин меня услышал, но бровью не повел.

Мужик с пером взревел, расставил руки и поймал моего спутника в свои объятия, почти спрятав его в буфах и кружевах. Откуда-то сбоку выскочил еще такой же разряженный пузатый тип, вырвал у первого типа Костю, приподнял от земли и даже покружил, прижав к своему могучему животу. Я с удивлением отметила, что рядом с ними высокий и поджарый Константин, который казался мне большим и сильным, выглядел почти хрупким и нежным,

как одуванчик.

Я скромно стояла в сторонке, присматриваясь к тому, как народ из крепости собрался, чтобы поглазеть на встречу старых друзей, как вдруг тип с пером подскочил ко мне. Я шарахнулась, опасаясь, что он и меня начнет трясти и тискать, и осталась стоять столбом, уронив челюсть, глядя, как он сорвал со стриженной башки свой берет и отвесил мне изящный поклон, мазнув передо мной землю петушиным пером.

— Позвольте представиться, миледи! Я старейшина этого поселения, барон Пампус.

— Очень приятно, — пробормотала я, — Женя.

Он ожидал продолжения, которого я и сама не знала, а не дождавшись, махнул рукой кому-то не глядя:

— Проводите леди Женю в мои покои и накройте пиршественный стол! Дорогих гостей надо встретить как подобает, тем более, что лорд Гундула тоже скоро к нам присоединится.

Он, подняв бровь, ожидал моей реакции, но поскольку я не имела чести быть представленной лорду Гундуле, о котором услышала не более пяти минут назад, я сдержанно кивнула и проплыла мимо с каменной мордой, как, наверное, подобает настоящей леди.

Костя успел освободиться от объятий и выпутаться из рюш, манишек и манжет с кружевами, протянул мне руку, ожидая, когда я к нему подойду, по-простецки представил меня разряженному мужику:

— Это Женя. Это Ржавый.

Обладатель кружевного пуза и странного имени окинул меня пристальным взглядом, попытался выдать кривоватую усмешку за учтивую улыбку и склонил голову.

— Окажите нам честь, присоединившись к нашему скромному пиру в честь прибытия новой партии поселенцев с периферийных планет!

Я открыла было рот, чтобы удивиться, но мой спутник сжал мой локоть и чуть дернул, давая мне знак помалкивать.

— Да, Ржавый, нам бы чего-нибудь пожрать, — вполголоса согласился Константин, оглядываясь вокруг на суету, вызванную прибытием большого количества народа.

«Поселенцы» с нашего поезда, которых приняли в крепости и пропустили внутрь прямо перед нами безо всякой помпы, уже расставляли свои палатки в специально отведенном месте на территории этого странного лагеря.

Глава 8

*да я готов сию секунду
за вашу светлость лечь костьми
какая светлость я ващецо
князь тьмы
© колик*

Я отдыхала. Пока Константин весело проводил время со своими друзьями, я сидела на мостках и полоскала ноги в ледяной речке. На берег иногда приходили люди: набрать воды в котелок, сполоснуть посуду, окунуться с разбега. Никто со мной не заговаривал, и я наслаждалась тем, что не надо было все время куда-то двигаться, и можно было не валяться ночью под кустами. Нас пустили переночевать в палатке одного из тех, кто приехал с нами в поезде. Или с кем приехали мы. И мы ночевали в ней уже несколько ночей. Мне наконец-то удалось как следует выспаться и даже слегка расслабиться. Костя сказал, что это похоже на пионерский лагерь. Я не помнила, что это такое, а могла и просто не знать. Но на всякий случай многозначительно ему покивала, чем вызвала его удивление.

Днем, когда мне надоедало сидеть без движения и пялиться на текущую воду, я возвращалась в лагерь и оказывалась в самом разгаре каких-нибудь игровых действий.

Так, например, однажды я увидела, как одна группа людей, сбившихся в кучу и окруживших себя какой-то огромной картонной коробкой, склеенной из целой кипы других картонок, которые они поддерживали руками, швыряла какие-то предметы в другую такую же группу людей, надевших на себя похожую картонную коробку, но раскрашенную в мрачные цвета. Еще они светили друг в друга лазерными указками. А вокруг бегали несколько человек с блокнотиками, ставили какие-то галочки и «снимали» с групп какие-то «хиты».

Костик объяснил мне, что это отыгрывается бой звездолетов в открытом космосе, и я, приглядевшись, начала понимать, что происходит.

От одного корабля по указанию Мастера (человека с блокнотиком) оторвали целый кусок картона, и в корабле разгерметизировался целый отсек. Оттуда, имитируя полет в невесомости плавными движениями, «выплыл» человек, медленно приблизился к Мастеру, поманившему его пальцем, кинул ему на блокнотик пару игральных костей, и пока они перекатывались, и он, и хозяин блокнотика, и остальные члены обеих экипажей замерли в напряженном ожидании. Наконец Мастер, что-то прикинув, объявил, что человек в разгерметизированном отсеке успел надеть скафандр, который к тому же оказался в порядке. Экипаж «подстреленного» корабля радостно взревел, а выплывший в «открытый космос» человек кивнул, надел на голову мотоциклетный шлем и плавно вернулся к кораблю. Теперь он использовал свое преимущество: держась рукой за обшивку корабля, он нанес вражескому космическому крейсеру значительное повреждение своей лазерной указкой, выведя из строя одну из их антенн (Мастер, приглядывающий за другим кораблем, тоже бросал кубики). Сразу после этого человек в открытом космосе получил выстрелы из нескольких лазерных указок, и всем без кубиков стало понятно, что он труп. Он картинно согнулся, оторвался от обшивки корабля, раскинув руки, медленно покружился, словно в

танце, изображая, как его тело медленно уплывает в открытый космос, потом мягко опустился на траву и остался неподвижно лежать. Повернув голову, не снимая шлема, он стал наблюдать за продолжением боя. Потом, когда третий Мастер с блокнотиком что-то у себя отметил и помахал ему рукой, чтобы он покинул поле боя, он встал, отряхнулся уже без всякой наигранной плавности, снял шлем и убрел, все время оглядываясь. Константин пояснил, что он пошел в «мертвятник» отбывать там пару часов свою смерть, чтобы потом «переродиться» и продолжить игру уже с другой ролью.

Мне было любопытно наблюдать за игроками, которые подходили к исполнению своих ролей с комичной серьезностью, как будто для них это была не игра, а реальная задача, от которой зависело их дальнейшее будущее. Они собирались у костра, обсуждали игровые моменты, коршунами налетали на Мастеров, когда не были согласны с их решениями, как футболисты на арбитра, показавшего незаслуженную (по их мнению) желтую карточку.

Я удивлялась такому отношению к игре, особенно когда мне пояснили, что в ней нет победителей или проигравших, за нее не выдаются ни дипломы, ни награды. Поиграли и разъехались. Но когда я поделилась своими соображениями и наблюдениями с Глюком, тем самым парнишкой, который подал нам руку в поезде, а потом приютил нас в своей палатке, он посмотрел на меня совершенно безумными глазами, как будто я сказала даже не глупость, а что-то неожиданно неприличное. Он расфыркался, побил себя по лбу тыльной стороной ладони, деликатно выражая этим свое мнение о моих умственных способностях, и только после этого обрел наконец способность членораздельно выражаться. И то от возмущения его голос то и дело давал «петуха», подозреваю, правда, что несколько наигранного.

— Да мы по полгода к играм готовимся! Историю изучаем, костюмы шьем, легенду себе продумываем, даже если у нас именных ролей нет.

— Именных ролей?

— Ну да. Ты вот кто здесь?

— Я... Я вообще-то здесь случайно.

Он уставился на меня круглыми глазами.

— Случайно? Вот здесь, посреди тайги, в самый разгар региональной игры? — он опять расфыркался, раскурил сигарету, зажал ее углом рта и рассматривал меня одним глазом, сощулив второй, чтобы не щипало от дыма. — Откуда вы вообще взялись? А, ну да, запрыгнули в наш поезд...

Он пытливо на меня смотрел, сузив смешливые синие глаза, углом рта выдыхая дым в сторону и скрестив руки на груди.

Я беспомощно огляделась, ища глазами Константина. Но он куда-то исчез, и я на всякий случай решила придерживаться правды, не всей, конечно.

— За нами гнались гопники.

Глюк перенес вес тела на другую ногу, сделал очередную затяжку, не сводя с меня настороженного взгляда.

— И вы так далеко заехали — от гопников? — подозрительно спросил он неестественно тонким голосом.

— Ну... — мялась я, — а перед этим... Костик вытащил меня из дурки, и теперь мы скрываемся, кажется, нас хотят убить...

Глаза Глюка округлились от восторга, брови полезли на лоб, казалось, даже его мальчишеская челка еще больше встопорщилась от удивления.

Он сделал последнюю затяжку, вдавил окурок кедом в песок и звонко хлопнул себя по

раскрытой ладони.

— Так ты — Ривер?

— Кто?! — ошарашенно переспросила я. — Я — Женя.

Он картинно закрыл себе рот рукой и еще больше выпучил глаза.

— Понял. Молчу. Я и сам не сторонник Альянса. А уж федералы эти так вообще оборзели. Творят что хотят, хватают честных людей посередь бела дня...

Я вообще перестала что-либо понимать, но поддержала его решение:

— Да уж, ты лучше помалкивай.

Он изобразил застегнутый на «молнию» рот, отвернулся и козлом ускакал в сторону нашего лагеря, оставив меня стоять с раскрытым ртом. Я пыталась сообразить, насколько сильно я могла навредить нашему с Костей положению своими откровениями. Хотя, с другой стороны, ну что могло случиться с нами тут, посреди глухого леса? Как вообще можно было вычислить, куда и каким путем мы направились, покинув дачу Левина? Да и этот странный, но в целом приятный парень, который уже один раз нас весьма выручил, вызывал у меня доверие. Но мысленно я все же дала себе наставление не распускать язык.

Днем мы с Константином мало виделись, он прибежал в шатер Гундулы перехватить еды и снова уходил на полигон. Он избавился от своей уже изрядно пожеванной светлой льняной рубашки, которая превратилась в подобие половой тряпки, и обзавелся каким-то рубищем с широкими рукавами, подолом и горловиной, расшитыми каймой. Из отросшей на макушке щетины он сделал подобие ирокеза, выбрив себе виски. Неделю небритая борода тоже внесла своеобразный штрих в создание его нового образа. И когда он внезапно появился в таком виде передо мной, я даже не сразу его узнала, а потом поперхнулась супом. Он был похож на мóлодца из славянских сказок. Правда, не доброго, а злого, судя по выражению его лица, наморщенному лбу и изгибу бровей. Чем он был недоволен, он мне не сказал.

Суп мы варили вместе с Глюком. Его оставили дежурным по лагерю. Это означало, что он должен поддерживать очаг, нарубить дров, принести воды и сварить котел похлебки на всю команду. Этот обалдуй, не мудрствуя лукаво, притащил к костру целую охапку пачек лапши быстрого приготовления и еле поддался на мои уговоры запустить в котел еще хотя бы картошки. За свою инициативу я сама же и поплатилась, поскольку он взвалил на меня всю черную работу по ее очистке и нарезке, а сам сидел возле костра, лениво подбрасывая в огонь щепочки в ожидании, когда я все подготовлю к коронному выходу шеф-повара, курил и травил байки. Рассказчик он был, что называется, от бога, и каждая байка была мини-спектаклем, в лицах и по ролям. К нам подходили люди, заслушивались и забывали про свои дела; и вскоре увлеченный Глюк, сидящий у костра перед целой кучей нескрытых пачек «одноразовой» лапши, и я, потихоньку взявшая бразды правления супом в свои руки, оказались в центре внимания довольно большой толпы.

Я выловила кусок картошки, подула на него, попробовала, кивнула Глюку, и он, не прекращая вещать, принялся брать в руки брикет лапши, рвать зубами хрустящую упаковку, не глядя вытряхивать все ее содержимое в котел, швырять пустую упаковку в огонь. Потом брался за следующую. Когда в котле оказалось больше половины заготовленных им пачек, кто-то в толпе заметил, что вообще-то внутри, кроме лапши, должны быть еще маленькие пакетики с суповой заправкой. Глюк замер с надорванным пакетом в зубах, пискнул, вскочил с места, отобрал у меня поварешку и принялся бултыхать ею в супе, ища пакетики. Толпа зрителей напряженно следила за его действиями. Но, к нашему общему удивлению, в супе ничего мы не нашли. То ли они растворились в кипятке, то ли расплавились.

Оставшуюся лапшу потрошила я, тщательно выбирая и вытряхивая в котел все содержимое из всех пакетов. Глюк притих, пристыженно выпучив глаза и грызя кулак, и толпа рассосалась.

Не будь он явно всеобщим любимцем и душой всех компаний, в которые попадал, вряд ли бы он отделался почти ласковым щелбаном по макушке от кого-то из своих.

Я сидела и давилась пересоленной лапшой, когда передо мной возник Костик в своем новом обличье, выхватил у меня тарелку, наспех похлебал, сморщился и вернул мне. Он присел рядом со мной на бревнышко, окинул меня своим пронзительным взглядом, бросил с непонятной интонацией:

— Смотрю, ты влилась в коллектив? Может, тебя тут оставить?

Я снова едва не поперхнулась супом, забулькала, не в силах ни проглотить, ни прожевать горячую лапшу, ни высказать свое возмущение его вероломным предложением. Игра закончится, и детки вернутся к своей нормальной жизни. А мне куда возвращаться? Остаться в лесу или вернуться в город и жить на помойке? Вернуться к Бринцевичу? Ну да, так меня и приняли туда с распростертыми объятиями. Скорее уж меня упекут в обычный дурдом и превратят в овощ, как меня пугала баба Галя, успевшая в свое время и там «хлебнуть больничной баланды».

Видя мое возмущение и растерянный взгляд, Костик вдруг смягчился, обнял меня за плечи и дружески встряхнул, чуть не пролив горячую похлебку мне на колени. Проглотив, наконец, то, что было у меня во рту, я все равно не смогла подобрать подходящих слов, чтобы выразить ему свое несогласие. Я поставила тарелку на землю перед собой и воззрилась на него, постаравшись придать своему лицу гневное выражение.

— Ну ты гад, — сказала я спокойно. По-моему, гневное лицо мне не удалось.

Он рассмеялся, вскочил и снова куда-то умчался. Я осталась сидеть, мрачно продумывая варианты. Если он меня не дразнил, а действительно намеревался бросить тут, то мне придется самой принимать какие-то меры к выживанию. Самое простое, конечно, завести тут друзей, особенно среди мужчин, «сесть на хвост», что называется, и прикинуться беспомощной овцой, каковой я, по сути, и являлась.

Есть еще вариант. Обратиться к властям и попытаться вернуть себе свою личность. Ведь где-то должны были остаться документы, кто-то из моей «прошлой жизни» мог меня вспомнить. Однако, учитывая недавние события, с которых начинались мои воспоминания, вряд ли это был наилучший для меня выход. Власти, конечно, обрадуются, заполучив человека, устроившего тот чудовищный взрыв, и в какой-то мере они позаботятся о моем дальнейшем беззаботном существовании — в тюрьме или, опять-таки, в психушке. Но вряд ли это существование будет безоблачным...

Пока я сидела, озадаченная Костиной выходкой, и пялилась в остывающий суп, стоящий передо мной на земле, ко мне подсел Глюк, видимо, наблюдавший со стороны всю сцену.

— Да ты не переживай, Ривер. Мы тебя прикроем. Что нам федералы! Вряд ли они смогут взять штурмом наше поселение. Это лучшая крепость на полигоне.

Я невольно оглянулась на сооружение с внушительными бревнами вместо стен и подъемным мостом через маленькую канаву.

— А вообще-то я не пойму, он тебе кто? — парнишка неопределенно махнул головой, но я поняла, что он спрашивал об этом моем странном товарище.

— Понятия не имею, — честно призналась я.

— Странные у вас отношения, — доверительно сообщил мне Глюк, глядя на меня

слегка прищуренными глазами. Прищур у него был не как у Костика: тот как будто пытался прожечь взглядом. А у этого в глазах плясали веселые чертики, и сам он всегда ходил со слегка перекошенным ртом, как будто пытался спрятать улыбку, готовую появиться на лице в любой момент. Наверное, за это его все и любили.

— Точно, — поддакнула я, — странные.

— Вроде вы вот и спите в обнимку, по крайней мере в одной палатке, и ест он из твоей тарелки... А ведете себя как чужие друг другу. — продолжал он делиться наблюдениями. — Вы родственники или как?

Я покачала головой.

— Он просто мой спутник. Ну, или компаньон.

— В смысле — ты его компаньонка? — глаза парня удивленно расширились, как будто я снова сказала что-то неприличное.

Я снова взяла тарелку у руки и принялась доедать, ожидая продолжения.

Глюк понял, что ответа от меня так просто не добьешься, но сдаваться не собирался.

— А почему ты почти не играешь? У тебя же роль.

— Это не роль, — вздохнула я — и я не Ривер.

— Ну да, я понял. Компаньонка. К тому же Саймона я как-то встречал в «мастерятнике»... — он продолжал задумчиво на меня смотреть, жуя травинку.

— И я вообще не играю, ты что, не понял?

— Так вы здесь правда случайно?

Я кивнула, на всякий случай пока не собираясь вдаваться в подробности и сделав вид, что понимаю, о чем или о ком он говорит. Доела, наконец, остывшую похлебку и оставила грязную тарелку в сторонку.

— Так вы не от гопников здесь скрываетесь?

— Я не знаю, Глюк, честно. У меня вообще амнезия после взрыва, я даже своей фамилии не помню, да и имя мне Константин сообщил. Может, придумал, я не знаю.

Глюк вытаращил глаза:

— Да иди ты! — он снова полез за сигаретой, достал ее из пачки и ошарашенно вертел в пальцах, явно забыв, зачем она ему нужна.

Я машинально вытащила сигарету у него из рук, вынула из костра палочку, прикурила, не задумываясь, что делаю, и отдала ему. Он взял, закурил и снова потрясенно уставился на меня:

— Ты куришь?!

Я очнулась от своих раздумий:

— О, видимо, да. Правда, до этого времени меня как-то не тянуло... — Я была рада, что мы отвлеклись от темы наших с Костиком взаимоотношений и походов.

— Может, это память к тебе возвращается? — вкрадчиво с надеждой спросил Глюк, заглядывая мне в глаза.

Я снова отобрала у него сигарету и сделала затяжку.

— Вряд ли, — покачала я головой и выпустила дым в сторону костра, — это скорее на уровне двигательных рефлексов. Не научилась же я держать ложку.

— А что за взрыв? — осторожно спросил Глюк, снова возвращаясь к скользкой теме.

— Я не помню, — уклончиво ответила я. — Я помню только, что он был, и что я получила ожоги.

Я задрала рукав до плеча и показала рубец, который зажил совсем недавно.

— Ого.

Он деликатно забрал у меня из пальцев сигарету, затянулся и вернул мне.

Ночью Константин не пришел спать в палатку. Я лежала на боку, свернувшись калачиком, размышляя, какая подлость с его стороны — вот так, без предупреждения, меня бросить посреди леса. Хотя, если подумать, может, он и верно все рассудил: оставлял он меня все-таки не одну в глуши, а среди людей. И нельзя сказать, что совсем уж без предупреждения. Ведь намекнул же мне при нашей последней встрече. И если уж совсем честно, то непонятно было, зачем он вообще меня с собой потащил: ведь ясно же, что я для него обуза. Без меня у него были весьма неплохие шансы затеряться и выжить. А я, если призадуматься, скорее всего и не нужна никому, включая тех, от кого скрывается Костя. Я даже не уверена, что со мной что-то произошло бы, оставь он меня у Бринцевича. Хотя, конечно, оставить там меня надолго он, скорее всего, не мог себе позволить.

И, хлопая глазами в темноте палатки, сквозь стенки которой слабо пробивался свет костра, почти ничего внутри не освещая, я приняла решение: буду выживать дальше сама.

Я прикинула свои варианты. «Падать на хвост» к своим новым знакомым (да я в общем-то, кроме Глюка, ни с кем и не успела толком познакомиться) мне не представлялось разумным и возможным. Рассчитывать нужно на свои силы. Что же делать? Самое большее через неделю игра закончится, и ребятки вернутся к своей обычной городской жизни. Возвращаться вместе с ними? Или выбраться в другой город (самое поганое, что у меня в памяти не было и намека на название города, в котором я устроила взрыв). И что еще хуже — у меня не было ни копейки собственных денег.

И тут меня озарило. Я резко села в палатке, пошарила вокруг себя, нашла свою куртку, свой рюкзак... Костин рюкзак! И огромную, тяжелую Костину куртку! Я обыскала его карманы, нащупала бумажник, ножик, не было только пистолета...

Я сидела и лихорадочно соображала. Он не забрал свои вещи. Значит, скорее всего, не сбежал. Тогда где он? Может, нашел себе девицу, вроде той, что в вагоне строила ему глазки... Я решилась растолкать Глюка, безмятежно дрыхнувшего на своей половине палатки, уткнувшись носом в свой огромный рюкзак.

Он вздрогнул и повернулся ко мне, хрипло крикнув спросонья:

— А? Кого бежим? Куда хватаем?

— Ты Костика не видел?

— Кого? Костика? Костика... А, этого твоего компаньона? Видел. Там он, с Гундулой и Ржавым бухают у москвичей в лагере. И Феанор с ними.

Я так и не поняла, было ли это таким замысловатым эльфийским ругательством типа «черт с ними» или просто кто-то присоединился к пьянке.

— Это далеко отсюда?

— Далеко. На том конце полигона, километра полтора-два... — Глюк слабо махнул рукой в неизвестном направлении, снова уткнулся носом в свой рюкзак, уронил руку и затих.

Я еще немножко посидела в обнимку с курткой и рюкзаком, потом улеглась, так и не выпустив из рук Костиковых вещей, твердо решив про себя завтра при свете дня хорошенько поковыряться в его добре и отсчитать себе немного наличных, чтобы хватило хотя бы на билет до ближайшего города. Мало ли.

Утром Костик объявился как ни в чем не бывало, и от него действительно пахло алкоголем. Но глаза его были ясны, как обычно, и неприветливы. Тоже не привыкать. Он

сунулся в палатку ни свет ни заря, попытался вытянуть из моих цепких объятий свои вещи, и я проснулась. Он молча отобрал свой рюкзак, сунул туда бутылку водки, вернул мне свой скарб и снова куда-то исчез. Я бухнулась обратно досыпать, обняв бесценный груз.

Днем, когда я настроилась на очередной ничем не примечательный день, наш лагерь вдруг загудел, как потревоженный улей. На сторожевой башне истерично взвыл сигнальный горн, обитатели поселения в считанные минуты облачились в свои доспехи, похватали игровое оружие, часть из которого подозрительно напоминала настоящее, причем огнестрельное, и заняли свои места на крепостной стене.

Я поймала за рукав шныряющего мимо меня Глюка:

— Это что, штурм?

— Похоже, — ответил он, не сводя глаз с донжона, где продолжал трубить дозорный.

— А мне можно посмотреть?

Он окинул меня взглядом и серьезно, без своих вечных ухмылочек и гримас, посоветовал:

— Не, ты лучше скройся.

— Почему? — удивилась я. Еще никто на игре ниоткуда меня не прогонял, хотя многие догадывались, что я не играть сюда приехала. У них это называлось точным и емким словом «матрасничать».

— У тебя доспехов нет. Если до стрельбы дойдет, можешь пострадать. Оружие, конечно, ненастоящее, бьет не смертельно, но больно.

Он нырнул в палатку и вынырнул оттуда уже с доспехами, больше похожими на щитки хоккейного вратаря. Пока он все это на себя нацеплял, подпрыгивая то на одной ноге, то на другой, извиваясь и вертясь, стараясь дотянуться до ремешков, он продолжал меня наставлять:

— Эту крепость еще ни разу не удалось взять штурмом. Но мало ли. Если все-таки ворвутся, ты лучше в палатке отсиживайся. Там тебя не тронут.

— Как это? А если тронут, то что?

Он умудрился пожать плечами, скривив при этом многозначительную гримасу:

— В плен уведут. А там... всякое может случиться: замуж выдадут, на торгах продадут, в бордель сдадут... Доказывай потом твоему Костику, что ты не верблю... не вербля... а это... порядочная компаньонка. В общем, сиди тут!

Надев шлем, он скакнул на стену, а я, послушав доброго совета, села на пороге палатки, обхватив колени, надеясь хоть издалека увидеть и услышать, как выглядит штурм игровой крепости.

Горн наконец-то умолк, гарнизон выстроился с оружием наизготовку на специальном помосте с внутренней стены бревенчатой стены, и на донжон по деревянной лесенке, которая стонала и скрипела под немалым весом, влез для переговоров старейшина поселения — пузатый барон Пампус.

— Приветствуем доблестных воинов Альянса! — зычно гаркнул он, не спеша, впрочем, отдавать приказ опустить мост.

— Чего? — послышался неуверенный голос снаружи. — Какой еще Альянс?

— Хм... На повстанцев вы тоже чего-то не похожи. Кто такие? С какой планеты?

За стеной возникла недоуменная пауза.

Я тихонько подкралась к бревенчатой стене и выглянула в щель.

Двое добрых молодцев стояли, подняв руки, под прицелом нескольких винтовок,

направленных на них с разных сторон из кустов и со стен крепости. Оружие, как я узнала от Глюка, было ненастоящее, страйкбольное, но прямое попадание в незащищенное тело, да еще с такого небольшого расстояния, было чревато весьма неприятными ощущениями и травмами. Тем, кто был не в курсе, и вовсе казалось, что из каждого дула на них смотрит вполне реальная смерть: оружие для страйкбола, стреляющее пластмассовыми шариками, было с виду точной копией огнестрельного.

Откуда-то из-за палатки вынырнул Константин со своим рюкзаком на плечах, приложил палец к губам. За его спиной приплясывал Глюк. Он был без шлема, глаза дикие. Костя схватил меня за руку и потащил следом за Глюком, который припустил куда-то в самую дальнюю часть нашего лагеря, туда, где в кустах был оборудован деревянный, почти цивильный сортир. Обойдя будочку, Глюк раздвинул кусты и показал нам подземный ход, вырытый между корнями сосны и укрепленный тонкими бревнышками.

Костя велел мне спускаться первой.

— Это что, за нами? — спросила я, кивнув на суету у подъемных ворот.

Костя кивнул и подтолкнул меня к лазу.

— Куда он ведет? — спросила я шепотом.

— К речке. Это на случай осады. О нем даже не все наши знают. Давайте шустрее, булками шевелите! — подгонял Глюк.

— Скажи Ржавому, пусть на рожон не лезет. Они-то вооружены по-настоящему. Но если ваши ребята не будут стрелять, те и не поймут, что у вас в руках игрушки. Нам нужно хотя бы несколько минут, чтобы скрыться. Потом можете сказать им, что мы здесь были и ушли. И скажи Гундуле, пусть по рации свяжется с Мастерами — скажет, мол, у вас тут реальное вооруженное нападение, не игровое.

Глюк кивал и подталкивал меня к песчаному лазу. Я набралась решимости и полезла в дыру между корнями.

Ход был широкий, можно было пролезть на четвереньках, и не такой уж темный, как мне показалось вначале. Всего через какой-то десяток метров виднелся выход — свет в конце тоннеля. Пока я ползла, мне на голову и за шиворот сыпался песок, из-под моих рук спешно расползались пауки и какие-то сколопендры.

Я, как ящерица, поползла на свет, к выходу, слыша, как позади меня пыхтит Константин. Обернувшись, я увидела, что Глюк уже завалил за нами вход в лаз палками и ветками. Я вывалилась из дырки в земле на свет и покатила вниз по песчаному крутому берегу, чуть не плюхнувшись в воду. Следом за мной по крутому обрыву съехал Костик. Схватив меня за руку, он, пригибаясь, потащил меня под прикрытием крутого бережка вверх по речке, не давая мне опомниться и не обращая внимания на хлещущие колючие кусты.

Глава 9

*всё очень плохо если кто то
нарисовал на вас узор
употребляемый как метка
у зорр
© bublik*

— И куда мы теперь? — не повышая голоса, задыхаясь, спросила я, когда мы уже отбежали по моим прикидкам пару километров и перестали пригибаться.

— Пока вверх по речке, дальше видно будет, — тяжело дыша, ответил Костя, не выпуская моей руки и не собираясь снижать темп.

— Ты же хотел меня там... бросить? — пыхла я.

— Ага, щас! — злобно бухтел Константин, придерживая для меня ивовые ветки, чтобы не хлестнули по лицу.

— А зачем тогда...

— Проверял твою... реакцию.

Я зашипела, потому что одна из ветвей все-таки шваркнула меня по шее.

— И как тебе моя реакция?

— Как я и думал — отсутствующая!

— Вообще-то я собиралась у тебя стащить немного денег.

— Зачем?

— Доехать до города.

— До какого?

— До ближайшего.

— Где тебя и схватят сразу же на вокзале. Не те, так эти.

— Которые «те»? И что за «эти»? — неуверенно спросила я.

— «Те» — которые за нами. «Эти» — которые за теми, которые за нами.

— А откуда ты знаешь про «этих»? А про «тех»?

— Позвонил, справки навел.

— Откуда звонил? У тебя же нет с собой телефона.

— От Ржавого я звонил. Теперь вот думаю — зря...

Он остановился и повернулся ко мне. По лицу его стекали капли пота, голова была присыпана песком, который тоже стекал теперь по вискам грязными потеками.

— Почему зря?

— А сдается мне, они могли отследить звонок.

— Как?

— Действительно, как... — Он задумчиво поскреб щетинистую щеку, вытер локтем пот со лба. — Они приперлись сюда точнехонько, как по маячку. Мобильника ни у тебя, ни у меня с собой нет, по GPS они нас найти не могли. Прослушивать все телефоны в этом лесу у них кишка тонка... Тогда как?

Он взглянул на меня, как будто и правда ожидал, что я дам ему ответ.

— Костик...

— Что?

Я шагнула к нему, он настороженно замер. Я протянула руку к его шее и оттянула воротник его расшитой каймой рубахи. Он с недоумением следил за моими действиями, но не сопротивлялся. Я положила пальцы повыше его ключицы и чуть помяла мышцу.

— А что у тебя вот здесь? — я вспомнила «таблетку», которую показал монитор там, в больнице, когда мы очнулись после взрыва.

— Черт! Это же было почти двадцать лет назад. Откуда ты о нем узнала?

— Я видела в больнице, на мониторе. Я подошла рассмотреть поближе, и даже потрогала. Но потом ты очухался и принялся орать.

— Ну еще бы! — усмехнулся он. — Ты чуть не вспорола мне брюхо стеклом, я прихожу в себя — и вот уже тянешь ручонки к моей шее! Зараза, неужели он еще работает?

Он сел прямо на землю, залез в свой рюкзак и вытащил оттуда свой нож, протянул мне рукоятью вперед.

Я неуверенно взяла, догадываясь, какова будет его следующая просьба. Или приказ. Он снова залез в рюкзак, вынул из него бутылку водки.

— Я, конечно, рассчитывал по-другому ее употребить. Но за неимением лучшего...

Он отвинтил крышку, приложился к горлышку и залпом вылакал чуть не четверть бутылки. Я вынула нож из чехла:

— Может, хоть на лезвие нальешь?

Он забрал у меня нож, облил клинок водкой, вернул мне.

— Рубашкуними.

Он стащил через голову свое странное одеяние, подставил мне плечо, хлебнул еще для храбрости.

— И на руки мне еще полей! — он плеснул мне на пальцы, снова приложился к горлышку, зажмурился и затряс головой.

Я нерешительно помяла мышцу, припоминая, где именно видела тот непонятный предмет. Пальцами он практически не прощупывался. Присмотревшись, я увидела на коже едва заметный маленький шрам, полсантиметра, не больше. Наконец я решилась, приставила острие ножа к этому единственному доказательству того, что мне не привиделось это там, в больнице, и сделала неглубокий надрез, благо нож оказался достаточно острый. Костя вздрогнул, зашипел.

— Терпи, казак! — я глубже вогнала нож, кровь едва выступила и струйкой медленно поползла по коже.

Острие царапнуло что-то твердое, и я выдохнула с облегчением, а Костя тихонько зарычал.

— Тебе повезло, что я не промахнулась, — сказала я, чтобы его утешить. Он в ответ только скрипнул зубами и заиграл желваками.

А теперь мне предстояло вытащить эту маленькую штучку из живой плоти, не имея в арсенале ни щипцов, ни пинцета, чтобы чем-то ее подцепить.

— Хлебни еще, — сказала я, чуть расширяя надрез и не обращая внимание на его перекошенное лицо и мучительные стоны, — и держись за что-нибудь покрепче.

Он послушно выхлебал еще с полстакана водки, зажал бутылку коленями и ухватился свободной рукой за ивовый ствол.

Маленький блестящий предмет размером с пуговицу не желал выковыриваться из-под

кожи, я безжалостно рассекала острием ножа соединительную ткань, которой он успел обрасти за столько лет пребывания в теле человека, но наконец выцарапала его себе на ладонь.

Потом я взяла бутылку, предупредила Костика, чтобы он не вздумал орать, и щедро плеснула водки ему на рану, края которой сжала пальцами.

Мужчина тихонько зашипел сквозь зубы. Я ополоснула руки в речке, достала из рюкзака туалетной бумаги, оторвала верхний слой и отдала ему, чтобы он вытер грудь и живот, еще кусок сложила в несколько слоев, облила водкой и приложила к ранке.

Пока я помогала ему надеть рубашку, он проворчал:

— Все время режешь меня... — и пьяно хихикнул.

Я отобрала у него бутылку, завинтила крышечку. Вымыла от крови и вручила ему маленький предмет, извлеченный из его тела.

Он, рассматривая, молча подбрасывал его на ладони, потом размахнулся, но я успела удержать его руку. Он удивленно воззрился на меня, потом до него дошло.

— Ты права, — признался он, хотя я и не произнесла ни слова.

Он тяжело поднялся, огляделся по сторонам, подобрал с земли коряжку, сунул маячок в щель, пропихнул его поглубже ножичком и пустил плыть по течению. Мы проводили взглядом этот кораблик, уносящий предательский предмет подальше от нас, потом собрали вещи, присыпали песком следы крови и отправились дальше вдоль берега. Костика шатало, пару раз он оступался и скатывался в воду, и вскоре стал похож на грязнущего бездомного пса. Я отобрала у него рюкзак, в который поместились его и моя куртки, пистолет, ножик и остатки водки. Потом мне пришлось и самой влезть ему под мышку, чтобы он мог опереться, и он навалился чуть не всем весом, но продолжал перебирать ногами.

Пот катился с меня градом, слепни кружились над нами, гудя, как вражеские истребители, заходящие на вираж. Идти было и так тяжело, а уж в обнимку с пьяным мокрым мужиком, у которого на каждом шагу ноги то подгибались, то заплетались, тем более. И я вскоре сдалась.

Выбрав удобное место под крутым бережком, я свалила с себя тяжкий пьяный груз, осевший на землю с невнятным мычанием. Наклонилась к нему поближе, чтобы попытаться разобрать, что он там пытается мне сказать, но услышала только могучий храп. Помахав перед своим лицом ладонью, чтобы разогнать мощный выхлоп паров спирта, я оставила его в покое, уселась рядышком на песочек и стала прикидывать наши шансы.

Шансы были, прямо скажем, не ахти. Вода есть, вот она, плещется возле моих ног. А вот с едой у нас туговато.

Я покосилась на рюкзак с драгоценным грузом — туалетной бумагой и прочими «мыльно-рыльными» принадлежностями, скрашивающими мне пребывание в этих совершенно лишенных благ цивилизации местах, воплощающих сплошную антисанитарию. Хорошо, что Костя его прихватил.

Нож, пистолет, бутылка водки...ну, четверть бутылки. Зажигалка...

Неплохо, решила я для себя, отодвигая на задний план соображения о том, что если уж он все это время опасался разжигать огонь, то и пистолетом для охоты вряд ли воспользуется.

А вот пусть у него голова болит, когда он проснется, — беспечно решила я и легла на землю рядом со спящим товарищем по лесным скитаниям, закинув руки за голову.

Мы проваландались на берегу до тех пор, пока Константин не начал трезветь и не

зашевелился у меня под боком. Долго лежать без дела на одном месте я не могла. Поэтому пока он дрых, я успела искупаться в речке. Одежку свою решила пока не стирать, несмотря на впитавшийся в каждую складочку моего джемпера запах пота и дыма.

Лето вдруг расщедрилось на жаркий и знойный август, но ночи уже были почти по-осеннему холодны. Под утро выпадала ледяная роса, и противный озноб пробирался под одежду так, что тело постепенно превращалось в кусок льда. Поэтому, понимая, что как только солнце склонится к горизонту, я неизбежно замерзну в мокрой одежде, которая, конечно же, не успеет высохнуть, я решила, что от грязной одежды еще никто не умер, а чистота никого не спасла ночного от холода.

Поэтому я бесцельно бродила по отмели по щиколотку в воде, распугивая мелких рыбок, выставив на солнышко вымокшие во время нашего бегства из лагеря ботинки и с превеликим трудом засучив до колен предельно узкие джинсы, когда тело на берегу наконец начало шевелиться. Костя с трудом сел, опираясь руками о землю, помотал головой и снова чуть не рухнул обратно.

Я остановилась, глядя на него с воды, и мои босые ступни приятно начали погружаться в зыбкое песчаное дно, а в щиколотки тыкались тут же окружившие меня мальки.

Константин попытался подняться, но ему удалось это только с третьей попытки. Наконец он встал, шатаясь и держась рукой за корни, выпирающие из крутого обрывистого бережка.

Глядя на меня мутным взглядом и покачиваясь, как королевская кобра перед броском, он, по-видимому, пытался вспомнить, кто я такая. А может, даже — кто он сам такой. Я ему вполне искренне посочувствовала.

Наконец, ему удалось навести резкость, он несколько раз глубоко вдохнул, видимо, справляясь с дурнотой, и сделал несколько неуверенных шагов по направлению ко мне.

Я уперла руки в боки и скомандовала:

— Штаны снимай!

Он остановился и вперил в меня бесконечно удивленный взгляд.

— А ты горячая штучка! — пьяно шепелявя, выговорил он и взялся за ремень.

— Я-то горячая. А вода мокрая. Штаны до ночи не высохнут. Лучше сними, если собираешься лезть в воду.

Мою тираду если и слышали, то только прозрачные голубые стрекозы. Но и они никак на нее не отозвались.

Костик попер в воду, как измученный жаждой буйвол. Бухнулся на четвереньки, обдав меня веером брызг, погрузил в воду голову, несколько раз встряхнулся, вылакал, жадно глотая, с полведра воды прямо из речки, потом и вовсе плашмя рухнул в воду. Расслабился и бревнышком поплыл лицом вниз, подхваченный течением. Я взяла его за шкуру, приподняла над водой, потом пару раз макнула, встряхнула. Он расфыркался, цепляясь за меня, встал на ноги и тут же, обняв меня, повис всем своим немалым весом, что-то пьяно бормоча.

«Все, плакала моя сухая одежда», — подумала я, поддерживая это мокрое чудовище и обтекая вместе с ним.

Что ж, зато он смыл с себя всю грязь, в которой успел изгваздаться, пока мы с ним удирали по кустам. А я теперь смело могу постирать одежду.

Я сняла с о своих плеч мокрые руки и выскользнула из-под Костика, который успел отравить своим перегаром весь воздух вокруг себя. Он рухнул обратно в воду, издав какое-то

неинтеллигентное мычание и подняв еще большую тучу брызг.

Я выстирала с мылом и прополоскала свою одежду, когда мой спутник прекратил прикидываться крокодилом и бегемотом одновременно и выполз на берег уже почти трезвый, вменяемый и даже посвежевший. Я заставила его стащить с себя и выстирать свои мокрые тряпки. Он послушался только наполовину: забрал у меня бутылку с жидким мылом, облился, растерся, не снимая рубахи, и снова полез в воду, взбив вокруг себя мыльную пену, которая поплыла вниз по течению, отравляя теперь еще и воду.

Я сидела гольшом на берегу, развесив одежки по кустам, с тоской представляя себе, как мы начнем мерзнуть уже через несколько часов, когда солнце сядет. Костю это, похоже, не волновало.

Он плюхнулся рядом со мной, вытирая рукавом мокрой рубахи мокрое лицо, благоухая мылом и источая непонятное мне веселье.

— Чему ты радуешься? — кисло спросила я, глядя на его ухмылочку.

Он ослабил еще больше, стянул, наконец, свою рубаху, отжал ее, расправил и ловко швырнул на куст так, что она повисла почти идеально для просушки. Я проводила ее взглядом и снова повернулась к нему:

— Ночью мы замерзнем...

— Не бойсь, не замерзнем, — бодро ответил он и стащил с себя мокрые джинсы.

Он всучил мне концы штанин и стал выкручивать, а затем попытался зашвырнуть на ветку и их. С ивы попадало все, что там висело.

Я вздохнула, поднялась с места и стала заново развешивать тряпки, стараясь разворачивать их к солнышку, чтобы они высохли как можно скорее. Константин, вольготно развалившись на песочке, хищно ловил каждое мое движение, прищурившись и жуя травинку.

Когда я опустилась рядом с ним на мокрый песок, он, не сводя с меня замороженного взгляда, притянул меня к себе, но я уперлась ладонью ему в грудь. Его влажная кожа была холодна, но уже через несколько мгновений под моей ладонью стало жарко. Вот кто у нас настоящая «горячая штучка»!

— А ты о чем-нибудь другом думать можешь? — грубовато спросила я, оборвав его порыв нежности или что он там пытался изобразить.

— О чем, например? — нисколько не смутился он и заломил бровь.

— Например, о том, где мы будем спать, что мы будем есть... Куда нам идти? — я попыталась высвободиться из его захвата, но он, с легкостью преодолев мое сопротивление, все-таки прижал меня к себе и зарылся лицом в мои растрепанные влажные волосы.

Я перестала трепыхаться, но не оставила попыток достучаться до его здравого смысла:

— Может, вернемся в лагерь? — придушенно спросила я ему в плечо.

Это сработало. Он перестал пощипывать губами мою шею, выпустил меня из своих цепких объятий, стал смотреть на речку, шурясь теперь от спящих солнечных зайчиков.

— Возвращаться нам нельзя, — задумчиво проговорил он и снова сунул в рот травинку.

— Почему? — я не спешила от него отстраняться, больше не опасаясь новых поползновений.

— Я бы на их месте устроил нам засаду. Нахрапом взять тепленькими у них не получилось, они не ожидали, что в этом месте окажется так много народу. И если они отслеживают маячок, то один, скорее всего отправился за ним следом, а второй сейчас сидит в кустах с биноклем и рассматривает все крепости. Если, конечно, он профи, и ему там еще

не навалили.

— Откуда ты знаешь?

Он обернулся ко мне с улыбкой, и я поразились, что такое, оказывается, тоже возможно: он не ухмылялся, не скалился, а именно улыбался.

— Я не знаю. Я прикидываю самые вероятные варианты. Есть хочешь?

Глава 10

*я выживания основы
усвоил раз и навсегда
всё что тебя не убивает
еда*

© H_N

Есть хотелось.

— У нас же ничего нет.

Он решительно поднялся, отряхнулся от песка и гордо выпятил грудь:

— Это же лес, детка! Здесь полно еды! Правда, в основном сырой.

Он снисходительно поглядывал на меня свысока, пока я растерянно оглядывалась в поисках еды. Потом хмыкнул, по-деловому подтянул трусы, выудил из рюкзака свой ножичек и ловко вскарабкался по обрыву, цепляясь за корни и стебли колючей травы.

— Никуда не уходи! — сказал он мне напоследок, взглянув вниз с края обрыва. И скрылся.

Я ждала его, как мне казалось, целую вечность. Солнце перемещалось, бросая на меня тень от кустов, и я переползала под его теплые лучи. Я то и дело проверяла, не высохла ли одежда. Увы. Спать нам сегодня предстояло в мокром.

Я не услышала шагов Константина, поэтому когда передо мной шмякнулась увесистая охапка какой-то травы, а следом за ней, словно огромная обезьяна в трусах и туфлях на босу ногу, спрыгнул с обрыва и он сам, я подпрыгнула, как ужаленная, и чуть не заорала. Мужчина был доволен, словно притащил с охоты по меньшей мере тушу мамонта.

Я с недоумением таращилась на зеленую добычу: широкие и длинные зеленые листья, из которых торчали только начавшие коричневеть камыши.

— Мы будем есть это? — я взяла в руки один кустище, попробовала запустить зубы в мягкую коричневую шишку. Рот моментально наполнился пухом, и пока я плевалась, Костя беззвучно ржал, зажав себе рот ладонью.

Я, отплевавшись, вытерла рот:

— Сам жри свои камыши! — и швырнула в него весь пучок.

Он поймал его на лету, одним движением отсек корневище и, выбросив зелень, стал обстругивать, как кочерыжку.

— И это не камыши, а рогоз, — поучительно проговорил он и протянул мне то, что осталось у него в руках.

На вкус эта штука тоже напоминала то ли капустную кочерыжку, то ли топинамбур. То ли сырую картофелину.

— Ничего. Свеженько так, — одобрила я и мигом сгрызла все, что у меня было.

Костя сидел на земле, стругал очередной корень, потом брал следующий и отправлял получившиеся огрызки то себе в рот, то мне.

Листья он сложил под кустом ивы, на котором была развешана наша одежда.

— Я там малинник нашел. Пошли десерт собирать. Ягод полно, — похрустывая последней «кочерыжкой», сказал Костя.

Из вещей, коорые к этому времени успели кое-как высохнуть, на мне были только трусы и лифчик. Я надела ботинки, вынула из рюкзака свою кожанку, накинула на себя и в таком экзотичном виде выразила готовность поглощать десерт.

Костя, снова нацепив на лицо свою фирменную ухмылочку, покивал, оценивая мой внешний вид, и снова, как обезьяна, вскарабкался по обрыву.

У меня получилось не так ловко.

Малинник был метрах в ста от берега. Ягод действительно было много, они были мелкие, сладкие и пахли так, что их можно было найти и с закрытыми глазами. Обирая один кустик за другим, стряхивая с себя паутину и комаров, нещадно расцарапывая голые ноги о кусты, мы набивали рты и поначалу молчали.

Потом, когда зверский голод унялся, и мы клали в рот уже по одной ягодке, я позвала негромко:

— Костя!

Он обернулся, перемазанный малиной, вопросительно дернул головой.

— Мне тут одна мысль покоя не дает.

Он замер, не донеся ягоду до рта, и я продолжила:

— Эта штучка у тебя в плече... Сколько лет она у тебя там сидела?

Он попытался скосить глаза, но ему трудно было увидеть ранку с запекшейся кровью возле самой шеи.

Он пожал плечами и закинул в рот малинку, потянулся за следующей.

— Это еще с тех времен, когда я служил. Нас забрасывали в горы, а потом отслеживали по этим маячкам.

— Это он столько лет работает? Там что, бесконечная батарейка?

— Нет, он вообще без батареек. Это просто какой-то чип. Черт, как же я о нем забыл-то? — он поскреб бороду.

— Выходит, ты забыл, а кто-то не забыл.

Он снова замер, уставился на меня диким взглядом...

— Данные об этом чипе были только у военных. Да и то уже лет пятнадцать как должны были гнить в архиве.

Я покивала, подстегивая его к дальнейшим размышлениям.

Он вылез из кустов, обошел их, добрался до меня, схватил за запястье и решительно поволок. Десерт закончился. Я запихала в рот все, что успела набрать в горсть, и засеменила за ним, обдирая голые ноги о колючие ветки и траву.

Мы спрыгнули с обрыва на берег, и он принялся сдергивать с кустов сохнущие шмотки. Мой джемперок был уже почти сухой, джинсы — влажные в швах и в поясе. Ну да ладно, что ж теперь. Одевшись, он собрал все вещи, снова помог мне взобраться на крутой берег, и мы двинулись вдоль реки.

Темп он снова взял марш-бросковый, видно, вспомнив свою армейскую молодость. Я за ним еле поспевала, но вопросов больше пока не задавала. Мне было не до разговоров, я берегла дыхание, зная, что просить его шагать помедленнее бесполезно.

Подумать только: еще каких-то пару-тройку часов назад он трупом валялся на берегу, дыша перегаром, и вот уже ломится по бездорожью сквозь лес, как молодой лось во время весеннего гона.

Мы шагали так до наступления сумерек. Он совсем не давал мне передышек. Когда я выдыхалась и начинала от него отставать, он возвращался ко мне, брал меня на буксир и тащил за собой.

Я потеряла направление нашего движения. Солнце закатилось за деревья, и я старалась хотя бы запомнить, в какую именно сторону. По моим прикидкам выходило, что идем мы на север. Однако, шагая сквозь лес, трудно придерживаться строго одного направления. По каким-то признакам мой проводник время от времени все же находил правильный вектор, и мы снова возвращались на нужный курс. Какое-то время путь наш лежал вдоль речки, но русло ее было извилисто, и мы то выходили к ее берегу, то снова от него удалялись. Джинсы почти высохли на мне. Во время движения я так разогрелась, что даже сгущающиеся сумерки и накатывающая волнами прохлада не приносили облегчения и свежести.

Я догнала Костю и попросила воды.

Он остановился, достал полторашку, наполненную речной водой, протянул мне. Я жадно вылебала сколько в меня полезло, пуская две струйки по подбородку, капая водой себе на грудь. Наконец, я напилась и вернула ему баллон, тяжело дыша. Он пил медленно, смакуя каждый глоток, и совсем не казался запыхавшимся, в отличие от меня. Я с завистью смотрела, как он неторопливо опрокидывает бутылку, довольно отдувается, не спеша вытирает капли воды с бороды и усов. Он оценил мое состояние: лицо покраснелось, волосы растрепались, пыхчу, как паровоз.

— Ладно, — смилостивился он, — привал. Будем искать место для ночлега.

Сунул бутылку с остатками воды в рюкзак и зашагал, не оглядываясь, видимо, уверенный в том, что на последний рывок сил у меня точно хватит.

С ночлегом он, прямо скажем, не заморачивался.

Мы вышли снова к реке, от которой так все это время и не удалялись на большое расстояние; не спускаясь к воде, нашли место под толстой сосной, на возвышении, выковыряли и разбросали по сторонам шишки. Нацепили каждый свою куртку, сунули рюкзаки под головы. Помня о том, какая я мерзлячка, Костя распахнул свою куртку и позвал меня к себе за пазуху, куда я быстренько приползла, прижавшись к его груди и чувствуя его тепло сквозь ткань рубахи. Накрыв меня своей ручищей и позволив спрятать нос в самое теплое место под его курткой, он какое-то время вздрагивал всем телом, засыпая, а потом отрубился и не просыпался даже от моей возни. Везет человеку. Днем выдряхся, и сейчас спит то ли богатырским сном, то ли сном младенца.

Я маялась. Мне было неудобно, жестко, колко, спина мерзла, а нос, согревшись, начал просить свежего воздуха. Я возилась, ерзала, ноги гудели, поясница ныла, мышцы подрагивали. Зубы не почистила, к воде меня Костя не пустил. Хорошо хоть в кустики разрешил удалиться, снова напомнив, чтобы я тщательно попрятала «следы».

И снова хотелось есть.

Я смотрела, как колышутся черные силуэты сосновых верхушек на фоне ночного неба, и слушала ветер. Ночные птицы своими криками то и дело разрывали то, что с большим трудом можно было назвать ночной тишиной. Лес вокруг нас был наполнен шорохами, стрекотанием цикад, писком комаров. Костиным храпом.

Я вздохнула и, отказавшись от попыток заставить себя спать, несмотря на усталость, позволила мыслям в моей голове водить свои дурацкие хороводы.

Я как-то не задавалась вопросом о том, кто мог начать на Костю охоту. Мало ли кому он

мог перейти дорогу, занимаясь своей антигуманной и противозаконной деятельностью. В первую очередь, конечно, приходили на ум именно правоохранительные органы. И я видела, как Костя ловко «слинял» от транспортной полиции на той остановке, где мы сошли с поезда с толпой ролевиков-реконструкторов. Или это просто совпадение? Ушел набрать водички, обнаруживая при этом знание местности... С другой стороны, он не так уж и прятался, когда покупал билеты на электричку до поселка, где расположена Левинская дача... А если бы его объявили в розыск, то, наверное, ориентировку получили бы все подразделения полиции. И шерстили бы каждый поезд, и вряд ли нам удалось бы затеряться даже в той огромной толпе молодежи. Тогда кто? Его партнеры или конкуренты? Кто-то из тех, кто пострадал от его диверсий?

Я не могла ответить себе на эти вопросы, а задавать их Косте боялась. Не хотелось мне почему-то больше знать о его делишках. Меньше будешь знать — крепче будешь спать...

Ага. Что-то не работала в моем случае эта поговорка.

Я снова вздохнула и попыталась перевернуться на другой бок, чтобы согреть спину.

Левин наверняка знал о том, кто должен был нас разыскивать. Значит, это кто-то из тех, кто вместе с ними обстрепывал их темные делишки. Значит, причиной их размолвки наверняка стал тот взрыв и... я. Взрыв произошел, но людей пострадало мало. Это их так расстроило? Или то, что мне удалось выжить? Как же не вовремя мне отшибло память!

А интересно, куда мы идем? Ведь не просто же так он без карты, без компаса упорно тащит меня на север? Местность ему явно знакома.

Я не представляла, как можно точно знать, куда идешь, не видя перед собой никаких ориентиров, кроме речки, то и дело исчезающей из поля зрения.

— Жень! — сердито сказал мне Костя в самое ухо.

Я чуть не подскочила от неожиданности.

— Что? — шепотом спросила я, переведя дух.

— Что-что. Хватит ерзать! Спи давай!

— Не могу, — пожаловалась я шепотом.

— Почему? — он и не думал понижать голос.

— Потому что мне холодно. И жестко. И я есть хочу.

Он обнял меня покрепче и пробубнил мне в шею:

— Спи. Утром поедем.

Теплее мне не стало. Голод тоже не унялся.

— Куда мы идем? — хоть любопытство удовлетворю...

— Мы не идем. Мы спим!

— Но мы же куда-то шли? И дальше пойдём? Куда? Или мы просто премся, не разбирая дороги?

— Давай завтра поговорим, а?

Я притихла, еще несколько раз вздохнув.

— Тебе что, колыбельную спеть? — раздраженно спросил Костя.

— Давай, — пискнула я, не особенно веря, что он споет, и что на поможет мне заснуть.

Но он запел. Это было так неожиданно — услышать от него «Баю-баюшки-баю!» посреди ночного леса, бесконечно усталым и очень тихим голосом, в ритме его собственного дыхания, и поэтому с паузами в тех местах, где ему вздумалось делать вдох.

«Не ложися... на краю.

Придет сере... нкий волчок...

И... ухватит... за бочок...»

Его голос с сонной хрипотцой завораживал, бархатно обволакивал и странным образом успокаивал. Он пел, не кривляясь и не ерничая, и от этого на моем лице сама собой возникла улыбка, которую мне не от кого было прятать и которую никто, кроме меня, не заметил. А на шее и скулах от уха до подбородка появилось приятное щекотание, как будто кто-то водит туда-сюда невидимым перышком. Я замерла, боясь спугнуть это волшебное ощущение и удивляясь тому, что я вообще что-то чувствую.

«Баю-баю... шки-баю», — мужчина пел все медленнее, голос его, набравший еще больше переливчатых бархатных модуляций, звучал все тише, и я гадала, закончит он куплет или заснет на середине.

«Баю Жене... чку мо... ю,

Малень... кую... дето... чку,

Сладку... ю кон... фето... чку» — допел он и задышал ровно и глубоко, забыв закрыть рот и переходя на храп.

А я, закрыв глаза, снова и снова прокручивала в голове всю песенку, со всеми паузами-вдохами, тоже входя в этот сонный ритм и воспринимая неожиданную мягкость интонаций этого малоразговорчивого сурового человека, не сильно обремененного моральными принципами, почти как физическую ласку. Так и заснула.

Нас разбудил утренний туман, наполненный горьковатым озоном, запахом сосен и близкой реки. Солнце только поднималось, еще невидимое из-за деревьев, но уже подсветившее нежно-розовым длинные плоские облака.

Отсыревшие, то и дело передергивая плечами от бодрящей утренней свежести, мы поднялись, больше похожие на зомби, чем на людей, сбегали в кусты и к речке на утренние процедуры, наполнили бутылку прозрачной речной водой и снова продолжили путь в уже привычном темпе спортивной ходьбы.

— Ты обещал рассказать, куда мы идем, — напомнила я, догнав широко шагающего мужчину и вцепившись, чтобы не отстать, в его руку.

Он, очнувшись от задумчивости, сбавил-таки темп, поскреб бороду и ответил, покосившись на меня:

— Есть два варианта, и я еще не решил, какой выбрать.

И замолчал.

— Ну? — я подергала его за руку, чтобы он продолжал. — Озвучь оба, может, я помогу выбрать.

— Первый — это землянка моего дядьки-егеря, к северу отсюда.

— Он что, там живет?

— Нет, уже давно не живет. Нигде. Его убили браконьеры.

— Извини...

Он не обратил внимания.

— А второй — это мой дом в заброшенной деревне, еще дальше, тоже на север.

— В заброшенной?

— Ага.

— А дом тоже заброшенный?

— Ну, с виду не отличается от остальных.

— А внутри отличается?

Он не ответил, глянул искоса со своим вечным прищуром.

— А долго идти? — я не собиралась сдаваться.

— Ну, если не спеша, вот как мы сейчас идем, то через пару-тройку дней доберемся.

— Это, по-твоему, «не спеша»?

— Мы сейчас отойдем подальше...

— Подальше от чего? От лагеря?

— От этой речки. Пойдем прямо на север, а она повернет на северо-восток. Надо воды, кстати, набрать.

— Наберем. А дальше что? Повернем на север... И?

— Пройдем без остановок до следующей речки. Там сделаем привал, найдем чего-нибудь перекусить, отдохнем. И дальше, на север.

— Угу, — угрюмо вякнула я, рисуя себе радужные перспективы наших ближайших дней.

— А почему ты меня вчера к речке не пустил?

— На речке нас проще всего обнаружить.

— Как? Со спутника?

Он бросил быстрый взгляд вверх, в уже довольно светлое небо, пожал плечами:

— Да запросто. Если это военные... Но это вряд ли. Уж не такая я крупная рыбина, чтобы начинать на меня охоту такого уровня.

— Но кому-то же ты все-таки понадобился?

— Возможно, кому-то из тех, кто имел доступ к архивам с записями о моем чипе.

— Значит, мы все-таки сбили их со следа?

— Надеюсь, что да. Временно. Но если они узнают направление нашего движения, то могут заранее нас подстергать. Например, на ближайшей станции на железнодорожной ветке. И на следующей станции. На речке могут нас ждать. Потому что они думают, что мы вряд ли далеко уйдем от воды. Ну, я бы на их месте так нас и искал.

— Поэтому мы и костер не жжем? — насупилась я.

Он помолчал, высвободил свою руку и неожиданно обнял меня за плечи:

— Дойдем до другой реки, разведем огонь. Обещаю.

Переход был ужасный. Как мы ни экономили воду в пути, полутора литров на двоих нам было мало. Помогали ягоды, которые мы собирали, не отклоняясь от нашего маршрута. Я жадно набивала рот малиной, черникой, брусникой и костяникой, радуясь передышкам.

Ноги я стерла в кровь. Сев отдыхать во время очередного привала, я скинула свои полуботинки и рассматривала свои распухшие покрасневшие грязные пальцы. На некоторых были волдыри.

Костя подсел ко мне, осмотрел мои ноги, покачал головой, но ничего не сказал. Зато пошел помедленнее.

Потом мы вышли на просеку, сильно заросшую травой. Я скинула ботинки, перекинула их через плечо, связав шнурками, и пошла босиком. Стало значительно легче.

День был солнечный и жаркий, над нами то и дело кружили слепни размером с шершня, норовили прокусить ткань одежды.

Костик меня удивил. Когда мы сделали очередной привал, чтобы дать отдых ногам, он выудил из недр своего рюкзака последнюю банку тушенки.

— Вот он, черный-пречерный день! — заявил он, орудуя ножом.

Он вскрыл банку, как всегда, оставляя рваные зазубрины, отогнул крышечку, искрошил и перемешал острием ножа содержимое и отдал мне.

Жадно выжрав свою долю и оставив мужчине чуть больше, чем съела сама (все-таки, он в полтора раза меня крупнее!), я вернула ему банку и облизывая пальцы, смотрела, как он ест с ножа.

На десерт он достал бутылку с остатками водки. Открутил крышечку, протянул мне.

Я, недоверчиво косясь, взяла бутылку, сделала большой глоток и чуть не подавилась. Но заставила себя проглотить теплую мерзость и потом долго мотала головой, жмурясь, чтобы стряхнуть наворачнувшиеся слезы.

— Фффууу! — только и смогла я произнести, когда ко мне вернулась способность издавать членораздельные звуки.

Мой спутник усмехнулся и тоже отпил. Снова протянул бутылку мне.

Я в ужасе замотала головой, но он велел выпить.

— Давай-давай. Считай, что это лекарство! Во рту долго не держи, глотай и сразу выдыхай, — учил он.

Я зажмурилась, глотнула и выдохнула.

— Воооот, умничка! — довольно протянул он и отобрал у меня бутылку.

Я вспомнила, как вчера он выхлестал полбутылки этой гадости, и меня передернуло. Пф! Лекарство!

Картинка у меня перед глазами сразу же поплыла. Если я смотрела в одну точку, все было нормально. Но если я резко поворачивала голову, то картинка менялась с некоторым запозданием, сдвигалась, делаясь смазанной, а потом с запозданием прояснялась. Я еще немного поэкспериментировала, а потом заметила, что улыбаюсь. И что Константин, наблюдая за мной, тоже улыбается.

Банку из-под тушенки он сполоснул тоже водкой. Побултыхал ее там с остатками мяса и жира и вылил в рот. Меня чуть не вырвало. Он закрыл и убрал в рюкзак бутылку с последними глотками спиртного и, к моему удивлению, убрал туда же и бережно вылизанную и прикрытую жестяной крышечкой банку из-под тушенки.

— Может, просто закопаешь?

— Нееет, — он хитро прищурился с довольным выражением лица, — пригодится!

Он помог мне подняться, и я обнаружила, что меня слегка пошатывает. Он тоже это заметил, поэтому дальше повел меня за руку.

Идти стало намного легче. Видимо, сил прибавилось. Да и стертые ноги, шагающие теперь босиком по мягкой траве и песку, после небольшой передышки не так саднили.

К вечеру мы вышли на берег речки. Просека, которая нас к ней вывела, к тому моменту превратившаяся в наезженную грунтовую дорогу, в которой ноги погружались в песок по щиколотку, ныряла прямо в нее безо всякого предупреждения. И выныривала уже на том берегу. Брод был примерно по пояс. Ездили по этой дороге, судя по следам огромных шин, только здоровенные лесовозы-вездеходы. И, судя по следам, ездили нечасто.

Мы разделись до пояса (снизу) и воспользовались бродом, но перед этим, преодолевая желание налакаться прямо из речки, наполнили нашу пустую полторашку и наконец-то залили свежей речной водой свою жажду. Потом Костя сразу же свернул с дороги и повел меня вдоль берега. Только когда мы прошли еще несколько километров, он выбрал для ночевки уютное местечко, со всех сторон окруженное ивами. Это был небольшой песчаный пляж, на котором росла редкая жесткая трава. К воде можно было подойти, только обойдя кругом целую стену кустов.

Костя швырнул на песок свой рюкзак, и я шлепнулась рядом с ним, со стоном

растянулась прямо на песке. Костя молча стащил с себя потную рубашу, отправился бродить по кустам и вскоре приволок к месту нашего будущего ночлега несколько совершенно сухих коряг, выбеленных солнцем.

Он стал разгребать песок и вскоре вырыл довольно глубокую продолговатую ямину, больше похожую на могилу. Сложил туда коряги и поджег. Они занялись сразу, прозрачное бездымное пламя загудело, вырываясь из щелей между бревнышек.

Когда я нашла в себе силы подняться с песка и подползти к огню, Костя опять куда-то исчез. Я сидела неподвижно, смотрела в огонь, который по мере сгущения сумерек становился все ярче, и гадала, где он сейчас бродит и что делает.

Он появился совсем не с той стороны, откуда я его ждала, и принес с собой какие-то палочки. Молча сел рядом со мной, достал ножик и начал их выстругивать. Я молча наблюдала, как он заточил один конец и выстругал небольшую выемку в середине первой палочки. Взглянул за вторую: сделал косой срез на конце на манер отвертки или стамески, и еще одну зарубочку посередине. На третьей палочке он тоже сделал небольшой заступ и плоский клин на конце. Время от времени он брал в руки все три палочки, примеривался, прикладывая их одну к другой. В конце концов он сложил какую-то нехитрую конструкцию, напоминающую цифру «4», упирая клинья палок в заступы и прижав срединные зарубки одна к другой.

— Что это?

— Давилка.

— Как? Кого ты хочешь этим давить? Муравьев?

Он фыркнул.

— Я там у воды большую корягу нашел. Бревно!

Я продолжала таращиться на него, не понимая, к чему он ведет.

— А там вокруг следы ондатр.

До меня начало доходить.

— А это — ловушка?

Он торжествующе хлопнул меня по плечу:

— Из тебя выйдет настоящий охотник!

— Из меня выйдет только приманка, — скептически хмыкнула я. — Или еда.

— Тоже неплохо, — усмехнулся он, рывком поднялся с земли, не опираясь руками, и унес всю конструкцию, оставив мне только стружки и огрызки палочек, которые я аккуратно собрала и бросила в костер.

Коряги горели медленно, отдавая много жара и оставляя переливающиеся всеми оттенками красного и багрового угли, подернутые каким-то странным оранжевым пеплом, пахнущим ивовой горечью.

Я сдвинула бревнышки так, чтобы не обгоревшие части тоже попали в кострище, и огонь полыхнул ярче, давая в сгустившихся сумерках больше света и тепла.

Я сидела на остывающем песке, скрестив ноги, как восточный султан, и подперев руками голову, и завороченно смотрела на пляшущие язычки пламени, когда услышала позади себя в кустах шевеление. Потом все стихло, и я осторожно, не делая резких движений, повернулась на звук. В кустах в отсветах пламени я заметила Костю, который напряженно смотрел на меня и делал мне знаки не шевелиться и молчать.

Я замерла, как статуя, и только потом увидела всего в полутора метрах от себя змею. Змея не шевелилась, ее черная голова была повернута в мою сторону, и огоньки от костра

отражались в черных, агатово блестящих глазах. В почти наступившей темноте мне было трудно разглядеть узор ее чешуи, но то, что возле головы не было желтых или оранжевых пятен, — это я могла сказать точно. Это не уж!

Змея подтянула к себе гибкий хвост, и теперь трудно было бы определить, какой она длины.

Я даже дышать перестала. И неизвестно, сколько бы длилась еще наша немая сцена, но Костя вдруг сделал резкое движение, и все мгновенно изменилось: что-то рассекло воздух и тяжело врезалось в землю, змея начала бешено извиваться на одном месте, а я отпрыгнула в сторону, перекатилась и пружинисто замерла на четвереньках, упершись руками в землю, готовая выхватить из костра горящую дубину и начать крушить ею все, что движется возле меня.

Однако все тут же и закончилось. Костя вышел из кустов и бесстрашно подошел к змее, которая уже еле двигалась. Не вынимая ножа из земли, он одним точным движением отсек ей голову и придавил к земле все еще шевелящееся тело.

Я перевела дух.

— Хорошая реакция! — похвалил Костя, подхватывая с земли тело убитой змеи и усаживаясь с ним возле костра на то место, где я только что сидела. — А приманка из тебя и правда хорошая, — улыбнулся он и поднял вверх змеиное туловище.

Я все еще была не в состоянии разделить его веселье. Сердце колотилось, я с трудом заставила себя спокойно сесть рядом с ним.

Я с удивлением наблюдала, как он, орудуя своим ножиком, сделал неглубокий надрез, подцепил кончиком ножа и, прижав большим пальцем к лезвию, отслоил шкуру и содрал ее, как чулок. Отшвырнул в пламя, она затрещала, и запахло сначала жареным, а потом — горелым. Змеиную тушу он с самым серьезным видом всучил мне. Я не посмела ему отказать и, преодолевая брезгливость, держала ее на вытянутых руках подальше от себя. А он снова вскочил на ноги и ушел к воде. Мне было слышно только как он негромко плещет водой, споласкивая руки и нож.

Вернулся он с охапкой каких-то листьев.

Он аккуратно положил их мне на колени, залез в рюкзак и выудил оттуда консервную банку. Я хотела было возмутиться, что меня используют как подставку и заваливают листьями и змеями, но решила дальше понаблюдать за его бурной деятельностью.

Он выложил дно и стенки пустой жестянки из-под тушенки принесенными листьями, наконец-то забрал у меня из рук змею и, заставив меня крепко держать банку, уложил туда тушку змеи свернув ее кольцами, накрыв оставшимися листьями и прижав сверху жестяной крышкой. Чтобы она не открывалась, он чуть смял край банки.

— Вот и все, — тоном фокусника произнес он после того, как разгреб угли и сунул банку со змеей на дно ямы, присыпал песком, пеплом и углями и снова уселся рядом со мной. — Жаль, соли нет. Но и так будет вкусно, вот увидишь.

Я сглотнула набежавшую слюну.

— Ты уже такое ел?

— Да, в детстве.

— Кто тебя научил? Дядька-егерь?

— Он. — Костя улыбнулся в темноте. — И батя. Он тоже был лесник.

— Его тоже убили? — с осторожностью спросила я.

— Нет, — спокойно ответил мужчина, глядя в огонь, — он в бане угорел.

Я не знала, как выразить ему свое сочувствие. Я даже не была уверена, что способна его испытывать. Но на всякий случай погладила его по голому плечу. Он накрыл мою руку своей и долго не выпускал, глядя в огонь, не двигаясь и не произнося ни слова.

А потом внезапно поднялся, не выпуская моей руки, поставил меня на ноги и поцеловал в губы.

Он запустил пальцы мне в волосы и крепко прижал меня за талию, ожидая сопротивления и не встречая его. Вот интересно, внезапно подумала я, если попробовать его оттолкнуть, отпустит он меня или нет? Я уперлась обеими ладонями ему в грудь и слегка отстранилась. Костик сразу же выпустил меня и замер, заглядывая мне в глаза и пытаясь разгадать мою реакцию. Он терпеливо ждал, опустив руки, не делая больше никаких движений, как будто боялся спугнуть. Сердце его билось так, что было видно даже, как подрагивают мои руки, по-прежнему лежащие на его груди.

Он закрыл глаза и чуть откинул голову, дыша приоткрытым ртом.

Я приподнялась на цыпочки и прижалась губами к его шее, в том месте, где пульсировала жилка. Мои руки скользнули по его спине, покрытой шрамами, и сомкнулись на пояснице. Теперь он стоял, подняв к небу лицо, позволяя мне изучать и узнавать его губами и руками и иногда вздрагивая от моих прикосновений.

Он был разный. Шея теплая, спина и руки выше локтя — прохладные. Уши и кончик носа — холодные, губы — горячие...

Он открыл глаза и снова обнял меня, прижал к себе и начал целовать, щекоча и покалывая своей бородой, уже не боясь, что я его оттолкну...

Спустя примерно полчаса Костя палкой выудил из почти погасшего костра банку, почерневшую и покрытую кое-где радужными разводами. Поставил на землю остужаться. Сам в это время палкой разровнял угли в яме, сдвинув навстречу друг другу и оставив догорать последние несгоревшие части коряг. Новых веток подкидывать он не стал.

Он надавил на бока банки, и крышка отскочила со звонким щелчком. Подцепив ножом тушку змеи, он выковырял ее из банки, всю облепленную сварившимися листочками, подержал на весу, чтобы она быстрее остыла, потом разделил пополам и стал есть свою часть, обгрызая ее, как початок кукурузы, причмокивая и показывая мне глазами и бровями, как это вкусно.

Я осторожно попробовала. Это было похоже на длинную-предлинную куриную шею: много мелких костей замысловатой формы и узкие волокна мяса, на вкус тоже напоминающие курицу и рыбу одновременно.

Стараясь не вспоминать, как еще недавно она извивалась всего в нескольких шагах от меня, я сгрызла все, что могла прожевать и проглотить, а остатки змеи Костя закопал в самые жаркие угли.

Спать мы легли на том самом кострище, которое он забросал толстым слоем песка. И это была первая ночь, когда я почти совсем не замерзла: снизу шла такая мощная волна жара, что я даже куртку надевать не стала. А Костя не накинул даже своей холщовой рубахи с каймой.

— Спой мне снова ту песенку, — попросила я.

Он хохотнул и спел мне своим хриловатым голосом «Баю-баюшки-баю», правда, теперь она звучала как обычная песенка, в привычном ритме... И, хотя про «конфеточку» он пропустил, я все равно чмокнула его в щеку, прежде чем заснуть у него под боком, по-

хозяйски закинув на него ногу и обхватив попереk груди.

Глава 11

жывых видать в деревне нету

сказал вполголоса тарас

и избы страшно покосились

на нас

© Vo_One

Утром Костя принес из кустов дохлую ондатру. Сказал, что попалась в его самолов-давилку. Я не стала уточнять, была ли она еще жива, когда он ее нашел. Он велел мне отвернуться и начал разделывать. Я и не подумала отвести взгляда и смотрела на то, как он снимает шкурку и разделывает тушку. Он увидел, что я смотрю, и усмехнулся, мол, дело твое.

Тушку он сложил в воду и придавил камнем прямо к песчаному дну, чтобы не унесло течением и не склевали рыбы. А сам разгреб нашу теплую «постель» до самых углей. Осторожно разворошил верхний слой и, поведив над ними рукой, обнаружил еще не погасшие подернутые пеплом и присыпанные песком угольки. Натащив сухих веток, сложив их горкой над самым теплым местом, он осторожно подул. Из-под маленького сухого шалашика сначала разлетелись пепел и песок, потом пошел дымок, а с третьего вдоха вспыхнул и огонек. Довольный Костя, протирая запорошенные глаза, послал меня за сухими толстыми ветками, наказав, чтобы я далеко не отходила, а сам, к моему удивлению, отправился купаться.

Я побродила вокруг, нашла пару сухих ивовых коряг на большом песчаном «пляже», притащила их к костру.

Костя, только вылезший из воды, нагреб углей, наложил принесенных мной веток, наломав их о колено, и снова ушел к воде.

Я, не видя надобности следить за костром, который и без меня отлично горел, последовала за ним, прихватив свою зубную щетку и пасту.

Костя плескался и фыркал, как конь, и звал меня присоединиться. Ночь была теплой (местами даже жаркой), и день, судя по легкой утренней дымке, обещал отнюдь не августовский зной, и я, подумав, приняла любезное Костино приглашение. Вода в этой речке была намного теплее, чем в той, которую мы оставили позади. Мой спутник объяснил, что в ней меньше ледяных ключей. И течение слабее.

Накупавшись, он вылез из воды, коротко встряхнул головой, как пес, выловил мясо из воды и понес к костру.

Я, желая быть полезной и не зная, чем помочь, предложила свои свободные рабочие руки, и он послал меня наломать крепких ивовых прутьев для шашлыка. Я наломала целый ворох разнокалиберных палок, из которых он выбрал и заточил несколько самых крепких. Надел на них, как на шампуры, кусочки мяса, воткнул одним концом глубоко в песок, разровнял и подгреб угли так, чтобы нависающее над ними мясо равномерно прожаривалось. Я сидела и глотала слюни. И если честно, готова была сожрать эти куски сырьем, не дожидаясь красивой поджаренной корочки.

Костя послал меня самостоятельно добыть и выстругать корешки рогоза, и я, чтобы отвлечься от созерцания жарящегося мяса и голодного сглатывания, бросилась исполнять поручение.

Добытые мной свежеструганные корешки мы на этот раз тоже слегка запекли на палочках, и они оказались вполне себе изысканным гарниром к нашему основному мясному блюду. Я даже смирилась с отсутствием соли и специй. Костя, правда, смачно похрумкивая и тыкая палочкой куда-то себе за плечо, невнятно намекнул на какую-то пряную травку, которую я могла бы пойти и поискать в лесу. Но я, уплетая свой завтрак и жалея, что не будет добавки, пренебрежительно взмахнула своей палочкой в том смысле, что мне и так сойдет.

Все следы нашего пребывания на этом пляжике, с которым я уже почти сроднилась, мы тщательно сожгли и закопали. Консервная банка больше не годилась для повторного использования, ее мы зарыли прямо в горячих углях, которые сверху закидали песком и заровняли. А вот стеклянную бутылку из-под водки наполнили речной водой, завинтили крышечку и бережно сунули в рюкзак рядом с пластиковой полторашкой, тоже заботливо заполненной.

Переход, как сказал Костя, тоже будет довольно долгий, но к вечеру мы должны выйти к его землянке и там заночевать. А уж потом отправиться в очередной марш-бросок до деревни. Я вздохнула, обернула стертые пальцы листьями мать-и-мачехи (подорожник больше бы подошел, но его поблизости не нашлось) и отправилась вслед за мужчиной, который без сожаления, ни разу не оглянувшись, покинул это уютное местечко.

В этот раз он не гнал, шли мы, можно сказать, не спеша, делали привалы. Он порывался осмотреть мои ноги, но я, не чувствуя особого дискомфорта и не желая лишний раз тревожить зеленые «портянки», сок от которых намертво въелся в носки, убедила его, что пока все в порядке, и я могу продолжать путь.

Он долго всматривался в меня, наверное, решая для себя, насколько сильно я преуменьшаю собственные страдания, но, я сделала, как могла, максимально беспечное лицо и, надеюсь, убедила. Он ободряюще похлопал меня по коленке и кивком «разрешил» идти дальше.

Несколько раз над нами пролетали вертолеты. Или один и тот же. Я тревожно посматривала на реакцию моего спутника, но он оставался спокоен, объяснив мне, что это дежурный противопожарный облет. Сейчас, когда уже пару месяцев в лесу стоит сушь, велика опасность лесных пожаров. Случается, что от попадания молнии загораются деревья, грозя верховыми пожарами, самыми страшными, быстро распространяющимися со скоростью ветра. А бывает, что самовозгораются торфяники. Горят, или, вернее, тлеют, долго, медленно, бывает, что на несколько метров в глубину. Провалиться в такой тлеющий торфяник тоже было бы весьма неприятно.

Мы пересекали совершенно заросшие травой просеки, по которым, вероятно, всего пару раз в год проезжали лесовозы или лесничие на каком-нибудь древнем «УАЗике».

Но вскоре нам попалась вполне приличная дорога.

К моему удивлению, Костя пошел лесной чащей параллельно ей, оставив ее в зоне видимости. Шагая за ним по непролазному подлеску, я задавалась вопросом, почему бы нам хоть какое-то время не идти по удобной дороге, до тех пор, пока впереди не показался высоченный бетонный забор. Костя сразу же забрал еще больше в сторонку и обошел его по такой широкой дуге, что я не выдержала, догнала его и прицепилась с расспросами.

Оказалось, что это вполне себе действующая военная часть.

— На туристических картах, — нехотя сообщил он, — такие места не обозначены вообще никак. Якобы пустое место в лесу, куда ведут несколько дорог. Ну, со спутника еще можно разглядеть парочку строений... Это если знать, куда смотреть, и приблизить так, чтобы видеть тень от каждой елки.

— А что будет, если они нас заметят?

— Ну, если у нас хватит ума не соваться к ним через забор и не перелезть через колючую проволоку, то ничего нам не будет.

Военная часть, как оказалось, была для него ориентиром, что мы на верном пути. После нее Костя уверенно вывел меня на очередную просеку, по которой мы и пошли, заметно увеличив темп ходьбы.

На одном из привалов он, оставив меня отдыхать и охранять рюкзак, как обычно, растворился в лесу, и я, как ни старалась различить меж деревьев мелькание его светлой рубахи, вскоре потеряла его из виду. Я решила не терять время даром и, пристроив рюкзак под голову, слегка вздремнула. И, конечно же, проморгала его возвращение. Встрепенулась я уже тогда, когда он, по пояс голый, потрепал меня по плечу и показал узелок из своей рубашки, который он бережно держал на весу в вытянутой руке.

Когда он аккуратно развернул его у себя на коленях, оказалось, что там у него целая куча зеленых лесных орешков.

Достав свой неизменный нож, он аккуратно снял с орешка зеленую «обертку», которую он обозвал плюской, раздавил мягкую белую скорлупу пальцами и выколупал оттуда белоснежное содержимое. Я как могла помогала ему лущить орешки, и только потом мы все разделили и схрумкали нежные и мягкие молочные зернышки.

Мало ему, наверное, такому здоровому лбу, этих орешков, даже мой голод этим не утолить. Но это лучше, чем совсем ничего, тут я была с ним согласна.

К вечеру он, как и обещал, вывел меня к землянке.

Даже выйдя на полянку, я не сразу ее разглядела, пока он не ткнул меня носом в небольшое углубление в корнях дерева. В этот раз первым в дыру в земле полез он. Я не спускалась, пока он меня не позвал.

Извиваясь, как змея, я спустилась в лаз ногами вперед, присела на корточки и наощупь двинулась вперед на четвереньках. Костя чиркнул зажигалкой, и я увидела, что он, стоя на коленях, уже отодвинул в сторону массивную деревянную заслонку с прибитыми к ней по обе стороны дверными ручками. Он погасил зажигалку и нырнул в темноту, открывшуюся за заслонкой. Я снова наощупь двинулась за ним, проползла мимо прислоненной к стенке лаза заслонке, ощупывая ее руками и стараясь не уронить, и ткнулась лбом в его спину. Он отполз куда-то в сторону, а я осталась сидеть неподвижно, пытаюсь разглядеть хоть что-то в кромешной тьме и слыша, как Константин где-то рядом со мной пыхтит и возится, что-то ощупывает, что-то роняет. Наконец, он снова чиркнул зажигалкой и зажег толстую оплывшую свечу в старом, давно потерявшем прозрачность граненом стакане, облепленном потеками воска.

Я огляделась. Это была настоящая берлога. Бревенчатый потолок, закопченный за много десятков лет дочерна, был сделан, прямо скажем, довольно невысоко. Костя, стоя на коленях, еще и пригибал голову, чтобы не стукаться макушкой. Окон не было. Зато в самой дальней стене, подпертой сложенными друг на друга булыжниками, был вырыт очаг. А над ним сквозь землю на поверхность выходила ржавая железная труба. Пахло здесь землей и

грибами, но по мере нашего пребывания небольшой сквознячок, прошедшийся от самого входа и до трубы-отдушины, довольно скоро выветрил почти все посторонние запахи. А может, я просто быстро притерпелась.

Слева от входа в землянку всю стену занимал топчан: несколько бревен лежали прямо на полу. Поверх них наложены несколько досок, на которые были накиданы ветхие древние тряпки, служившие хозяевам то ли подстилкой, то ли одеялом. С другой стороны от входа в стену были вделаны несколько полок, самая нижняя из которых, больше остальных выдающаяся из стены, служила, по-видимому, столом. На ней-то и стоял стакан со свечой.

— Миленько тут, — оценила я, — а поесть ничего не заныкано?

— Поесть ничего, — хозяин берлоги с сожалением мотнул головой и плавным движением переместил свой зад на топчан. — Щас я маленько отдохну и пойду сеть поставлю.

Он откинулся на топчан и вытянулся там со стоном облегчения. Мы и правда прошли достаточно долгий и тяжелый путь, и я чувствовала себя вымотанной. Наверное, и он тоже, хоть и бодрился и виду не показывал.

Я последовала его примеру и пристроилась с краю у него под боком. Пока я возилась, вытаскивая куртку из рюкзака и приспособивая ее себе вместо подушки, Костя уже был в отключке. Я дунула на свечу, устроилась как могла поудобнее и тоже провалилась в сон.

Проснулись мы в полной темноте. Я чувствовала себя, как в могиле, хотя и ощущала носом струйку свежего воздуха. Долго лежала во тьме неподвижно, слушая дыхание спящего рядом мужчины и гадая, который теперь час там, на поверхности земли. Скорее всего, ночь, решила я. Или раннее утро. Организм настойчиво напомнил мне, что какое бы ни было сейчас время, пора выбираться на свет божий. Пусть даже это будет свет звезд и луны. Я осторожно села, скинув с себя тяжеленную Костину руку, он тоже проснулся и сел, треснувшись макушкой о потолок и сдавленно ойкнув.

Я наощупь стала пробираться к выходу и услышала позади себя Костино бормотание — он выбирался вслед за мной.

Снаружи была ночь. Прохладная, свежая, уже очень глубокая. Задрав голову, я увидела в просвет между соснами звезды и росчерк метеора. Желание загадать не успела, но оно напомнило о себе само. Я, приплясывая, сиганула в ближайшие кусты. Услышала, как из берлоги выбрался мой сосед, прислушался к окружающему миру и направился в противоположную от меня сторону.

Потом мы долго стояли возле норы, всматриваясь в лес. Мне просто не хотелось лезть под землю, а он, похоже, решал в уме непростую задачку, что нам делать дальше.

Наконец он сунул руки в карманы штанов и решительно повернулся ко мне.

— Слушай, я тут подумал, — нерешительно начал он...

— Нет, — отрезала я. — ты неправильно подумал. — Я тут одна не останусь и без тебя тоже никуда не пойду.

Он поскреб щеку.

— Ну просто там у меня тайник, а я...

— А ты мне не доверяешь. Понимаю. Я отвернусь, копайся в своем тайнике сколько хочешь. Но мы пойдем туда вместе.

Он молчал.

— Я все равно без тебя отсюда не выберусь, а потом... если что... я ведь даже не найду

это место! Ни землянку эту, ни речку...

— Туда идти долго и трудно. Подожди меня здесь. Я заберу патроны, деньги и документы. И вернусь сразу же за тобой. Потом мы пойдем в город.

— В какой?

— В ближайший.

— А потом? Что будет со мной?

— Ничего. Когда придет время, ты сама решишь, оставаться тебе со мной или уйти.

Я помолчала, обдумывая перспективы.

— Ладно. Пойду сеть поставлю.

— Тут что, речка поблизости?

— Озеро.

— Тебе помочь?

Он скептически глянул на меня, на небо.

— Да нет, спасибо, лучше не надо. Сам справлюсь. Холодно, замерзнешь.

— Я пойду с тобой, — упрямо заявила я.

Он усмехнулся:

— Да, я уже понял...

Он нырнул под землю, я стояла возле входа, обхватив себя руками.

— Куртку мою прихвати! — гаркнула я в нору. Оттуда слышалась невнятная возня, бормотание. Минут через пять вылез Костя. Швырнул мне мою куртку, вылез сам, держа в руках увесистый спутанный клубок.

Когда мы вышли к озеру, которое оказалось минутах в пяти ходьбы от землянки, небо уже заметно посветлело. Тропы к озеру не было. Берег был заболочен. Он сел на твердую землю, размотал сеть, долго с ней возился, что-то распутывая, разрезая и снова связывая леску. Я сидела рядом, молча помогала, когда он просил что-то подержать, натянуть, теперь повыше, теперь немного на себя...

Потом он разделся до трусов, аккуратно сгреб сеть и пошел с ней в воду. Сначала он брел по болоту, увязая в илистом дне, потом дошел до чистой воды, где ему было по грудь, там возился и тихонько плескался возле кустов, иногда погружаясь в воду с головой. Потом прошелся до других кустов, натягивая сеть, и я заметила возле кустов на поверхности воды небольшие поплавки.

Потом он вылез, сел на землю рядом со мной. Долго сидел, не вытираясь, мелко дрожа, пока не высохли капли воды на покрытой мурашками коже.

— Чего не одеваешься? — спросила я, протягивая ему рубаху.

Он взял ее у меня из рук, вытер лицо и вернул мне.

— Скоро обратно лезть...

Он сунул в рот травинку, откинулся на траву, опираясь на локти, скрестил длинные ноги. Как будто не на болоте довольно холодной ночью, а на морском берегу.

Облака на небе порозовели, сверчки и птицы стали петь громче, над озером поплыл туман. Зеркальная гладь воды сморщилась и пошла кругами, когда поплавки начали поочередно отплясывать.

Костя лениво поднялся и не спеша побрел в воду. Спустя минут пять возни и плесков он выскочил на берег, держа за жабры увесистую рыбину, сверкнувшую крупной чешуей в свете отраженной от облаков утренней зари.

Уху мы сварили в землянке на очаге. В куче бесценного хлама на полках нашелся

котелок и банка с солью. Уха, приправленная целым ворохом каких-то корешков и травок, показалась мне умопомрачительно вкусной, и я впервые за много дней наелась до отвала.

Сразу же после этого Костя собрался в путь.

Я была непреклонна в своем решении сопровождать его до деревни, но согласилась остаться там, где он мне скажет, и ждать, пока он в гордом одиночестве сходит к своему тайнику.

До деревни мы добрались часа за два. Солнце уже поднялось над верхушками сосен, и я, сбросив куртку, тащила ее на плече. Костя распотрошил свой рюкзак, вытряхнув из него все вещи на топчан в берлоге, и шагал теперь налегке, оставив в своем опустевшем рюкзаке только пластиковую бутылку с водой.

Он оставил меня в кустах на краю леса. Оттуда просматривалась практически вся деревня, но непонятно было, в каком именно из полуразрушенных домов он скрылся. Я как-то не особенно этим и интересовалась. Я устроилась поудобнее и стала ждать, когда он появится в поле зрения.

Дома в этой деревне были похожи один на другой: серые, полуразрушенные, без стекол, с провалившимися крышами. Во всей деревне не осталось ни одного целого забора, между домами все заросло молодыми деревцами.

Я не сразу обратила внимание на нарастающий шум мотора. А когда обратила, то застыла на месте, не в состоянии пошевелиться и придумать что-то путное.

К деревне откуда-то со стороны подъехал бежевый микроавтобус. Остановился у самого дальнего от меня дома, и я заметила у него спереди две широкие вертикальные зеленые полосы. Оттуда вышли два одетых в черное человека, и я внутренне съежилась и замерла. Однако они вели себя как-то странно: то ли спорили о чем-то, то ли ругались. Один махал руками, показывая на один из полуразрушенных домов.

Тысячи вопросов моментально возникли в моей голове, и некому было на них ответить. Это за нами? За Костей? Но как они узнали, что он именно сейчас он будет в этой заброшенной деревне? Мы могли задержаться еще на день-два. Они решили устроить тут засаду? Как предупредить Костю и не выдать себя?

Я, напрягала глаза, стараясь не упустить ни единого движения тех двоих, грызла костяшки пальцев. Пришельцы еще немного постояли, уперев руки в боки, и я, рассмотрев их, поняла, что они одеты в какую-то униформу и поверх — в толстые черные жилеты. Они посоветовались, потом один из них, продолжая махать руками и в чем-то убеждать второго, залез в машину и вытащил из нее здоровенную черную сумку.

Вдруг тот, что стоял на стрёме, насторожился, потом ринулся к машине и выскочил оттуда с автоматом наперевес. Я зажала себе рот обеими руками, чтобы не вскрикнуть. Привлекать к себе внимание мне было ни к чему, а Костя... Заметил ли он чужаков?

Костя не показывался, и я по-прежнему не догадывалась, в каком доме он скрывался. Черт, как же его предупредить?

От судорожного поиска правильного решения меня отвлекли сухие автоматные выстрелы. Две трескучие очереди. Я едва не сорвалась с места. Чужаки с двух сторон, прижимаясь к стенам соседних домов, подобрались к дому, где, очевидно, прятался Костя, один из них поднял руку, и они по команде ворвались в дом. Раздалась еще одна автоматная очередь, самая длинная.

У меня в глазах потемнело. Сквозь черно-красную пелену и ярко-зеленые бесформенные пятна, пляшущие перед глазами, я увидела, как двое одетых в черное чужаков

спокойно вышли из дома, вернулись к брошенной сумке. Один из них подхватил ее с земли и уволок в один из ближайших к машине домов. Вышел он оттуда почти сразу, уже с пустыми руками. Незнакомцы еще немного посовещались возле машины, уперев руки в боки и осматриваясь вокруг, потом оба запрыгнули в автомобиль. Взревел мотор, и микроавтобус, прокрутив колесами на месте, рванулся прочь в ту же сторону, откуда приехал. Я усела заметить на его боках по широкой зеленой полосе.

Как только чужаки уехали, я, не потратив ни одной секунды на то, чтобы убедиться, что они действительно скрылись из виду и больше не вернутся, сорвалась с места и припустила по пригорочку к тому дому, где была стрельба.

Я приблизилась к развалинам строения и сбавила ход, прислушиваясь и стараясь не споткнуться о доски и кирпичи, скрывающиеся в высокой траве, которой зарос весь двор. Осторожно заглянула в дом. В полумраке трудно было что-то разглядеть. Ни мебели, ни обрывков, ни обломков. Лишь трава и кусты, проросшие сквозь щели в полу. Каждое мое движение вздымало облачко пыли, которой уже и так немало мельтешило в воздухе в проникающих в окна лучах света. Каждый шорох в этом пустом доме отзывался на моих натянутых нервах, подобно выстрелам, которые все еще звучали эхом в моей голове. Дойдя до середины большой комнаты, я замерла и прислушалась, надеясь услышать посторонние звуки. Тишина.

— Костя! — позвала я, не особо надеясь услышать ответ.

Звук моего голоса замер в этом пустом, много лет назад покинутом жилище, приглушенный и как будто искаженный, чужой.

— Костя, — позвала я громче, — ты где?

Я дошла до маленькой комнатки, в которой сохранились останки кровати с драной панцирной сеткой. Кровать, судя по следам пыли, была сдвинута, в самом углу, где она перед этим стояла, я заметила в полу щели. Закрытый подпол!

Уже не особенно заботясь о соблюдении тишины и конспирации, я бросилась к деревянному люку и попыталась его отколупнуть. Ручки не было, и не знаю, чем Костя подцеплял эту крышку, может, ножом. Я попыталась сунуть пальцы в щель. Нет, так не получится. Щель узкая, крышка тяжелая, не сдвинешь. Я огляделась в поисках подходящего предмета. На глаза попался только погнутый гвоздь. Сунув его в щель, я попыталась надавить на него, как на рычаг. Крышка чуть сдвинулась. Тогда я подцепила ее край шляпкой гвоздя и потянула вверх. После нескольких попыток мне удалось сунуть в щель пальцы, и я наконец отбросила люк в сторону, подняв тучу пыли и такой грохот, что меня, наверное, должны были услышать в даже в уехавшем автомобиле. Я секунду прислушивалась, вжав голову в плечи, потом осторожно заглянула в провал. Ни лестницы, ведущей вниз, ни скоб в стене. И ни черта не видать. Когда я, продолжая всматриваться, свесившись вниз, все же различила какой-то предмет на земляном полу, то снова похолодела и чуть не рухнула в дыру.

Это была неподвижная человеческая рука.

Я села, свесив ноги, и, придерживаясь руками за края подпола, спрыгнула вниз, в очередное темное подземелье.

Костя, окровавленный и неподвижный, лежал ничком, отвернув от меня лицо.

Глава 12

*скажите доктор люди правду
про свет в тоннеле говорят
а щас мы спросим очевидца
разряд*

© Каркас

Я осторожно приблизилась к неподвижно распростертому на земле телу, опустилась на колени, приложила руку к шее, но, так ничего и не поняв, прижалась ухом к спине.

Мне пришлось пережить самые долгие несколько секунд в своей жизни и пару раз переместить ухо, прежде чем я услышала, как еле-еле, совсем тихо, бьется его сердце.

Я приказала себе: «Без паники!» и осмотрела бесчувственного Костю, пытаюсь определить, откуда кровь. Мне пришлось перевернуть его на спину. Сквозная рана в плече чуть ниже ключицы, той самой, которую я недавно ковыряла ножиком, еще одна дыра в предплечье, и оттуда больше всего натекло крови. Глубокая рана на голове. Но, похоже, не от пули, а скорее всего, от падения. Возле краев ссадины набух здоровенный синяк.

Сначала надо было остановить кровь. Света было мало, я все делала практически наощупь. Обшарила карманы Костиных брюк, нашла нож. Откромсала подол его же рубахи, первым делом туго обмотала руку. Прodelав ножиком дыру в ткани, с треском отодрала еще одну ленту, чтобы завязать и рану на ключице. Повязка получилась так себе, толком ее зафиксировать не удалось. Мне бы бинт.

Я осмотрела подпол. Костя, видимо, уже собирался на выход, когда его каким-то образом заметили пришлые: ничего мало-мальски ценного в этом месте не оставалось. Возле стены я увидела валяющуюся лестницу, и у меня немного отлегло от сердца. Значит, у нас есть шанс выбраться наверх. Возле лестницы валялся рюкзак, который показался мне тяжеленным, а рядом на полу — Костин пистолет. Я убрала его в рюкзак и заодно пошарила там внутри: несколько целлофановых оберток, перетянутых резинками. Видимо, деньги и документы. Коробка с патронами. Еще один пистолет. Бутылка с водой, которую он прихватил из землянки. Нет чтобы хотя бы аптечку здесь держать... Но вряд ли он мог ожидать, что его подстрелят в этом погребке.

Я поднялась на ноги и прошлась вдоль стен, шаря по всем уцелевшим полкам. Обнаружила пакет с запасом длинных стеариновых свечей. Отлично, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Берем весь пакет.

Сунула свечи в рюкзак вдобавок к Костиным ценностям, за которыми он так рвался сюда. Больше в этом погребке не нашлось ничего интересного. Ни аптечки, ни запаса лекарств.

Я вернулась к лежащему на земляном полу Косте. Поискала пульс на шее, послушала дыхание. Осторожно приподняла его голову, пощупала края раны. Кажется, кости черепа целы.

— Костя, — пропыхтела я, с трудом приподнимая его так, чтобы не тревожить простреленное плечо. — Давай, приходи уже в себя, чертов ты неженка! Надо выбираться

отсюда.

Мне показалось, что веки его дрогнули, губы шевельнулись, чтобы что-то сказать. Я крепче обхватила его и еще немного приподняла. Он был чертовски тяжел и все время норовил выскользнуть.

— Костя, слышишь меня? Ну, давай, просыпайся! — я теребила его, трясла и похлопывала по щеке. — Нам нужно уйти отсюда. Мы сейчас выберемся из этой дыры, дойдем до землянки и там отдохнем. Слышишь? А сейчас давай, шевели своей задницей. Костя! Ну же, давай, очнись!

Я хорошенько встряхнула его, и он вдруг дернулся, выгнулся дугой, вырвался из моих рук, перекатился по полу лицом вниз, и его вырвало.

Я снова повернула его к себе лицом, он застонал и открыл глаза. Взгляд его блуждал, ни на чем не сосредотачиваясь. Он снова сомкнул веки и обмяк, но я не собиралась так просто от него отстать. Продолжая прижимать к себе его голову, я одной рукой дотянулась до его рюкзака, вынула оттуда полторашку с водой и, чуть отвернув зубами крышечку, сдавливая пластиковые бока, вылила тонкую струйку воды ему на лицо, смывая кровь и рвоту.

Он задышал глубже, выдавил из себя едва слышный стон и снова открыл глаза. Взгляд его слегка прояснился, сосредоточился на мне, потом на пятне света у нас над головами.

— Молодец, — ободряюще улыбнулась я, испытав невероятное облегчение, — нам туда. И это еще не тот свет в конце тоннеля, и ты пока что тут, со мной. Так что хватит разлеживаться. Вставай!

Я помогла ему сесть и, когда убедилась, что он больше не собирается снова заваливаться в какой-нибудь обморок, оставила его на время в покое и занялась лестницей. Она была деревянная и трухлявая, и я очень сильно сомневалась, что она выдержит нас обоих. Но другого выхода у нас не было. Я взвалила на себя Костин рюкзак, просунув руки в обе петли и затянув все лямки, чтобы он не мешал и не сковывал мои движения. Я чуть не надорвалась, пока помогала этому увальню подняться на ноги, и, подпирая его плечом под здоровую руку, подвела его к лестнице, поставила его ногу на гнилую нижнюю перекладину и рывком, сдавленно рыча сквозь зубы, мы преодолели первый шаг вверх. Перекладина выдержала, и я, вцепившись в лестницу одной рукой и другой обнимая талию мужчины, не давая ему сползти или рухнуть обратно, целую вечность отдыхала и набиралась сил для следующего шага. Перед глазами плясали яркие искорки, но светлее от них вокруг не становилось. Скорее наоборот.

Отдышавшись, я потянулась к следующей ступени, подперла Костю плечом и почувствовала, что стало немного легче: он тоже схватился за лестницу и сам занес ногу на следующую перекладину.

— Давай, на раз... два! Тррррри!

Вторая ступень, на которой уместились мы оба, угрожающе скрипела, и я поспешно выскользнула из-под руки Константина и вскарабкалась на следующую перекладину, повернулась к лестнице спиной и уселась на ступеньку, не выпуская из рук Костиной рубахи, чтобы он не вздумал сверзиться. Потом снова потянула его за здоровую руку на себя, а сама, упираясь ногами и свободной рукой, пересела еще на ступеньку выше. Рюкзак за моей спиной цеплялся за все что мог и невероятно мне мешал. Костя обвис на лестнице всем телом, ноги его подогнулись, голова ткнулась мне в колени, и я чуть не слетела со своего насеста, пытаясь его удержать.

— Костя! — сквозь зубы выдавила я, обливаясь потом, держа его за шкурку и пытаюсь

снова спуститься к нему на ступеньку ниже и взвалить его на себя. — Костик, миленький, соберись, осталось совсем немножечко.

Он с трудом поднял голову, сфокусировал на мне мутный взгляд, снова опустил лицо, но потом напрягся всем телом, обхватил меня здоровой рукой за шею и, помогая себе раненой рукой, до этого висящей плетью, шагнул сразу на ступеньку вверх, потом еще на одну. И опять навалился на меня, тяжело дыша.

Я отдыхала перед следующим рывком, придавленная к лестнице неподъемной тушей Константина, который, уткнувшись головой в мое плечо, по-прежнему держась за мою шею, тоже пытался справиться с силами.

— Ну, готов? — пропыхтела я ему в затылок, когда у меня немного восстановилось дыхание и унялось сердцебиение.

Он слабо пошевелился, и я приняла это за согласие продолжать. Моя голова уже находилась на уровне пола, и мне оставалось еще пара рывков, чтобы оставить лестницу и вылезти из этого осточертевшего погреба. Вот только как мне при этом не уронить моего компаньона обратно вниз...

Костя снова зашевелился, приподнял голову, выпустил мое плечо, взялся за перекладину, подтянулся еще на ступеньку, и я, видя, что он не собирается падать, отцепила, наконец, мешающий рюкзак и вышвырнула его из погреба наверх. Стало значительно легче и удобнее. Я вылезла на край люка и села, свесив ноги. В этот момент лестница решила, что с нее хватит, и угрожающе хрустнула, несмотря на то, что теперь на нее приходился вес только одного человека. Я уперлась ногой в противоположный край дыры и, свесившись, снова вцепилась в Костину рубашу, надеясь, что хотя бы ткань выдержит, не порвется. Лага хрустела и подавалась все больше, и Костя, оценив шаткость своего положения (в буквальном смысле), сделал еще одно усилие и с мучительным стоном навалился грудью на край дыры. Я перекатилась по пыльному полу, вскочила на ноги, обошла яму и помогла ему вылезти на поверхность. Он лежал на полу лицом вниз и дышал так, словно преодолел не пару метров вверх по деревянной лестнице, а стометровку за восемь с половиной секунд. Над лопаткой и на предплечье снова выступила кровь, пропитала повязку.

На обратную дорогу мы потратили весь оставшийся день. Я пыталась запомнить путь, но не была уверена, что смогла бы найти эту заброшенную деревню без помощи Кости. Всю дорогу я тащила на себе его самого и рюкзак. То и дело поправляя у себя на плечах руку опирающегося на меня всем своим весом Константина, голова которого болталась из стороны в сторону, а ноги время от времени подгибались, я пыхтела, как паровоз, обливалась потом и сама с трудом могла поверить в то, что этот крупный и сильный мужчина только утром вышагивал передо мной с такой энергией, что я за ним еле поспевала.

Он кивком головы указывал мне, куда идти, но я не была уверена, что он способен соображать, и что мы идем правильно и когда-нибудь доберемся до землянки.

Но когда мы все-таки вышли на знакомую полянку, где в корнях сосны я наконец увидела лаз под землю, я вздохнула с облегчением и первым делом сбросила рюкзак. Костя, выпустив мое плечо, с трудом удержался от того, чтобы не рухнуть с высоты своего роста, и заставил себя плавно опуститься рядом со входом в берлогу. Он сполз под землю, как мешок с камнями. Я залезла следом, таща за собой драгоценный рюкзак, и к тому времени, когда я сумела нашарить в полной темноте зажигалку и стакан со свечой, он уже со стоном вытянулся на топчане, не позаботившись о том, чтобы сунуть под голову хотя бы ветошь.

Я перевела дух, сидя прямо на земле и глядя на неподвижно лежащего передо мной раненого мужчину. Лицо его было перемазано грязью и кровью, рану на голове следовало хотя бы промыть. Я сняла с полки котелок с остатками вчерашней ухи, под села к Косте на топчан и, пристроив его голову у себя на коленях, влила ему в рот несколько ложечек оставшегося прозрачного бульона. Он застонал, но проглотил. Кусочки рыбы и зелень, которые надо было жевать, я доела сама. Освободив котелок, выбралась наружу и отправилась к озеру. Мне пришлось разуться и шлепать по колено в воде и иле, чтобы добраться до чистой воды.

На обратном пути я надрала крапивы и сунула ее в котел с водой. Потом мне пришлось сделать еще несколько вылазок, чтобы набрать веток. В землянке я развела огонь в очаге и вскипятила воду вместе с крапивой.

В этой то ли норе, то ли нашей будущей братской могиле я хорошенько обшарила полки и обнаружила много полезных в хозяйстве вещей: миску и черную изнутри и снаружи железную кружку. Я пошкрябала ее ногтем и увидела оставшийся на поверхности светлый след. Пришлось плеснуть из котла водички и почистить кружку изнутри землей. Когда она побелела, я сполоснула ее, налила в нее немного крапивного отвара и снова залезла к Косте на топчан. Я уговорила его выпить горьковатой темной жидкости, которая должна была помочь остановить кровь, потом этим же отваром промыла ему раны и привязала к ним свои драгоценные впитывающие прокладки, купленные в магазине с «кукыми палками», которые я берегла всю дорогу, и которые один раз мне уже сильно облегчили нелегкую женскую долю. Костя, скосив глаза, с недоумением разглядывал, что я делаю, а когда до него дошло, что именно я применила в качестве повязки, издал громкий страдальческий стон.

— Если бы кто-нибудь из нас догадался купить хотя бы захудалый бинтик, ты бы сейчас выглядел, как заправский киногерой, а не... — я неопределенно помахала перед собой руками, не зная, какое слово подобрать для той жалкой и в то же время комичной картины, которую представлял собой мой пациент.

Глубокую рану на голове, чуть выше виска, тоже пришлось обработать и перевязать, отодрав от подола многострадальной рубахи еще один лоскут. Только после этого я задула свечу и пристроилась рядом со здоровой рукой под боком Константина, укрыв раненого его же курткой. И отключилась сразу же, как только приняла горизонтальное положение.

Когда я проснулась по зову природы, Костя все еще спал, не изменив свою позу ни на сантиметр, и я первым делом приложилась ухом к его груди и убедилась, что он все еще дышит, и сердце бьется. Облегченно выдохнув, я сбегала, точнее, сползала на поверхность по своим делам, убедившись, что уже раннее утро, и на «улице» светло и свежо. А когда вернулась в землянку и зажгла свечу, обнаружила, что Костя уже проснулся и сел по-турецки на своем топчане, сгорбившись, чтобы не биться больной головой о бревна потолка.

Выглядел он неважно: бледный и перекошенный, с затуманенными потемневшими глазами, заросший щетиной; он был похож на пьяного бродягу, которого переехал трактор.

Я протянула ему полкружки остывшего крапивного «чайку», и он молча выпил, сперва сунув в кружку нос, шумно понюхав и затем одобрительно качнув головой.

Он протянул мне здоровую руку, и я помогла ему выкарабкаться из землянки, а потом, отвернувшись, снова служила ему подпоркой, пока он, шатаясь, делал свои дела.

Мы вернулись к землянке, и он, прежде чем туда залезть, постоял немного, выпрямившись, опираясь на мое плечо и молча глядя мне в лицо сверху вниз.

Я тоже долго смотрела на него, догадываясь, какие слова он пытается подобрать, чтобы высказать мне их вслух, а потом проворчала:

— Раны у тебя не смертельные, так что моей заслуги в том, что ты будешь продолжать коптить воздух, нет. Можешь не благодарить.

Он усмехнулся и поцеловал меня в губы.

— Говорю же, не благодарить, — проворчала я, когда он оторвался.

— Как скажешь, — он вымученно улыбнулся, показав красивые ровные зубы, и я в очередной раз поразились тому, как улыбка преображает его суровое и мрачное лицо. Наверное, если бы он чаще улыбался, бабы на него вешались гроздьями.

Он вернулся на свой топчан, сунул под голову свой рюкзак, укрылся курткой по самый подбородок и съехал на боку, поджав колени и бережно устроив под курткой больную руку.

Я натащила в землянку и подбросила на угли толстых сучьев, чтобы в землянке стало теплее, еще кучу веток и палок сложила возле очага, чтобы он мог сам подбросить, когда проснется, взяла котелок и отправилась на озеро.

Мне пришлось полностью раздеться и силком заставить себя войти в ледяную воду, чтобы добраться до Костиной сети. Когда я добрела до поплавок, мне показалось, что в ячейках застряла крупная рыба. И чтобы ее оттуда добыть, пришлось с головой погрузиться под воду и открыть там глаза. Я чуть не упустила скользкую рыбку и чуть не задохнулась, пока мне удалось схватить ее обеими руками, и я, гоня перед собой волну, рванула к берегу. На топком берегу рыбе удалось выскользнуть из рук, и она немного попрыгала по мелководью и побилась, поднимая тучу брызг, но снова была схвачена и от греха подальше засунута в котелок с водой.

Так я ее и дотащила до землянки и оставила на полке рядом со свечой.

От огарка почти ничего не осталось, фитиль плавал в прозрачном воске и вскоре должен был погаснуть. Ну и пусть. Хозяин этой берлоги должен ориентироваться тут лучше, чем я.

Стараясь не разбудить страдальца, я осторожно перегнулась через него, забрала свой рюкзак, выложила из него свои пожитки.

Я вылезла из землянки и немного постояла в задумчивости, проверяя свою решимость исполнить мой собственный план.

Потом все же кивнула сама себе и отправилась в путь.

Я совсем не была уверена, что правильно запомнила дорогу, и что смогу без провожатого вернуться обратно. Но упорно шла. И вышла в точности к тем кустам, где Костя меня оставил на моем наблюдательном посту.

Деревня снова выглядела опустевшей и заброшенной, но я на всякий случай осторожничала и пригибалась при каждом шорохе. Кузнечики и цикады замолкали при моем приближении и снова начинали стрекотать хором, как только я удалялась на метр или два. Сердце мое ухало, едва не заглушая это хоровое исполнение, когда я приблизилась сначала к Костиному тайнику, осмотрела место происшествия и убедилась, что на полу хоть и остались следы в слое пыли, но по крайней мере кровью мы умудрились его не измазать. Я закрыла крышку люка и пинками вернула железный остов кровати на место, стараясь не касаться его руками. Обойдя дом кругом, я заметила кучку стреляных гильз. Такие же гильзы остались лежать и внутри дома, и я не стала их трогать и поспешила удалиться, стараясь не

оставлять следов на земле. Примятая мной трава встанет уже через несколько часов после моего ухода. Если, конечно, мне удастся выполнить то, что я задумала, и уйти.

Покинув дом, где была Костина «нычка», я напрямик направилась к тому дому, где устроили свой схрон те двое типов. Я подбиралась к нему осторожно, боясь услышать шум мотора или сразу получить очередь в ничем не защищенную грудь или спину. Дойдя до дома, я долго прислушивалась и присматривалась, заглядывала в окна с сохранившимися кое-где осколками стекла и поборола искушение вынуть один самый большой и зажать в руке для самообороны, надеясь, что мне все-таки повезет.

В доме никого не было. Убедившись в этом, я, поколебавшись, все же вошла внутрь, не переставая осматриваться по сторонам и прислушиваться.

Я ожидала, что те двое типов, которые ранили Костю, тоже спрячут свою поклажу в подпол. Но черная сумка лежала в дальнем углу прямо на полу, накрытая только серым от старости дырявым полиэтиленом. Странно. Я вытащила сумку на середину комнаты, куда доставал солнечный свет, расстегнула «молнию» и увидела внутри то, что и ожидала: пачки денег, перехваченные бумажными лентами.

Я не считая натолкала их себе в рюкзак, закрыла сумку, задвинула ее обратно под полиэтилен и, продолжая посматривать по сторонам, выскользнула из дома и направилась обратно в землянку, которую, к своему немалому удивлению, без труда отыскала.

Когда я пришла, в землянке было темно, но я слышала дыхание спящего мужчины. Огонь в очаге тоже погас. Я набросала туда веток и подула, надеясь, что в кострище еще оставались горячие угольки. Увы. Пришлось снова искать впотьмах зажигалку. Когда мне таки удалось затеплить сначала маленький огонек, а потом он вспыхнул и осветил внутренности подземного жилища, я отодвинулась от очага и мельком взглянула на топчан; первое, что я увидела — это направленное мне в лицо дуло пистолета.

Я перевела взгляд на колючие глаза, отражающие пламя очага.

— Ты чего? — я замерла, прикидывая, мог ли Костя так сильно шибануться головой, что теперь своих не узнает.

— Где была?

Значит, узнает. Просто подозрительный. Чего он, интересно, испугался?

— Там.

Я не стала уточнять, где именно, но он, похоже, прекрасно меня понял.

— Зачем?

— Кое-что проверила, кое-что забрала.

— Забрала? Откуда? Из тайника?

— Из тайника я сразу забрала все, что там было. Свечи. И то, что ты в рюкзак напихал. Больше там ничего интересного не осталось.

— Тогда что...

Я дотянулась до своего рюкзака, оставленного возле входа, подтянула его к себе. Костино лицо напряглось, между изогнутых бровей залегла вертикальная морщинка. Ствол пистолета дернулся. Я снова замерла, осторожно протянула ему рюкзак, предлагая самому посмотреть.

Он с опаской взял, расстегнул, не сводя с меня пристального взгляда, вытряхнул содержимое рядом с собой на топчан.

Я наблюдала, как меняется выражение его лица. С подозрительного оно сменилось на

недоверчивое, потом он криво улыбнулся одним уголком рта и изогнул одну бровь.

— Что это? — он ткнул дулом пистолета в кучу бумаги и больше не наставлял на меня оружие. Я незаметно перевела дух.

— А на что похоже? — я пожалала плечами.

— Где взяла?

— У соседей, — усмехнулась я.

Он упер руки в боки и вопросительно воззрился на меня, ожидая объяснений.

— Ты хоть знаешь, кто тебя подстрелил?

Он отрицательно качнул головой, продолжая сверлить меня взглядом.

— А я видела. Двое типов приехали на бежевой машине с зелеными полосками, выгрузили сумки с этим, — я кивнула головой на деньги, — в одном из домов. Потом услышали тебя, пошли, постреляли, потом догрузили остатки, немножко поругались и уехали. Номера машины я не разглядела. Какой-то микроавтобус.

Костя потрясенно молчал, слушая мой доклад, потом сложил все пачки обратно в мой рюкзак, сел и поскреб бороду.

Я тем временем по-хозяйски залезла в Костин рюкзак и достала оттуда запас свечей, запалила одну от костерка и поставила в стакан с воском. Сунула нос в котелок и обнаружила там еще теплую уху, которой с удовольствием занялась, дрожа от голода.

— А чего ты вздумал в меня вдруг пистолетом тыкать? — спросила я, проглотив очередную ложку вкусной ухи и прожевав рыбу.

Он коротко улыбнулся, чуть поджав губы, и спрятал пистолет у себя в изголовье.

— Ну, я не сразу разглядел, что это ты... А потом подождал еще немного и убедился, что ты пришла одна... И... В общем, извини.

Я пожалала плечами и продолжила хлебать уху прямо из котелка.

Покончив с едой, я попила воды из полторашки и, заставив Костю подвинуться, приползла к нему под бок, уютно пристроив голову на его здоровом плече.

Он как ни в чем не бывало обнял меня, дружески потрепав по спине, чмокнул в макушку.

— Спасибо за уху, — проговорила я, чувствуя, что вот-вот засну, несмотря на то, что до ночи еще вроде бы далеко.

— Это тебе спасибо... за все, — даже не видя его лица, я чувствовала, что он улыбается.

— Обращайся, — сонно пробормотала я, завершая обмен любезностями, и закрыв глаза, уже проваливаясь в сон, услышала тихое: «Баю-баюшки-баю...», от которого слегка потеплело на душе.

Глава 13

*никто не выжил после взрыва
лишь в луже пепла и слюды
мы обнаружили смешные
следы*

© Вороныч

Костя отлеживался несколько дней. На улицу по нужде он выползал сам, сходил со мной проверить сеть, правда, в воду лазила я. Достала две рыбины, и мы запекли их целиком на углях.

Жара спала после сильной грозы, которая бушевала всю ночь. Я даже вылезла наружу, накрыть отдушину над очагом, чтобы ее не заливало потоками воды. Постояла под ливнем, любуясь отсветами молний и слушая раскаты грома и дождь. Я слышала каждую каплю, все капли, которые падали рядом со мной и далеко от меня на листья, траву, ветки деревьев и землю. Шум от этих капель сливался в одну молчаливую песню, и если стоять и слушать, закрыв глаза, то можно было различить подобие мелодии под аккомпанемент грома. Когда я вернулась в землянку, совершенно промокшая, Костя странно на меня посмотрел. Не спрашивая, что я там, снаружи, делала так долго, он подвинулся, приглашая меня к себе под теплый бок и куртку.

После грозы я ходила за грибами. Притащила ему целый рюкзак, однако половину из моих трофеев он забраковал и велел вышвырнуть.

Каждый день я осматривала его раны. К моему огромному удивлению, они не загноились и выглядели вполне удовлетворительно, учитывая, что зашивать мне было нечем. Первые несколько дней Костя старался поменьше двигаться и шевелить рукой, потом его движения стали увереннее, голова перестала кружиться при каждом резком движении. Я пришла к выводу, что кризис миновал. Но все еще не решалась заговорить с ним о том, что произошло в деревне. Он сам заговорил со мной.

— Черт его знает, откуда они взялись.

Я сразу поняла, о ком шла речь, села рядом с ним на жесткой лежанке, поджав ноги и глядя на пламя свечи.

— Я же тебе рассказывала: подъехали на автомобиле...

— Я не о том, — поморщившись, отмахнулся он. — Откуда они вообще взялись и зачем прикатили в эту деревню. Судя по тому, что ты видела, это были инкассаторы. И что-то мне подсказывает, что они грабанули то ли банк, то ли собственную машину. И теперь скрываются. А нычку устроили здесь, как и я, потому что этой деревни нет уже ни на одной карте.

— А ты сам откуда о ней знаешь?

— Тут был когда-то дом моего прадеда.

— Тот самый?

Он усмехнулся:

— Нет, кстати, другой. В этом просто подпол удобный, и его не заливает.

— А они? У них тоже предки из этой деревни?

Он пожал плечами.

— Как ты сумел подпустить их к себе так близко? Ты же был вооружен...

— Я не ожидал никого, кроме тебя тут встретить. Расслабился, громыхнул крышкой.

Потом услышал, что кто-то идет, подумал, что это ты...

— Они дали по тебе очередь. И не попали?

— Инстинкт сработал. Шаги были слишком осторожные, и я понял, что это не ты.

Открыл крышку, на всякий случай. Залез внутрь. Достал пистолет.

Он вдруг с непонятым весельем взглянул на меня:

— А потом я крикнул: «Женька, это ты?» — и один из них ответил: «Да, я!»

Представляешь, басом! Ну и я нырнул, думал, не достанут меня там. А они успели по мне

еще очередь дать. Потом еще, похоже, в погреб шмальнули, и вроде даже попали куда-то... А

потом ты пришла и начала меня трясти... — Он поморщился, как будто это были его худшие

воспоминания, хуже, чем то, что в него стреляли какие-то мужики.

— Я, когда заглянула вниз, думала ты умер.

— Вот и они, похоже, так подумали...

Он долго смотрел на меня странным взглядом. Я ждала продолжения, не задавая вопросов.

— Я плохо помню, что ты мне там говорила, все было как сквозь воду, плохо слышно...

Но мне показалось, что ты злилась на меня.

Я задумалась.

— Я назвала тебя чертовым неженкой.

— Вот, — усмехнулся он. — Любая нормальная баба на твоём месте впала бы в истерику. Как минимум.

— Откуда ты знаешь? И вообще, нормальная баба на моем месте бы не оказалась.

— Резонно. Но ты все равно злилась.

Я пожала плечами.

— Ну, возможно. И что?

Его лицо приняло довольное выражение.

— Ничего. Хорошо.

— Почему?

— Потому что к тебе, может быть, возвращаются твои эмоции.

— И почему тебя это радует?

Он не ответил.

— Ты хоть сосчитала, сколько денег ты у них сперла?

— Неа, — беспечно ответила я. — Просто запихала в рюкзак и свалила.

Он укоризненно покачал головой и поморщился.

— Что ты будешь с ними делать?

Я пожала плечами и растянулась вдоль земляной стенки, сунув руки за голову и закрывая глаза.

— Вряд ли они заявят о пропаже.

— Но будут искать! — Костя повернулся ко мне.

— Найдут?

— Нас-то? Вряд ли... — он опять отвернулся, сгорбил, глядя на свечу.

— Нам пригодятся эти деньги?

Он медленно повернулся ко мне, взгляд его снова стал каким-то колючим:

— Нам? Тебе решать. У меня хватает своих. Но я бы тебе порекомендовал их припрятать и не трогать до поры-до времени. Моих средств хватит, чтобы обеспечить нам обоим безопасность.

Я вздохнула.

— Ладно, посмотрим.

Он не спешил уходить из землянки, хотя казалось, что больше нет причин оставаться здесь, под землей, в глухом лесу. Но он, казалось, был не уверен, что сбил преследователей со следа. Я пыталась его расспросить о том, кто, по его соображениям, шел по следу, и кто послал за нами охотников. Но он отмалчивался с мрачным видом, и я догадывалась, что соображения на этот счет у него имеются, так же, как и сомнения.

Я подолгу сидела в одиночестве возле входа в логово, где, словно раненый зверь, зализывающий свои раны, отлеживался Константин. Выглядел он теперь совсем не так презентабельно, когда явился за мной в больницу: холеный, самоуверенный, полный сил мужчина, приковывающий дамские взгляды своей подчеркнутой брутальностью. Теперь он напоминал бездомную дворняжку с драными боками, в колтунах, отощавшую и одолеваемую блохами, и вызывал скорее жалость. Думаю, и я производила не лучшее впечатление.

Жить под землей было, мягко говоря, не очень удобно. Это, конечно, было лучше, чем спать вовсе под открытым небом. Землянка хотя бы защищала от дождя и утренней сырости. Даже в самый сильный дождь с бревенчатого потолка не капало. Лужицы скапливались только в «прихожей», но и они быстро впитывались в землю. Правда, выбирались из-под земли мы с каждым разом все грязнее и грязнее.

Я не выказывала нетерпения, хотя мне с каждым днем все больше хотелось покинуть это место. Костя же, напротив, становился все более апатичным и вялым, и казалось, утратил желание куда-либо двигаться. Мне с рудом удавалось выгнать его из берлоги, чтобы поставить ловушку-давилку на какого-нибудь мелкого зверя, а потом сходить проверить ее. Рыба, признаться, мне уже изрядно поднадоела, и мы прибрали сеть до поры-до времени.

Почти все остальное время, когда дела не заставляли его двигаться, он валялся на топчане в полной темноте, не зажигая свечей, и то ли спал, то ли размышлял.

Я бродила по отмели возле берега озера, где раньше была сеть, когда до моих ушей донеслись звуки выстрелов, прокатившиеся эхом над водной гладью. Я замерла, стоя, как цапля, в воде, и попыталась определить источник звука. Выстрелы повторились, но сосчитать, сколько их было, мне не удалось из-за многократного эха. Потом, после небольшой паузы, застрекотала автоматная очередь, потом еще одна, и снова одиночные выстрелы. Звуки шли очень издалека.

Я со всех ног помчалась к землянке, прихватив на бегу пустой котелок и свои штаны.

Костя уже стоял возле входа в землянку, настороженный и с пистолетом в руках. Я резко затормозила, опасаясь, что он опять наставит на меня свою пушку, но он, обернувшись в мою сторону и подобравшись, просто ждал, когда я подойду к нему вплотную.

— Что-то видела? — тихо спросил он, как будто нас могли услышать неподалеку.

Я помотала головой.

— Как думаешь, это из той деревни? — я качнула головой в сторону разоренного тайника.

Он поджал губы и сощурил глаза. Это, скорее всего, означало, что он не был уверен.

Пока мы стояли и прислушивались, не повторятся ли выстрелы, до нас донесся запах гари. И это не была гарь из нашей землянки, поскольку мы не разводили в ней огня. Ветер донес ее с той же стороны, откуда раздавались выстрелы. Костя нырнул в землянку и выволок оттуда свой рюкзак. Я хотела было броситься за своим, но он остановил меня:

— Оставь здесь. Тут они сохраннее.

— А пожар?

— Землянка не пострадает.

Я обошла его и залезла в землянку. Зажгла свечу. Поглубже зачихала свой рюкзак с пачками денег под топчан, приподняв доски и бревнышки, а потом накрыв их ветошью. Собрала свои оставшиеся вещи в охапку, не желая с ними расставаться (кто знает, сколько еще нам придется шляться по лесам?), погасила свечу и вылезла наружу, снова прикрыв за собой деревянную заслонку. Пока я запихивала в Костин рюкзак свои пожитки и надевала ботинки, отряхивая с мокрых после озера ног песок и травинки, он беспокойно ходил вокруг меня, поторапливая. Запах дыма усилился, и мы по ветру пытались определить, откуда он идет.

Когда я встала рядом с ним и заглянула ему в лицо, давая понять, что я готова следовать за ним, он снова напоминал того деятельного и энергичного мужчину, который был готов не только убежать, но и бороться.

Первым делом мы направились к той деревне, несмотря на то что по мере приближения к ней дым усиливался, ветер нес его в нашу сторону, и велика была опасность, что движемся мы навстречу лесному пожару.

Деревня выгорела почти вся. Трудно сказать, откуда начался пожар, но сгорел и тот дом, где был Костин тайник, и тот, где оставили свою добычу пришлые инкассаторы. Судя то тому, что трава и кусты между домами не везде сгорели, я предположила, что огонь распространялся не сам. Дома, скорее всего, поджигали специально, один за другим.

Я поделилась своими соображениями со своим спутником, который распластался на земле ничком и, положив подбородок на руки, жевал травинку, пристально глядя на то, что осталось от деревни, где когда-то жил его прадед. Он молча покосился на меня в задумчивости, оценивая резонность моих суждений, потом снова уставился на пепелище.

Мы долго, не двигаясь, лежали на том самом пригорочке, где был мой наблюдательный пункт, стараясь увидеть, не следит ли за пожаром еще кто-нибудь. Вокруг все было тихо. Ни людей, ни машин. Прошло несколько часов, прежде чем Константин, наконец, зашевелился.

Дав мне знак оставаться на месте, он тихонько поднялся и, пригибаясь, стараясь не шуметь, двинулся в обход пожарища. Его не было довольно долго, и я, как ни всматривалась, не сумела различить ни единого движения ни в самой деревне, ни вокруг нее.

Я довольно долго лежала не шевелясь, разглядывая снующих передо мной муравьев, когда, наконец, рядом со мной опустился на траву Костя. Шагов его я не слышала, поэтому хмыкнула. Мужчина, довольный произведенным эффектом, улыбнулся и сообщил:

— Вокруг деревни никого. Свежие следы автомобильных шин. В прошлый раз они тоже в эту сторону уехали? — он указал рукой, и я подтвердила, что да, в ту.

— А в деревню не заглядывал?

— Нет, там еще слишком жарко.

— Будем ждать?

— Да, хотелось бы взглянуть поближе.

— Думаешь, там что-нибудь осталось?

— Какие-нибудь следы должны были остаться.

— Как думаешь, кто стрелял?

— Ну, из автомата, я полагаю, те же, там же, — он усмехнулся. — И судя по тому, что ни их, ни машины тут нет, хотя бы один из этих идиотов жив.

— Почему идиотов?

— Потому что они ведут себя по-идиотски, и их скоро поймают.

— Откуда знаешь?

— Потому что они косячат по-страшному: меня оставили в живых, деньги свои не забрали, тебя не заметили и даже не стали искать, хотя я по дурасти назвал тебя по имени! И позволили тебе спереть часть добычи. Ездят, похоже, все на том же автомобиле, вместо того чтобы избавиться от него по-тихому. И сейчас вот умудрились напороться на засаду, и вот что вышло! — он красноречиво указал рукой на дгорающую деревню.

— А что это была за засада, как думаешь?

Он задумчиво потер щеку.

— А вот это правильный вопрос. И сдаётся мне, что вот эти-то парни были по нашу душу.

— Почему по нашу? Может, это за ними?

— Если бы за ними, то вряд ли они ушли бы отсюда живыми. Скорее всего, они тут столкнулись случайно, как и мы. Я думаю, они узнали про эту деревню и ждали тут меня, — он жестко взглянул мне в глаза, но мне возразить было нечего.

— И где они теперь?

— Вот это я и хотел бы узнать. Слишком мало следов, чтобы понять, что тут случилось.

Подождем до вечера.

И он лег на спину и преспокойно закрыл глаза. Я осталась сидеть и сторожить. На всякий случай.

Мы решили сходить до темноты. Я думала, Костя снова оставит меня наблюдать с пригорка, но он позвал меня с собой.

Мы осторожно шли по пепелищу, вдыхая горький запах гари, стараясь не вступать в пепел, чтобы не оставлять следов. Горячий воздух вокруг нас дрожал, глаза щипало от дыма. Сначала мы заглянули в дом, где должны были находиться оставшиеся баулы инкассаторов. Фундамент и обгорелые торчащие обломки. Я рассудила, что без специальной экспертизы вряд ли возможно определить, оставались тут деньги во время пожара или их уже не было.

— Скорее всего, их забрали перед тем, как поджечь, — высказался Костя, глядя издали на дымящиеся обломки того, что когда-то было домом, пусть и полуразрушенным.

Мы осторожно зашагали вглубь деревни, стараясь ступать по местам сохранившейся траве, чтобы оставить на песке и пепле как можно меньше отпечатков ног.

Мы приблизились к дому, где на Костю было совершено нападение.

От дома мало что осталось. Пол и стены практически полностью выгорели, крыша — старый шифер — валялась мелкими осколками вокруг дома.

Костя в задумчивости смотрел на пепелище, нахмурившись и теребя подбородок.

Я тихонько подошла и встала рядом с ним, пытаюсь найти что-нибудь в грудe углей, из которых все еще местами вился дымок. Мой нос уловил какие-то посторонние запахи помимо горькой вони горелого дерева. Я тронула Костю за локоть.

Он глянул на меня, на то, как я вожу носом, тоже принялся, кивнул:

— Какое-то горючее. Может быть, солярка, мазут...

Он поднял с земли обломок шифера, показал мне.

— Шифер не горит. Он сильно трескается, разлетается в стороны, как будто выстреливает обломками. Ты уверена, что слышала выстрелы, а не шифер?

Я пожала плечами:

— Я не слышала, как трескается шифер. Может, и он... Но автоматные очереди я спутать ни с чем не могла.

Он размахнулся и с силой зашвырнул кусок шифера так, что он врезался в другой такой же обломок, и с резким пронзительным звуком разлетелся на более мелкие куски. Я вздрогнула и вжала голову в плечи, а потом начала озираться, слушая слабое эхо и представляя себе, чье внимание мы могли привлечь этим звуком.

— Похоже на выстрелы? На те, что ты слышала, когда была возле озера?

Я уверенно покачала головой:

— Нет, точно не те. Эти звуки выше, резче и намного слабее. Скорее всего, я и не могла услышать их с озера. Точно тебе говорю, это были выстрелы.

Он кивнул, подошел ближе к дому.

Я обошла дом с другой стороны, увидела остов железной кровати, совсем покореженный.

— Костя, глянь! — негромко позвала я.

Он подошел ко мне, хрустя обломками шиферной крошки и угля, заглянул в указанном мной направлении.

На сгоревшем полу, рядом с провалом, ведущим в подпол, крышка которого сгорела вместе с остальным полом, валялись два совершенно обугленных человеческих скелета. От их одежды и обуви ничего не осталось.

Мы переглянулись. Костя взял меня за руку, может быть, опасаясь, что я упаду в обморок или начну биться в истерике. Я молчала и почти позволила себя увести, но в последний момент заметила рядом с одним из тел что-то странное, за что взгляд зацепился по чистой случайности.

В разнообразных вариациях теней и обломков, в однообразии всех оттенков пепельно-серого и угольно-черного вдруг взгляд выхватил прямые и четкие линии, очертания чего-то знакомого. Я остановилась и пригляделась. Из-под обломков стропил крыши, нависших над обугленным трупом, мягко отсвечивал вороненой сталью пистолет.

Глава 14

тут скачет конь искрятся избы

а ты зовёшь на сеновал

тебя я видно слишком изба

ловал

© *ab & amp; clone*

В первое мгновение мы оба замерли, потом Костя развернулся и, больше нигде не задерживаясь, повел меня прочь от этого места. Я было заартачилась:

— Костя! Подпол не выгорел, там остались наши следы! Твоя кровь!

Он скользнул по мне мимолетным взглядом, но движения не замедлил и руки моей не выпустил.

— Мы с этим уже ничего не поделаем, — проговорил он сквозь зубы, — надо убираться отсюда.

Однако бдительности он не терял. Повел меня вдоль дороги, по которой уехал микроавтобус. В пыли четко пропечатались следы шин, и мы шагали по густой траве вдоль обочины под сенью деревьев.

— Почему пожар не заметили с воздуха? — спросила я его, припомнив, как над нами то и дело кружил вертолет, пока мы топали до землянки.

Он сощурил глаз и взглянул на небо.

— Дожди прошли, вылетов стало поменьше. Но они еще прилетят...

— А если бы пожар пошел дальше?

— Тогда нам пришлось бы жарко, и мы бы отсиживались в озере по самые ноздри, — усмехнулся мужчина, снова уверенно вышагивая передо мной. Он нес свой рюкзак на здоровом правом плече. Левую руку по-прежнему берег и размахивал ею поменьше. Со стороны этого почти не было заметно, просто я успела изучить его походку.

В лесу быстро темнело, и мы опять были в пути. В животе урчало, и я вновь начала вспоминать приютившую нас на несколько ночей землянку. Возможность разжечь огонь, приготовить еду, лечь и вытянуть ноги, хотя бы и на жесткие бревна... Однако молча следовала за Константином, стараясь не отставать. Я все прислушивалась, не раздастся ли звук мотора, но ничего, кроме наших шагов и уже привычных звуков леса, не слышала.

Через пару часов пути мой спутник, наконец, решил, что уже можно двигаться по дороге, и идти стало легче.

Мы делали небольшие привалы, переводили дух, экономя, пили по чуть-чуть, по глоточку, сырую озерную воду, отдающую тиной, поднимались и шли дальше.

Я уже не чужала ног, голова кружилась, перед глазами колыхалась мутная тьма, в которой маячила неясная молчаливая фигура. Стоило мне замедлиться или приостановиться, как меня начинало штормить, как после водки. Костя, заметив мое состояние, вернулся ко мне, попытался заглянуть в лицо, но я видела только мутные тени с размытыми краями.

Расплывчатое пятно передо мной приблизилось и приобрело человеческие очертания, что-то говорило, но я слышала лишь какие-то тревожные раздражающие отзвуки. Как будто я

погрузилась в воду, и уши залило водой, сквозь которую до меня доходило только невнятное кваканье. Потом и пятно, и звуки куда-то отодвинулись, и я почувствовала, что спине стало холодно и жестко, зато ногам и голове — легко и приятно. Было темно, а стало еще темнее.

Потом на меня полилась вода, и я подумала, что погрузилась уже слишком глубоко, и чуть не захлебнулась, изо всех сил попытавшись вдохнуть.

Я кашляла, и в голове постепенно прояснялось. Прокравшиеся в лес предрассветные сумерки сделали очертания всего, что меня окружало, более четкими, и я увидела встревоженное лицо Константина, который, стоя на коленях посреди дороги, удерживал меня в сидячем положении и поил водой из бутылки, прижимая мою голову своей больной рукой к больному же плечу.

— Ну, Женька! Ну ты чего, напугала меня, — шептал он, ставя бутылку на землю и вытирая жесткой ладонью мое залитое водой лицо и шею, — загнал я тебя совсем, да? Ну потерпи до станции, немножко осталось. Там поедем по-человечески, отдохнем. — Он прислонился лбом к моему виску, шумно выдохнул.

В голосе его слышалось облегчение, и он, видя, что я пришла в себя, снова подал мне бутылку с водой. Я сделала еще пару глотков и, борясь с дурнотой, попыталась подняться на ноги. Он помог мне встать и, не выпуская меня из рук, подождал, пока я смогу твердо стоять на ногах.

— Это что было? — спросила я слабым голосом и слегка заплетающимся языком. Я отошла от него на шаг, но меня все еще пошатывало, в глазах было темно и непонятно: то ли ночь отступала так медленно, то ли дурнота.

Он шагнул ко мне, снова обнял, погладил здоровой рукой по голове.

— Голодный обморок, Жень, давай еще посидим чуток, отдохнем. — Он подвел меня к обочине и усадил на траву, продолжая поддерживать за плечи.

Когда в глазах у меня совсем прояснилось, мы продолжили путь, только теперь он не позволял мне отставать. Мы с ним вышагивали чинно, как пожилая пара на прогулке, я держалась за его локоть.

До станции и впрямь оставалось немного. До нас вскоре донеслись звуки прошедшего без остановки товарняка, а подойдя к путям совсем близко, мы услышали еще и шум автотрассы.

Перед тем как выйти к людям, мы умылись остатками озерной воды из полторашки, я как могла почистила свои джинсы от земли, которая въелась в самом низу штанин прямо в ткань, Костя заправил полы своей драной рубахи за пояс и, застегнув куртку до самого подбородка, стал выглядеть почти прилично. В таком виде мы вышли из леса, изучили на станции расписание пригородных поездов и, пока было время, дошли до дешевой забегаловки при автозаправке и наконец-то наелись нормальной еды, разогретой в микроволновке. А после двух пластиковых стаканчиков горячего сладкого чая я почувствовала, что совсем оживаю. Костя тоже приободрился, поглядывал на меня со странным выражением, определить которое мне не удалось. Возможно, так иногда выглядел Довольный-Жизнью-Константин, которого за время наших скитаний мне еще не приходилось видеть.

Потом мы клевали носами, усевшись в скользкие пластиковые кресла в прохладном пустом зале ожидания, и чуть не проспали свой поезд.

Еще сутки мы кочевали из одного пригородного поезда в другой, урывая по паре часов беспокойного сна друг у друга на плече.

Мне казалось, Костя сам не знает, куда нам ехать. Когда я спросила его об этом, он не сразу ответил, глядя затуманенными глазами куда-то мимо меня:

— Да, нам везде пока опасно. Не могу придумать такого места, где нас точно не будет поджидать засада.

В итоге мы, прибыв в какой-то городок, изучили грязные лохматые объявления, расклеенные на столбах, и сняли квартиру, которая сдавалась посуточно.

Хорошенько отмывшись в душе и перекусив купленными в ближайшем супермаркете полуфабрикатами, мы завалились в постель и дрыхли почти сутки, не имея сил ни на что, кроме еды и туалета.

В квартире, обставленной старенькой, но добротной и ухоженной мебелью, было чисто. И имелось все необходимое для обычной городской жизни: газ, вода, холодильник, стиральная машина. Я успела отвыкнуть от благ цивилизации и теперь удивлялась каждой мелочи: что можно умываться не ледяной, а теплой водичкой, спать на мягкой чистой постели, есть теплую еду столько раз в сутки, сколько захочется.

Он сводил меня в магазин, откуда я вышла в новой одежде и обуви и с запасом нижнего белья в красивом бумажном пакете; а потом в салон, где я провела несколько часов. В итоге я покинула его всего лишь чуть менее похожая на ту, что туда вошла: волосы остались почти той же длины и в таком же беспорядке, но почему-то выглядели ухоженно, а не так, как будто я подметала ими асфальт. Неброский маникюр на руках...

Зато Костю, который встречал меня в фойе и ждал у стойки администратора, чтобы заплатить, я едва узнала: выбритые ультрамодные полоски на висках, никакой растительности на лице — ни усов, ни бороды, ни даже щетины. Черты лица как будто заострились: натянувшаяся на скулах, покрытая загаром кожа, жесткий рисунок рта, складки возле губ, которые придавали ему насмешливое выражение. Только глаза были по-прежнему сощурены и смотрели с тем же настороженным выражением из-под изогнутых с надломом бровей. Сейчас на нем красовалась новенькая рубашка с закатанными ниже локтя рукавами, приличные штаны взамен изгвазданных джинсов, новенькие мокасины. Он тоже не терял зря времени.

Мы несколько секунд изумленно смотрели друг на друга, пытаюсь увидеть прежние знакомые черты и принять, привыкнуть к новым. Потом мужчина улыбнулся и, оставив деньги, продолжая изучать меня с ног до головы, подошел ко мне, взял под руку и как ни в чем не бывало поцеловал в щеку. Ни дать ни взять — кавалер встречает свою даму, обычное дело.

— Потрясающе выглядишь, — звучало вполне искренне.

Я тоже сделала вид, что так и надо, постаралась улыбнуться как можно непринужденнее и, кинув прощальный взгляд в огромное зеркало во всю стену на женщину, идущую под ручку с щеголеватым незнакомцем, вышла на улицу городка.

Вдохнув свежего воздуха, свободного от удушающих ароматов одеколонов и лаков для волос, я украдкой разглядывала неспешно шагающего рядом со мной Константина.

— Что теперь? — несколько напряженно спросила я, увидев, что он тоже время от времени искоса посматривает на меня, как будто пытается себя убедить в том, что рядом с ним действительно я.

Он отвернулся, потом, тщательно подбирая слова, ответил, глядя перед собой:

— Мне нужно уладить здесь дела, сделать кое-какие приготовления. А потом я намерен вернуться в тот город, откуда начались мои проблемы.

— Что будет со мной?

— Тебе лучше оставаться здесь.

— Лучше для тебя?

— И для тебя. — Он говорил жестко, с нажимом, давая мне понять, что не потерпит от меня никаких возражений. Но мне было плевать.

— Ты же сказал, что я сама буду решать, оставаться мне с тобой или уйти.

— То, что мне предстоит, опасно. Меня могут поймать и отдать под суд. Или убить.

— А что мне делать здесь одной, без тебя?

— Ты можешь начать здесь новую жизнь. Я сделаю для тебя новые документы, тебя никто не знает...

— Я и сама себя не знаю! Ту мою прежнюю жизнь уже не вернуть, я даже не знаю, стоила ли она того, чтобы ее возвращать.

Он с удивлением покосился на меня, но ничего не сказал.

— И я не знаю никакой другой жизни, кроме жизни с тобой!

— Ну так узнай. Женька, ты молодая, красивая, ты можешь начать все с нуля и стать тем, кем хочешь и с тем, с кем захочешь. Смотри, вон на тебя мужики оборачиваются.

Я покосилась по сторонам, но что-то не заметила толпы мужиков, провожающих меня восхищенными взглядами.

— Пусть оборачиваются. Пусть хоть на месте волчком вертятся. Мне все равно. Мне не нужен никто из них. — Я остановилась, и он, почувствовав это, тоже остановился и развернулся ко мне лицом. Мы стояли на тротуаре, прохожие, недовольно косясь, молча обходили нас.

Он, стоя неподвижно, как скала посреди бурной речки, смотрел на меня сверху вниз и молчал. По его лицу сейчас невозможно было что-то понять, его прозрачные, как чай, глаза смотрели серьезно и внимательно и ничего не хотели мне сообщить о том, что у этого человека на душе, есть ли она у него вообще...

— Я не знаю, кто из нас более бездушен, я или ты. Это же вроде бы у меня отобрали все чувства, эмоции, возможность привязываться к человеку и бояться его потерять. Выходит, ты вообще на это никогда не был способен? Или тебе тоже когда-то промыли мозги и превратили в зомби? — я говорила тихо, но мне казалось, что я кричу на всю улицу, и что слова, рвущиеся сейчас из меня наружу, слышат все, кроме него. — То, через что мы с тобой прошли — вместе! — для тебя вообще ничего не значит? Ты готов так легко послать меня начинать новую жизнь, потому что тебе так удобно?

Он молча разглядывал меня со странным выражением — удивлением и недоверием.

— Посмотри на меня, — сказал он мягко, почти шепотом, — я плохой парень. И со мной опасно. Я преступник, беглец. Мне предстоит разобраться, что за сволочь начала за мной охоту, и я не знаю, чем это кончится, — его губы дрогнули в сардонической усмешке, которая превратилась в оскал, — скорее всего, ничем хорошим. Но если ты думаешь, что мне все равно, что станет с тобой, то ты сильно ошибаешься.

Он приблизился ко мне вплотную. Его толкнули плечом, но он не обратил на это внимания.

— Я все это время, проведенное с тобой, боялся только одного: что я не смогу тебя потом отпустить, что я привяжусь к тебе больше, чем ты ко мне. Я не знал, как долго мне удастся притворяться, что ты мне безразлична.

— Ты хороший актер, — сказала я, обнимая его за шею, — я почти поверила, что ты

меня не любишь. Но я... Думаю, что если я и не смогу больше любить по-настоящему, то научусь притворяться, что я тебя люблю. — Он порывисто прижал меня к себе, и теперь прохожие обходили нас стороной, посматривая на нас с разными выражениями лиц: некоторые с сочувственными улыбками, некоторые с нескрываемым раздражением.

— Пойдем домой, — сказал он, щекоча губами мою шею.

Он на весь вечер оставил меня одну в снятой нами квартире, но перед тем, как мы туда вернулись, затащил в какую-то дыру на окраине городка, где в полуразрушенном доме, к моему удивлению, все еще располагалась какая-то контора, в которой меня поставили спиной к белой стене и сфотографировали. Костя отправил меня на выход, а сам ушел с человеком, который нас встретил, вглубь дома, велел подождать снаружи, возле двери. Через несколько минут он вышел, кивнул и сообщил, что ближе к вечеру будут готовы мои новые документы.

В квартире я бродила из комнаты в комнату, трогая предметы, разглядывая посуду и пыльные сувениры в обшарпанном серванте, валялась на разобранной постели, глядя в потолок, и думала, что, наверное, когда-то и у меня была вот такая жизнь: я куда-то уходила, что-то делала и возвращалась вот в такую тихую и мирную жизнь, полную обыденных предметов, понятных и привычных дел. Наверное, были люди, которые меня знали: соседи, коллеги, родственники... Может, был даже мужчина? Куда все делось? Неужели меня никто не хватился, когда я исчезла из той жизни после взрыва? Была ли у меня своя квартира, свой дом, куда я возвращалась после насыщенного делами и событиями дня? Кто-то ждал меня?

Я выходила на балкон и, слушая городской шум, разглядывая дворик и соседние балконы с висящим на веревках бельем, пыталась представить себе обычную жизнь.

Я подходила к зеркалу и рассматривала отражение, пытаюсь вспомнить свое лицо. Из зеркала на меня смотрела молодая женщина, изучала меня тревожными зеленоватыми глазами, хмурила аккуратно выщипанные в салоне брови.

Я залезла в душ и стояла там просто так, не моясь, под теплыми струями воды, вспоминая, как совсем недавно возле землянки мокла в лесу под ливнем, рассматривая молнии в ночном небе.

Вспоминала свою тихую жизнь в стенах клиники, наполненную строгим распорядком и почти лишенную каких-либо событий.

Что было бы, если бы Костя не разрушил ту мою прежнюю жизнь? Была бы я счастлива? Ведь я могла тогда радоваться, огорчаться, сердиться на кого-то, любить, заботиться, ждать дома его возвращения, как сейчас ждала этого загадочного, диковатого человека, который появился в моей жизни таким странным образом. Была ли я тогда счастлива? Вряд ли я узнаю ответ на свой вопрос, ведь мне не удастся вспомнить ничего, что могло бы рассказать мне о той жизни, до взрыва. И, глядя на себя в зеркало, привыкая к своему лицу, заново узнавая собственные черты, я решила, что раз уж у меня осталась способность жить и соображать, то надо использовать хотя бы это. А вспоминая наш разговор с Костей посреди заполненного людьми тротуара, я пыталась представить себе свою будущую жизнь без него, как он предлагал: завести себе вот такое жилье, начать что-то делать, возвращаться в такой вот дом, наполненный воспоминаниями и ожиданиями... И знать, что где-то ходит по земле единственный человек, которого я знаю: которого я не раз видела голым, видела слабым, тащила его на себе, когда он был ранен, который все это время не раз занимался со мной сексом и при этом делал вид, что я ему безразлична... Который избавился бы от меня, не

выщарапай я у него признания в том, что ему не все равно.

И я поняла, что мне тоже не все равно. Что я не смогу вынести неизвестности, если не буду знать, что с ним случится, останется ли он жив или его убьют те, кто на него охотится.

Я пыталась понять, как мне относиться к своему открытию. Означает ли это, что ко мне действительно возвращается способность испытывать чувства и эмоции? Хорошо это или плохо?

Вернувшийся уже после наступления темноты Костя застал меня в состоянии, близком к панике. Я сидела на краю кровати в темной квартире, сжав руки, стуча зубами и прерывисто дыша. Сердце колотилось, в голове шумело, и я не сразу услышала, как щелкнула входная дверь. Потом послышались осторожные шаги, затем в проеме спальни показался Костя с пистолетом в руке, освещаемый только светом фонарей с улицы.

Увидев меня, он зажег свет, секунду постоял, оценивая обстановку, потом спрятал пистолет, осторожно опустился передо мной на колени и заглянул в лицо.

Я не могла объяснить, что со мной происходит, на все его встревоженные вопросы только мотала головой. Он принес мне воды, сел рядом, обнял и просто сидел так со мной, пока мне не полегчало.

— С тобой такое первый раз? — уточнил он, не повышая голоса.

Я кивнула несколько раз.

— Тебя что-то напугало?

— Н-нет... Не знаю.

— О чем ты думала, когда это началось?

— О тебе.

— Обо мне? Ты расстроилась из-за нашего разговора?

— Я не знаю. Я... мне кажется, я обрадовалась. Просто такая реакция...

Он потрепал меня по плечу, потом принялся перебирать волосы.

— Видимо, ты действительно обрадовалась. Просто тебя это напугало. И кроме того, я, конечно, не психиатр, куда мне до Левина. Но мне кажется, что эмоции возвращаются не все сразу. Сначала ты научилась чувствовать злость. Помнишь, там, в погребке? Надо просто подождать, все вернется.

Он медленно сунул руку за полу пиджака и вытащил оттуда паспорт, протянул мне. Он не был новеньким, казался потертым и выдавшим виды. С фотографии смотрела та самая женщина, которая разглядывала меня в зеркале. Ее звали Евгения Залыгина, по паспорту ей было 26 лет.

— Это моя фамилия?

— Нет, конечно.

— А как моя настоящая фамилия?

— Это надо выяснять.

— То есть?

— Твою фамилию дали тебе в детском доме, куда ты поступила в трехлетнем возрасте. Ты сказала, что тебя зовут Женя, но фамилии своей не назвала. Поэтому в детском доме тебе придумали новую. Ты попала к ним в начале лета, ближе к Троице, и тебя приняли под фамилией Троицкая.

— Значит, я сирота? У меня никого нет? — я-то, пока его не было, навоображала себе, что меня кто-то где-то ждал, искал, что у меня был свой дом...

Он покачал головой:

— Я еще потому тебя выбрал на роль... в этой нашей программе... что тебя никто не стал бы разыскивать.

— Значит, у меня, правда, никого нет, кроме тебя?

Он тяжело вздохнул, оперся локтями о колени. Я вернула ему свой паспорт. Он взглянул мне в лицо.

— Я с тобой, — твердо сказала я, он поджал губы и кивнул.

— Скажи, кем я была и почему еще ты выбрал меня в эту свою программу?

— Я наблюдал за тобой, прежде чем остановиться на твоей кандидатуре. Воспитанница детдома, упрямая, целеустремленная. Ты хорошо училась и получила образование, не пользуясь социальными льготами при поступлении, а только благодаря настойчивости и усидчивости. Ты умна, но это мне скорее мешало... У тебя располагающая внешность, что помогло мне устроить тебя на работу в то здание, где размещалась интересующая меня фирма. Поначалу с тобой работал Левин, его задачей было сделать так, чтобы ты занималась только добычей информации.

— Кем я была?

— Ассистентом босса. Я устроил тебя обычным делопроизводителем, секретаршей. Но ты показала блестящие аналитические способности и сделала себе карьеру уже без моей помощи. Ты стала аналитиком, обрабатывала статистические данные и выдавала прогнозы, основанные на расчетах математических моделей ведения бизнеса. Когда мой клиент получил от тебя все необходимые данные, он поставил передо мной, а значит, и перед тобой, новую задачу. Она пришлась мне не по душе, но отступить я уже не мог.

— Взорвать здание?

— Да, взорвать. Но так, чтобы само здание не пострадало.

— Но зачем?

Он пожал плечами.

— Насколько я понял, он хотел убить этим сразу двух зайцев. Уничтожить конкурентов и всю их документацию и очистить здание от... всех. Выгоревший до остова небоскреб он собирался выкупить за копейки, отремонтировать... Это обошлось бы ему дешевле, чем выселять владельцев помещений, выкупая у них площади. Его бы устроило большое количество жертв, потому что он собирался выставить этот пожар как теракт.

— Это он нас заказал?

Костя помолчал, глядя в пол.

— Я поначалу так думал. Мы сорвали ему часть планов, но в основном он получил что хотел: пустое, но целое здание, фирма-конкурент практически уничтожена. Сгорели все их архивы, компьютеры. Люди, конечно, в основном не пострадали. Он велел мне тебя убить, но я его убедил, что ты не опасна, что ты и так практически уничтожена как свидетель.

— Меня не разыскивали?

— Твой босс узнал, что ты пострадала, попала сначала в больницу, а потом — в клинику Бринцевича. Его это расстроило, но он тебя ни в чем не подозревает.

— А мои коллеги? У меня были друзья?

Он пожал плечами.

— Такие, видать, друзья. Тебя хоть раз кто-нибудь навестил в клинике?

— Кроме тебя, никто не приходил. Но я думала, что никто просто не в курсе, где я. Или что ко мне никого не пускают.

Я помолчала, потом решила и спросила:

— А у меня был... ну, мужчина, парень, как это... бойфренд?

Костя колюче на меня взглянул и желчно усмехнулся.

— Был один тип, который имел на тебя виды. Не знаю, общались вы с ним в офисе или нет. Но после того, как он узнал, что ты в дурке, он нашел себе другой объект для ухаживаний.

— Ты специально это узнавал?

— Да. Я хотел убедиться, что тебя никто не разыскивает.

— Это, кажется, печально. — Я вопросительно смотрела на него, но он улыбался.

— Да, — сказал он почти весело, — это ужасно грустно. Но меня устраивает! — он сгреб меня в охапку и вместе со мной рухнул на кровать.

Глава 15

*балкон был старым но казался
ещё довольно прочным мне
и я попрыгал штоб развеять*

сомне

© Мурка

Мне снился тревожный сон, от которого я проснулась в холодном поту и часто дыша. Балкон был открыт настежь, шторы отодвинуты в сторону, чтобы не препятствовать редким и почти незаметным дуновениям свежего воздуха. И все равно в комнате было невыносимо жарко и душно. Стояла какая-то аномальная жара в конце августа, такая, что в городских квартирах было не найти прохлады даже ночью. Я села в постели, убрала с лица мокрые от пота пряди волос и попыталась вспомнить, что именно меня напугало и разбудило. Остатки сновидения еще колыхались мутью на краю сознания, но их уже нельзя было ухватить и внимательно рассмотреть.

Я решила выйти на балкон, чтобы успокоиться и проветриться, глотнув свежего воздуха. Костя спал, разметавшись больше, чем на полкровати. В темноте его кожа тоже влажно блестела от пота.

С улицы доносился только отдаленный шум машин и близко — успокаивающе-убаюкивающее стрекотание сверчков и цикад. И внезапно — еще какие-то звуки: шорохи и постукивание. Я замерла на полпути к открытому балкону, и сердце снова забилося, как бешеное. Еще один непонятный звук раздался ближе, чем до этого. В темноте он был подобен грохоту набата, и я вздрогнула. Бросилась к Косте и стала его трясти. Как обычно, спал он настолько крепко, что просто так не разбудишь. Вот же нервы у человека... Я зажала ему руками рот и нос, и тогда он сразу же распахнул глаза, и уже в следующее мгновение прижал меня к кровати, навалившись грудью и приставив дуло пистолета к моей шее.

Мне не удалось даже пошевелиться, чтобы приложить палец к губам, но он по моему лицу догадался, что я напала на него не шутки ради. Он выпустил меня из своей медвежьей хватки, и я молча кивнула ему в сторону балкона. Через секунду он с пистолетом наготове уже замер возле шторы.

Что-то зашуршало совсем рядом с балконом, и Костя сделал мне знак рукой. Я тихонько выскользнула из комнаты, прихватив свою одежду, чтобы, если уж события стали развиваться так стремительно, встретить их хотя бы не голышом. Натянув на себя майку-борцовку и свои новые удобные облегающие джинсы-стрейч, сунув ноги в легкие кроссовки, купленные взамен убитых во время наших лесных скитаний по болотам и пескам ботинок, я вернулась в спальню, полностью готовая к чему угодно, и услышала звуки борьбы. Впрочем, все уже было закончено: неизвестный посетитель в темной одежде и перчатках валялся на полу, а над ним стоял, тяжело дыша, Костя. Пистолет его лежал на кровати, а сам он, наклонившись над поверженным врагом, обшаривал его карманы. Тело незнакомца окончательно расслабилось, рука, затянутая в перчатку, разжалась и сползла на пол, и я увидела, что из живота у мужчины торчат сразу два шприца. Костя оставил его в покое и

осторожно выглянул на балкон, стараясь не высываться, осмотрелся сверху, повернулся ко мне и кивнул головой вглубь квартиры.

Я, не вполне уверенная, что правильно его поняла, прокралась к входной двери, стараясь производить как можно меньше шума. Дверь была заперта на все замки и задвижки. Я вслушивалась, не раздастся ли из-за нее какой-нибудь звук, но все было тихо. Осторожно выглянула в глазок. Темный подъезд, почти ничего не разглядеть. Лампочка на нашей площадке почему-то не горела, и слабый свет уличных фонарей проникал только из открытого подъездного окна. Но вдруг и этот слабый свет всего на одно мгновение заслонила черная тень, и я отпрянула от двери, услышав снаружи слабый металлический скрежет в районе замочной скважины. Я как можно быстрее вернулась к Константину, который, к счастью, тоже был уже одет, и показала рукой на дверь, а потом подняла кверху один палец. Он молча кивнул, сходил в зал за рюкзаком, сцапал меня за руку и потащил на балкон. Я не сопротивлялась, но когда увидела, как он решительно перебрался через перила и резко мотнул мне головой, приглашая делать то же самое, нерешительно застыла и внутренне похолодела, представив свой недолгий полет с четвертого этажа панельной «хрущевки». Костя поджал губы, нахмурил брови и снова дернул головой.

Я решилась. Перелезла через перила и, перебирая руками арматуру ограждения, спустила ноги и повисла, не находя опоры. Потом почувствовала, как Костя, мягко спрыгнув с перил на пол нижнего балкона, ухватил меня за талию, и разжала руки. Он поставил меня на ноги и тут же повторил всю процедуру. С этим балконом оказалось немного сложнее, потому что ограждение было перекрыто какой-то крашеной фанерой, которая мешала держаться за прутья решетки, и пока я искала, за что бы надежнее ухватиться, прежде чем свесить ноги с крошащегося бетонного карниза, Костя уже схватил меня за бока и рванул вниз. Я едва не вскрикнула, мне показалось, что он меня не удержит, и я не успею нащупать опору. Но он, упершись бедрами в перила, успел притянуть меня к себе, когда я разжала руки. И снова, едва я коснулась ногами пола, он решительно перелез через перила балкона, повис на руках и спрыгнул уже на газон. Я последовала за ним. Повиснуть над землей оказалось уже не так страшно, к тому же мужчина снова меня поймал, когда я, отпустив прутья и ободрав о бетонный край балкона голые локти, уже ожидала довольно чувствительного удара о землю.

Выйдя из-за кустов к подъезду, мы увидели стоящий с выключенными фарами автомобиль. Заметив нас, водитель выскочил из него с пистолетом в руках, но получил от подскочившего к нему Кости удар по шее, а потом коленом в лицо.

— Садись в машину, — приказал он мне, отбирая у своей жертвы пистолет и обыскивая карманы. Я залезла на сиденье рядом с водителем, Костя сел за руль, швырнув на панель найденный у водителя смартфон, завел машину и, взревев мотором, рванул с места как раз в тот момент, когда из подъезда выскочил третий мужчина, который, видимо, успел вломиться в нашу квартиру через дверь.

Мы выехали со двора, и я перевела дух, пристегнула ремень и взглянула на Костино сосредоточенное лицо.

— Мы им нужны были живые, — несколько удивленно проговорил он, уверенно выруливая на главную улицу ночного города.

— Откуда знаешь?

— У того мужика, что влез через балкон, были два шприца с транквилизаторами. И стрелять по нам не стали.

Я согласно кивнула.

— Ну и как они нас здесь вычислили?

— Скорее всего, это тот гаденыш нас решил сдать, который документы фальшивые делал.

— Ты его узнал?

Он пожал плечами.

— Среди этих его не было, но больше некому.

— И куда мы сейчас едем?

— Сначала к нему, а потом будем выбираться из города.

— А к нему зачем?

— Уничтожить файлы в его компьютере.

— А если он уже сообщил про эти документы?

— Ну, значит, кто-то будет знать твою новую фамилию. Но файлы я все равно уничтожу. Да и потрепать с этим типом надо бы, — он улыбнулся такой искренней — злорадной — улыбкой, от которой у нормального человека побежали бы мурашки по коже.

До развалюхи, в которой меня фотографировали на паспорт, мы домчали в молчании. Взвизгнув тормозами, остановились прямо перед входной дверью, посидели неподвижно, ожидая, не выйдет ли кто нас встречать. Потом Костя дал мне знак выходить, взял в руку пистолет, вылез из машины, громко хлопнув дверцей. На втором этаже дома зажегся свет, и Костя, кивком приказав следовать за ним, бросился к дому и прижался к стене возле двери. Я притаилась за его плечом.

В глубине дома послышались шаркающие шаги, хлопнула дверь, закрипели ступеньки. Дверь, возле которой ждали хозяина мы с Костей, приоткрылась, и сонная бородатая рожа высунулась и, щурясь в темноту, сказала негромко:

— Ну че, привезли?

Костя схватился за ручку и сначала долбанул бородатого дверью по голове, а потом рванул ее на себя. Ошарашенный мужик отшатнулся вглубь проема, хватаясь за лицо, но уже в следующую секунду был почти нежно взят Костей за шкуру и, скосив глаза, пялился в упершееся ему в подбородок дуло пистолета.

— Да, дорогой. Такое настойчивое приглашение нельзя проигнорировать, — зловеще приговаривал Константин, проталкивая притихшего противника в контору. — Так что ты хотел нам сказать? Чайком угостить?

Я решила не торчать на улице и тоже шагнула в полутемное помещение, освещаемое тусклой лампочкой, свисающей прямо на проводе с потрескавшегося потолка. Чтобы не терять времени даром, прошла за стойку, где эта темная личность принимала нас, когда мы приходили фотографироваться, и сразу же увидела компьютер. Точнее, небольшой ноутбук. Не церемонясь, повыдирала из него все провода, кроме блока питания, и сграбастала его себе под мышку.

Костя кивнул и велел мне садиться в машину.

Я вышла из дома, снова села на переднее сиденье и стала ждать. Кости не было минут пять или десять. Я уже хотела вылезти и пойти обратно в дом, как вдруг заметила, что в конце темной, не освещенной фонарями улицы, откуда мы приехали, показался свет фар. Не придумав ничего умнее, я нажала на клаксон. Спустя несколько бесконечных секунд из дома, наконец, выскочил Костя, пряча за пояс пистолет. Запрыгнул в машину, швырнул на переднюю панель еще один сотовый телефон, завел мотор, развернул машину и рванул

навстречу подъезжающему автомобилю, не включая фар.

Машина была все ближе и ослепила нас дальним светом, лишь в последние секунды заметив наш темный внедорожник и еле успев увернуться от удара. Мы, вильнув, промчались мимо и услышали, как позади нас завизжали тормоза. В зеркало заднего вида я наблюдала, как машина сначала остановилась, а потом медленно начала ерзать туда-сюда, пытаясь развернуться на узкой дороге. Костя выжал из машины все, что мог, и я увидела, что преследующий нас автомобиль остался далеко позади.

— Пристегнись! — прорычал мне Костя, включил, наконец, дальний свет и сам тоже потянул за ремень безопасности.

Мы мчались по пустынным улицам ночного города, сворачивая с прямых участков дороги, проезжая на перекрестках на красный свет, но в боковом зеркале я нет-нет да и видела в отдалении преследующие нас огни.

— Возьми оба телефона и спрячь в мой рюкзак.

Я сгрэбла с панели оба трофейных сотовых, не понимая, зачем они понадобились Косте, потом запихала в рюкзак и отобранный у бородатого мужика комп и сидела теперь со всем этим добром в обнимку, то и дело поглядывая то в зеркало, то на своего спутника, который, подавшись вперед, напряженно всматривался в темную дорогу.

Мы выехали из жилой части города и теперь мчались какими-то ухабистыми и извилистыми путями по промзоне. Машину кидало и подбрасывало, и я то и дело хваталась за ручку на дверце.

Я уже давно перестала видеть за нами назойливый свет фар.

— Кажется, оторвались, — заметила я вслух и чуть не прикусила язык, когда машину в очередной раз подбросило на каких-то рельсах.

Мой спутник не ответил, продолжая сосредоточенно рулить. Въехав в какие-то кусты позади огромного ангара, расположенного рядом с тупиковой железнодорожной веткой, он наконец остановился, выключил мотор, погасил фары.

Мы выскочили из машины, прихватив свое имущество. Костя, натянув на кулак рукав своей рубашки, протер все, к чему мы прикасались. Я ждала, обняв рюкзак и прислушиваясь, ожидая вот-вот услышать рев мотора. Но вокруг было тихо.

Оставив в покое автомобиль, Костя подошел ко мне, отобрал рюкзак, взял за руку и повел прочь.

— Ты его убил? — осторожно спросила я, не решаясь выдернуть у него свою руку.

Он оглянулся на меня с нехорошей улыбкой:

— Да прям, была охота мараться. Так, дал по морде пару раз и вырубил, чтобы он до утра отдохнул.

Мы шли до рассвета. Он вывел меня к бетонной набережной большой судоходной реки, мы уселись на расстеленную им куртку, он достал оба телефона и погрузился в их изучение, включив одновременно и сравнивая номера из телефонных книг.

Я тихонько прислонилась головой к его плечу, стараясь не мешать, и незаметно для себя задремала. Проснулась, когда Костя отложил оба телефона и потянулся к рюкзаку за ноутбуком.

Я сидела, обхватив колени, и смотрела, как розовеет край неба над горизонтом. Река, широченная в этом месте, лениво плескала в наклонные бетонные плиты зеленоватой от водорослей волной. Ее дальний берег — высокие покрытые травой увалы — почти скрывала легкая дымка. Еле ощутимый прохладный ветерок обдувал лицо, принося горьковатый

свежий запах озона, воды и тины, заставлял кожу покрываться пупырышками.

Костя, закончив возиться с отобраным у фальшиводокументчика компьютером, захлопнув крышку ноута, вдруг встал, размахнулся и запустил его в реку. Я, вытянув шею, с удивлением наблюдала, как он, кружась, пролетел над водой по широкой плавной дуге, шлепнулся на водную гладь, подняв веер брызг, пару секунд поплавал на поверхности, а потом, булькнув, ушел ко дну.

— Что-нибудь нашел? — спросила я у мужчины, который, сунув руки в карманы, проводил утонувший ноутбук мрачным взглядом.

Он помотал головой, потом вынул из карманов оба трофейных телефона и отправил их вслед за ноутбуком. Они, правда, пролетели намного дальше.

— Есть номер телефона, — сказал он задумчиво, — скорее всего, того, кому он собирался нас передать.

— Ты его знаешь?

Он неуверенно качнул головой, поджав губы. Я поднялась на ноги.

— Что будем делать?

Он пожал плечами, глядя вдаль. Потом взглянул на меня, поднял с земли свою куртку, отряхнул и накинул мне на плечи. Себе он нацепил рюкзак.

— Для начала давай поищем, где бы в это время можно чего-нибудь поесть.

Комфортабельный автобус, мягко укачивая своих пассажиров в удобных высоких креслах, мчал нас туда, где начались наши совместные приключения. Я смотрела в окно на череду быстро сменяющихся друг друга картинок, Костя, как обычно, использовал любую возможность, чтобы выспаться.

Покинув автобус, мы взяли такси, Костя назвал адрес. Однако, подъехав к нужному дому, попросил водителя медленно проехать по двору и высадить нас в двух кварталах от нужного нам места.

Потом он достал ключи, вложил их мне в руку.

— Код домофона — четыре-девять-пять. Запомнила? — я кивнула. — Идешь спокойно, по сторонам не оглядываешься. Всех, кто тебе встретится, считаешь, запоминаешь, кто где. Особенно мужчин. Войдешь в подъезд, вызовешь лифт. Он приедет, отправишь его на самый верхний этаж, сама поднимешься по лестнице пешком. Только тихо. Всех, кто встретится по пути, запоминаешь. Кто, сколько, на каком этаже. Поднимешься до самого верхнего этажа, только потом спустишься на шестой, откроешь ключом. Квартира сто вторая. На кухне открываешь окно. Если во дворе или в подъезде встретишь хоть одного подозрительного мужика, на шестом не останавливаешься, звонишь в сто двадцатую на девятом этаже. Тебе никто не открывает, спускаешься на лифте, выходишь из подъезда, идешь спокойно ко мне. Поняла?

Я снова кивнула.

— Ну, давай. — Он слегка сжал мои плечи, развернул меня спиной к себе и легонько подтолкнул вперед.

Я проделала весь путь до девятого этажа. В пролете между седьмым и восьмым на подоконнике сидели двое молодых парней, курили и пили пиво из жестяных банок. Я неторопливо прошла мимо них, чувствуя затылком, спиной и тем, что ниже, их взгляды и слыша, как один чуть причмокнул языком. Поднявшись до последнего этажа, я с колотящимся сердцем позвонила несколько раз в дверь сто двадцатой квартиры. Звонок,

казалось, было слышать до самого низа, акустика в подъезде была что надо, я даже слышала, как затягиваются сигаретами парни на подоконнике двумя этажами ниже.

Перестав звонить, я нажала кнопку лифта, который сразу же открыл мне двери, вошла и спустилась на первый этаж. На выходе из подъезда мне встретился еще один мужчина, который любезно пропустил меня в распахнутую дверь, оглядев с ног до головы. Я, опустив глаза, проскочила мимо него, не спеша спустилась с крылечка и зашагала по двору, отмечая боковым зрением еще парочку типов, которых раньше тут, я уверена, не видела.

Я решила не возвращаться к Косте, а пройти по другой стороне улицы мимо него так, чтобы он увидел меня издалека. Он заметил и разгадал мой маневр, чуть заметно кивнул и скрылся с моих глаз за углом. Я прошагала не спеша еще пару кварталов от того места, где он должен был меня ждать, подавляя в себе желание оглянуться.

Костя догнал меня неожиданно.

— Ну как? — спросила я.

— Ждали меня, похоже. Тебя они не знают в лицо, но на всякий случай проводили немного и вернулись во двор.

— Я их сначала не заметила, увидела только потом, когда вышла. В подъезде сидят на седьмом еще двое молодых, пьют пиво.

Он усмехнулся:

— Пиво, значит... Ладно. Примем к сведению.

Меня так и подмывало расспросить, куда это мы так и не попали, хотя уже догадывалась, что это, скорее всего, была Костина квартира.

— Тогда пойдем к тебе, — неожиданно весело сообщил Костя, взял меня под руку, и мы вышли на дорогу ловить такси.

К моему дому мы подходили уже не с такими предосторожностями, хотя и держали ухо востро.

Дом, в котором я, оказывается, когда-то жила, располагался в старой части города, где было больше зелени, и все здания здесь были не выше пяти этажей, оштукатуренные и местами облезлые. Однако это место мне показалось симпатичнее, чем тот «спальный» район, набитый совершенно одинаковыми с виду многоэтажками, в котором жил Костя. Я озиралась по сторонам, отмечая про себя такие детали, как узорные решетчатые ограждения между домами, за которыми зеленели цветущие палисадники, уютные дворики, не забитые автомобилями.

Костя внимательно посматривал в мою сторону, возможно ожидая, что меня накроет какими-нибудь воспоминаниями из прошлой жизни, но я, отвечая на его невысказанный вопрос, только покачала головой.

Моя квартира располагалась в трехэтажном угловом доме с узкими окнами, высоченными потолками и деревянными лестницами.

Когда мы подошли к массивной деревянной крашеной двери, Костя, словно фокусник, вынул из своей бездонной куртки еще один комплект ключей. Я молча смотрела на него, подняв бровь, но он только хмыкнул с самодовольным видом, мол, да, я такой.

Внутри оказалось неожиданно просторно. Пыльно, но в целом довольно симпатично. То ли я приобрела эту квартиру со всей обстановкой и ничего в ней не меняла, то ли у меня был странный вкус. Потертый, но добротный паркет, старинная, возможно, антикварная мебель. Покрытое толстым слоем пыли фортепиано, увидев которое, Костик издал тихое

восхищенное «Оооо!». Я пожалала плечами, не имея понятия, умею ли я на нем играть.

Мы ходили, как по музею, заглядывая в комнаты и пытаюсь представить себе характер человека, который здесь когда-то жил.

С трудом верилось, что это могла быть я.

— Ты уверен, что это моя квартира? — спросила я, открывая допотопный шифоньер с мутным зеркалом во весь рост на дверце.

— Точно, твоя. Да, Женька, сам не ожидал, какая ты у нас, оказывается, утонченная натура.

— Ага, прямо духовно богатая дева.

— Откуда такое выражение? — нахмурился он, глядя на меня с недоверием.

— Не знаю. Всплыло в мозгу.

Я достала легкое летнее платьице, висящее на плечиках, приложила к себе. Размер вроде мой, но трудно себе представить, что я это когда-то носила.

— Это мое? Ты меня видел хоть раз в этом? — я повернулась к Константину, крутанувшись на пятке.

— Видел. Тебе очень идет, — Костя обошел круглый деревянный стол, покрытый связанной крючком бахромчатой скатертью, достал из шкафа другое платье, развернул меня лицом к зеркалу, приложил его к моим плечам. Легкая струящаяся темно-зеленая ткань, отливающая синевой, мягкие складки. Наверное, оно тоже мне шло, во всяком случае глаза изменили оттенок и тоже стали казаться яркими, сине-зелеными. — Вот в этом однажды видел. На вашем новогоднем корпоративе. Ты мне тогда очень понравилась. — Он положил подбородок мне на плечо, и в зеркале я увидела странное двухголовое чудище.

— И ты все равно послал меня взрывать то здание, — спокойно сказала я, глядя двухголовому отражению в светло-карие глаза.

Он выпрямился, не глядя повесил платье обратно в шкаф, развернул меня за плечи к себе и крепко, вероятно, сдерживаясь, чтобы не сдавить изо всех сил, прижал к себе. Я чувствовала сквозь ткань его рубашки, как напряглись мускулы у него на груди, как его руки с силой прошлись по моей спине, сминая ткань, стискивая меня, мешая дышать и едва не оставляя на мне синяки. Он уткнулся лицом в мои волосы и с неожиданной страстью прошептал мне в самое ухо:

— Я так рад, что ты не погибла там. И что не убила меня.

Я с трудом отстранилась от него, упираясь ладонями ему в живот и восстанавливая дыхание. Он смотрел на меня со странным выражением затаенной боли. Он не ждал прощения и сам не собирался себя прощать. Я снова провела рукой по его отросшей щетине, как тогда в больнице, когда первый раз он приблизился ко мне с грозным видом, и размышляла о том, кем был он и кем была я. И кем мы стали друг для друга за эти несколько месяцев.

— Если бы тебя не шарахнуло взрывом, ты бы убил меня... — прошептала я и почувствовала, как губы мои искривились в горькой усмешке и задрожали.

Он снова стиснул меня в объятиях так, что мое лицо прижалось к тонкой ткани его рубашки, и я заметила, как она вдруг стала быстро намокать от слез.

— Я не смог тебя убить. Хотел, но не смог. И взрыв тут ни при чем. Хотя Саидову я сказал, что это он помешал мне...

— Саидову?

Он резко отстранил меня от себя, сжав мои плечи и глядя на меня округлившимися от

внезапной догадки глазами.

— Саидов! Это тот доктор, который настаивал на продолжении того проекта с твоим участием и работал с тобой после Левина.

Он выпустил меня из рук и заметался по моей квартире, как дикий зверь, посаженный в тесную клетку. На меня он больше не глядел, кулаки его теперь были сжаты.

Я вытерла слезы, рассматривая их на своей ладони с удивлением.

— Это Саидов натравил на нас тех двоих? — уточнила я, уже придя в себя.

Он остановился, повернулся ко мне, глядя как будто сквозь меня.

— Номер телефона. Я был уверен, что уже видел его. Это телефон клиента, которого нашел Саидов уже после нашего с тобой проекта. Раньше он никогда не искал клиентов сам, а тут привел его ко мне... Я ему отказал, потому что он показался мне чокнутым. И то, что он предлагал, смердело так, что даже я не стал бы с этим связываться. Но деньги он давал хорошие, и Саидов меня уговаривал взяться за это дело... Саидов... Я не говорил ему, что поместил тебя к Бринцевичу.

— А тот клиент, которому ты отказал?..

— Он бывший военный. Вот откуда у него могут быть сведения о моем чипе.

— Так они что, с Саидовым теперь заодно?

Он сложил руки на груди, задумчиво потер подбородок.

— Я бы не удивился.

— Ты знаешь, где его найти?

— Я знаю, где найти Саидова.

Глава 16

*я в лес зашла вдруг сзади волки
и дыбом шерсть и блеск клыков
но бог помиловал сегодня
волков*

© Тихомиров

— Нет, Женька, нет! — в сотый раз с нажимом повторял Костя, держа меня за плечи и ссутулившись, чтобы заглянуть мне в глаза. — И не уговаривай!

— Я не уговариваю, — монотонно отвечала я, не пытаюсь вырваться из его цепких лап и мотаюсь, как тряпичная кукла, каждый раз, когда он меня встряхивал, — я ставлю тебя перед фактом: я иду с тобой!

— Жень, пойми, ты мне там можешь только помешать, — он злился и цедил слова сквозь зубы, играя желваками, — я с тобой буду уязвим. Ты ничем не сможешь мне помочь. У тебя нет подготовки к таким вещам.

— В ту деревню, где был твой тайник, ты тоже меня не хотел брать. А в итоге я тебе жизнь спасла. Потому что без меня ты бы оттуда не выбрался!

Он в отчаянии опустил голову и вздохнул так, что меня, казалось, подтащила к нему мощная струя воздуха, которую он втянул в свои легкие. Но нет, оказывается, это он решил сменить тактику уговоров и заключил меня в почти нежные объятия, от которых у меня опять чуть не затрещали ребра. Он стоял, раскачиваясь со мной в разные стороны, положив свой колючий подбородок мне на макушку.

— А может, связать тебя и оставить тут до утра? — задумчиво проговорил он и сжал меня еще крепче, почувствовав, что я вырываюсь.

Я вывернулась, как змея, из его медвежьих лап и стояла перед ним взъерошенная и готовая отскочить, если он сделает ко мне еще хоть шаг.

— А если тебя грохнут, я тут мумифицируюсь связанная, да? Отлично!

— Женя... — он беспомощно опустил руки, брови его страдальчески изогнулись, — дождись меня, пожалуйста, тут.

— Я иду с тобой, — тихо и отдельно выговорила я и резко вскинула ладонью вперед руку, как только увидела, что он все-таки двинулся ко мне. Он остановился, упершись грудью мне в ладонь и глядя на меня сверху вниз своими прожигающими глазами, в которых снова играли то ли отсветы заката из окна, задернутого легкой прозрачной занавеской, то ли сполохи того взрыва, который чуть нас обоих не убил. Он стоял, тяжело дыша, принимая решение, и я снова, как когда-то в лесу, видела, как моя рука подрагивает на его груди в такт биения сердца.

— Давай я покажу тебе, как пользоваться пистолетом, — наконец, выговорил он тихо, и я услышала в его голосе сдавленное рычание.

Я незаметно вздохнула с облегчением.

Несколько дней ушло на то, чтобы убедиться, что Саидова не охраняют. И что за нами

тоже нет слежки. Костя велел мне не расслабляться и все время осматриваться вокруг в поисках всяких подозрительных мелочей. Предельно внимательно всматриваться в лица случайных прохожих, и если хоть одно лицо мелькнет дважды, сразу сообщать ему.

Возле офиса, где он принимал частную клиентуру, мне удалось рассмотреть Саидова поближе. Это был невзрачный лысеющий тип с брюшком, вроде опрятно одетый, но производящий впечатление какой-то запущенности. Как будто ему не хватало женской заботы. Когда я высказала свои впечатления Косте, он одобрительно усмехнулся и подтвердил, что Саидов холостяк, и в своих хоромах живет только в окружении котов.

Сейчас этот тип показался мне нервным и слегка напуганным. Он то и дело суетливо оглядывался через плечо, словно ждал нападения из-за каждого угла, вздрагивал от резких звуков и слегка шарахался от незнакомцев, которые волею обстоятельств оказывались с ним рядом. В то же время он старался все время держаться среди людей, хотя и невооруженным глазом было заметно, что это не доставляет ему удовольствия.

Мы наблюдали за ним издали, не приближаясь. Покружили возле его офиса, прикидывая, есть ли шансы подобраться к нему так, чтобы застукать его в одиночестве, без клиентов и персонала. Элитный коттеджный поселок, где был его особняк с котами, охранялся: на въезде был шлагбаум, в будке бдил охранник, поэтому застать его дома тепленьким мы решили даже не пытаться. Вообще Костя объяснил мне, что мы еще только присматриваемся и оцениваем обстановку.

— А что ты будешь делать с Саидовым? — приставала я к нему, не уверенная, что у него есть четкий план.

Он молча психовал, сжимал и разжимал кулаки, играл желваками, хмурил брови, и весь вид его говорил о том, что плана у него нет.

— Подумай, что ты от него хочешь вообще? — я старалась разговаривать спокойно, понимая, что задеваю больное место.

— Хочу убедиться, что это не он нас заказал.

— Ну, допустим, не он. Что тогда?

— Но они должны быть связаны с тем бывшим военным. И Саидов должен меня на него вывести.

— И что? Пойдешь к нему? Убьешь его? И всю его армию?

— А что, у меня есть выбор?

Я пожала плечами.

— Зачем вы с Саидовым нужны были этому типу?

Костя перестал метаться по комнате, остановился возле круглого стола с вязаной скатертью, уперся в него обеими руками, несколько раз вздохнул, свесив голову, прежде чем начать отвечать на мой вопрос.

— Я не знаю всех деталей, потому что послал его нахрен прежде, чем он к ним перешел. Как только услышал, что он из военной разведки.

— Чего? Ты не говорил. Разве он не в отставке?

Костя пожал плечами и помотал головой одновременно, все так же нависая над столом и пряча от меня лицо.

— Ладно. Вы-то ему зачем? — не отставала я.

Я сидела на низком диванчике, уперев локти в колени, следя за костинными метаниями.

— Он отвечает за вербовку. И он хочет привлечь нас, особенно Саидова, чтобы вербовку заменить на... то, на чем специализируются Саидов с Левиным.

— Зомбирование?

Он взглянул на меня и поморщился.

— Ну, это не зомбирование в чистом виде... Скажем, промывку мозгов.

— Да ладно. Там от мозгов после вашей промывки ничего не остается, — с легкой издевкой проговорила я.

Он напряженно взглянул на меня, поджав губы; оторвался от стола, снова замаячил по комнате.

— А твоя роль в этом какая? — спросила я, снова поворачивая голову туда-сюда вслед за его перемещениями.

— Я искал нужных людей, изучал их окружение, семейные и всякие прочие обстоятельства. Продумывал оптимальные схемы, как чужими руками сделать всю нужную нам работу и не оставить никаких улик, которые могли бы привести к заказчику или к исполнителю.

— Оптимальные? — усмехнулась я.

Он остановился и, казалось, начал успокаиваться, когда речь зашла о чем-то ему хорошо известном.

— Идеальный вариант — это когда все выглядит как случайность.

— Еще какие-нибудь помощники у вас с Саидовым были?

Он помотал головой.

— Меньше народу — меньше расходу... Больше доходу.

Я хмыкнула.

— А если избавиться от тебя захотел все же Саидов?

— Тогда я его убежу... дю... — он беспомощно взглянул на меня, и я нетерпеливо кивнула:

— Убедишь, ладно... В чем?

— В том, что ему не надо этого делать.

— Как?

— У меня есть на него компромат. И если он меня грохнет или сдаст ментам, он будет обнародован.

— Это правда?

Он потер ладонью губы, резко остановился, повернулся ко мне, сунув руки в карманы.

— Компромат есть, это правда. И там есть доказательства причастности Саидова к некоторым громким «случайностям».

— И как ты его обнародуешь, если тебя грохнут? — холодно спросила я.

— Есть такие люди, которым я полностью доверяю, и которым время от времени даю о себе знать. Что со мной все в порядке.

Я фыркнула.

— А на тебя у него тоже есть компромат?

Костя пожал плечами.

— Тут вся разница в том, кому наше взаимное разоблачение менее выгодно. Ему есть что терять.

— А тебе?

Он вдруг обезоруживающе улыбнулся:

— Есть. Но об этом знаем только ты и я.

Я подумала, что он издевается.

— Мне это кажется плохой идеей, — призналась я.

— Что именно?

— Идти к Саидову.

— А есть идея получше?

— Ну, например, сдать его ментам первыми.

— Вот именно, первыми, — раздраженно огрызнулся Костя. — Вслед за ним сразу же отправлюсь я.

— Грохнуть? — осторожно спросила я, не особо веря, что эта идея действительно получше.

Он выставил кверху указательный палец и торжествующе протянул:

— Воооот! Помнится, с этого мы и начали.

— Ну а если вообще не соваться к Саидову? И к этому твоему разведчику тоже?

— Отсидеться все равно не получится. Разве что в землянке... — по его кислому выражению лица я поняла, что эта идея его тоже не вдохновляет.

— А рвануть за границу?

— Это от военного-то разведчика? — он неестественно хихикнул фальцетом.

— Но здесь-то он нас все равно найдет...

— Здесь даже у него ресурсов не хватит, пока мы сами не засветимся.

— Мне кажется, мы уже засветились...

— С документами-то? Возможно. Но не факт. У Саидова не было доступа ни к какой информации про тебя. Он имел дело только с живым материалом для работы.

Пока я раздумывала, не стоит ли мне оскорбиться на «материал», он плюхнулся рядом со мной на диван, заглянул мне в лицо.

— У нас есть в запасе еще несколько дней.

— Потом что?

— Потом нас, скорее всего, все-таки найдут.

— Ты же говорил...

— Да. Не сразу. Но рано или поздно найдут.

— Тогда что? В землянку? — я вывернула шею, чтобы взглянуть на него. Он сидел, откинувшись на спинку дивана и беспечно закинув руки за голову. И болтал носками скрещенных ног. И фыркал.

— А если все-таки в полицию? И сдать Саидова. Прямые улики против тебя есть.

Он перестал качать ногами, замер, нахмурился.

— Прямых нет, — сказал он, подумав.

— А против Саидова?

— Видео его работы с жертвами.

Он выпрямился, убрал руки из-за головы, сложил их на коленях, уставился в одну точку перед собой.

— Кто-нибудь из них выжил?

— Только ты.

— Лично ты кого-нибудь убивал? Например, из своего пистолета?

Он помотал головой, не вполне понимая, к чему я клоню.

— Значит, я — единственный свидетель против него?

— И против меня.

— Я не видела, чтобы ты при мне кого-нибудь убил. Ты вообще меня спас после взрыва.

— Да я прямо герой! — он, дурачась, выпятил грудь и нарочито сурово сдвинул брови.

— А со мной? Есть видео работы Саидова со мной? — я не поддерживала шутливого тона.

— Есть. С тобой как раз больше всего. Мне Левин посоветовал делать записи, чтобы потом просматривать и анализировать. И я писал и его, и Саидова.

— Ну так получается, что ты вообще почти ни при чем? Ты — простой исполнитель, а он — коварный организатор и главный злодей, доктор Зло.

Костя смотрел на меня долгим изучающим взглядом и казалось, всерьез взвешивал мои слова.

— Где-то что-то мы упускаем, наверняка, — он с сомнением покачал головой. — Звучит, конечно, как план, но давай мы это... оставим его на совсем уж всякий случай. План «Z». Хорошо? — он криво улыбался, теперь уже по-настоящему нахмутив свои злодейские брови, как будто я предложила ему сделать что-то шокирующее или неприличное.

— Хорошо, — сказала я серьезно, — просто имей этот план в виду, если все пойдет не так, как ты задумал.

Он обнял меня за плечи и поцеловал в щеку.

А потом мы почти поссорились.

Я настаивала на том, чтобы он принял реальные меры к тому, чтобы Костины угрозы Саидову были не пустым звуком. Костя рычал, что этим он подставит под удар и Левина, что Саидов и так наложит полные штаны от самого факта существования этих записей.

— Ну так убери записи с Левиным, оставь только Саидова, делов-то! — я была спокойна и не повышала голоса, к тому же он уже готов был признать мою правоту, и это его, кажется, еще больше бесило.

В конце концов он успокоился, перестал метаться по квартире и снова сел рядом со мной на диван.

— Мне завтра надо будет смотаться к Левину на дачу.

— Зачем?

— Записи хранятся там.

— У Левина?

— На его участке. Он об этом не знает.

— Почему там?

— Потому что там безопасно. Там их стали бы искать в последнюю очередь.

— А что ж тогда ты их сразу у Саидова не спрятал?

— Потому что особняк Саидова — настоящая крепость. С видеорекамерами, охраной, собаками и прочим дерьмом. Искать там, может, никто и не стал бы, но и добраться до них в любой момент, когда мне вдруг приспичит, я не смог бы.

— А до Левинской дачи три часа на электричке и час по лесу — это «в любой момент»?

— Поверь мне, — проникновенно сказал мне Костя, снова миролюбиво обнимая меня за плечи, — по сравнению со штурмом Саидовского замка это приятный пустячок! Прогулка!

— А ты уверен, что в любой момент сможешь штурмовать левинский участок? А вдруг там пасется его жена?

Костя беспечно отмахнулся и улегся головой ко мне на колени.

— Залезу ночью. Делов-то! — передразнил он меня, задорно щуря хитрый глаз.

— Я поеду с тобой! — непреклонно заявила я, наклонившись над его лицом, чтобы он видел всю серьезность моих намерений.

— Я даже не сомневался! — заявил он и, положив свою ладонь мне на затылок, притянул меня к себе и совершенно по-хулигански смачно чмокнул в губы.

Мы поужинали в кафешке и той же вечерней электричкой отправились за компроматом. Костя всучил мне пистолет, держа его дулом к себе, и бормоча про предохранитель. Я попыталась было отказаться, опасаясь, что проблем от него будет больше, чем пользы. Но он настоял и припомнил мне, что один раз я вполне успешно применила свое оружие, шараясь гопника по голове и сразу выиграв нам огромное преимущество перед компанией деревенских гоблинов. С сомнением покачав головой, я все же согласилась с ним, что ситуации бывают разные, и никогда не угадаешь, где следует подстелить себе соломки.

Сунув опасную игрушку, по примеру мужчины, за пояс тесных джинсов, я почувствовала, как она неприятно холодит спину и впивается своими жесткими краями и углами мне в поясницу. Ходить он мне мешал, а когда я попыталась присесть, и вовсе вывалился из-за пояса штанов с модной заниженной талией. Досадливо рыкнув, Константин отобрал у меня ствол и сунув к своему второму пистолету, уже пристроенному куда надо, предупредил, что, когда доберемся до места, он мне его отдаст.

В электричке меня накрыло дежа-вю. Я и без него прекрасно помнила, что мы ехали вот точно так же, в полупустом вагоне, и я прислонялась к стеклу, и за окном быстро темнело. Но ощущение было настолько сильное, что мне казалось, что у меня двоится в глазах, и я начинала очумело вертеть головой, а Костя посмеивался.

В этот раз он не спал. Да и у меня не возникало желания прикрыть глаза и расслабиться под успокаивающий стук колес и убаюкивающее покачивание вагона. Я не нервничала, но и не воспринимала наше предприятие как увеселительную прогулку. Костя тоже был сосредоточен, хотя и не подавал вида. Всю дорогу он держал меня за руку и иногда сжимал ее, когда ему казалось, что меня надо успокаивать.

Жара наконец-то кончилась, и если днем было не просто тепло, но даже прохладно, то теперь с заходом солнца за шкурку и в рукава тонкой куртки просачивался мерзкий липкий холод. Все как тогда.

— Ну и где спрятан твой компромат? Зарыт в саду?

— Типа того.

— Что, копать придется?

— Не, не придется, не волнуйся.

— А если в доме кто-то есть?

— Надеюсь, нас не заметят. Кстати, на, держи. Помни про предохранитель!

Он отдал мне ствол, и я опять сунула его за пояс штанов, постаравшись сделать так, чтобы он не выпадал при ходьбе и не сильно давил на поясницу. Смирившись с неудобствами, я утешила себя тем, что после костинной пазухи он хотя бы не такой холодный.

К маленькой неприметной калитке в заборе мы подкрадывались молча. Костя шел впереди, я чуть отстала, ожидая, что он запустит руку в щель и выудит оттуда ключик. Но он резко остановился, не доходя до дверцы, и выдернул из-за пояса свой пистолет. Я тихонько встала рядом с ним, чтобы понять, что его напрягло, и увидела, что на дверце была приклеена бумажная полоска с печатью. Пломба! И что она сорвана.

Костя аккуратно, двумя пальцами, подцепил деревянный край калитки и попытался ее

приоткрыть. Дверца без скрипа поддалась. Тогда он запустил пальцы в щель, где должен был лежать ключик. Или его там не должно было быть? Калитка-то открыта. Но он там был. Костя выудил его из импровизированного тайника и молча показал мне.

— Я быстро.

Я замотала головой и ухватила его за рукав.

— Не ходи туда! Смотри, тут пломба. Сорванная. Вдруг там засада?

— Это как раз было бы очень глупо, — хмыкнул мужчина.

Приоткрыв калитку, он сначала сунул в нее голову. Для этого ему пришлось согнуться в три погибели. Он замер, огляделся, потом осторожно протиснулся туда весь, стараясь не зацепиться за что-нибудь курткой и не гроыхнуть. Калитку он оставил за собой открытой. Я осмотрела окрестности, но почти полная темень не давала разглядеть что-то вокруг, даже тишина стояла такая густая, что начинала давить на уши. Постояв немного наедине с собой, обхватив себя руками, я решила и, наплевав на инструкции, покинула пост и юркнула вслед за широкой спиной Константина.

В саду было светлее, чем там, за калиткой. Дачный поселок освещался рыжими фонарями. Один такой светил как раз откуда-то сбоку от дома, и за высоким забором его не было видно. Из-за этого казалось, что маленькая калитка привела меня в сказочный зачарованный сад. Густые шапки метельчатых гортензий по-прежнему жизнерадостно цвели вдоль тропинки возле дома, придавая саду нарядный и ухоженный вид.

Костя заметил мое появление в саду, несмотря на его запрет, но не стал ни шипеть, ни махать руками. Я прикинулась ветошью и стала просто наблюдать. Мой напарник (или подельник?) осторожно двинулся вдоль дорожки, а я разглядывала дом. Мне показалось, что на входной двери тоже прилеплена бумажка с печатью, но в темноте не было видно, порвана ли она тоже, как на калитке, или осталась цела.

Костя тенью бесшумно скользнул вглубь сада, и я выдохнула с облегчением, когда увидела, что он спокойно направляется обратно ко мне, пряча что-то в задний карман джинсов.

Вдруг дверь дома распахнулась, и на пороге показалась грузная фигура. Я выхватила из-за пояса пистолет и мгновенно направила в сторону незнакомца, не забыв щелкнуть предохранителем.

Костя тоже его увидел и услышал. В его руке как по волшебству возник пистолет, и незнакомец замер на пороге.

Немая сцена длилась целую вечность. Сердце гулко бабахало и отдавалось в ушах. Мой палец лежал на спусковом крючке, и я готова была выстрелить в любую секунду. Но Костя медлил, и я, доверившись его инстинктам, ждала развития событий.

Незнакомец, надо отдать ему должное, первым взял себя в руки и, кажется, вообразил, что ему нечего бояться, раз уж его сразу не продырявили. Может, и надо было. Он сошел с крыльца и без всякой боязни встал между мной и Костей. Причем смотрел он на меня, пренебрежительно повернувшись к моему спутнику спиной. Самое время треснуть его по затылку и уже потом разбираться, с чего вдруг этот тип так осмелел. Однако Костя повел себя странно. Он медленно сунул руку в карман штанов, куда перед этим беспечно сунул то, за чем мы сюда приехали, вынул маленький предмет размером с фалангу пальца и, убедившись, что я перехватила его взгляд, незаметным движением, так, чтобы видела только я, нагнувшись, выбросил штучку под густой куст гортензии.

— Стой! — сказал он спокойно в спину незнакомца, увидев, что тот продолжает

двигаться в моем направлении.

Мужчина остановился, медленно повернул голову в его сторону, и в свете рыжего фонаря я, наконец, узнала его профиль. Саидов! Сейчас он был одет в трикотажный спортивный костюм. Капюшон толстовки прикрывал его неопрятную голову с жиденькими волосиками, поэтому в темноте узнать его было не так-то просто. Костя, похоже, еще раньше меня определил его личность, потому что на его лице не отразилось ни тени удивления.

— Какая неожиданная встреча! — промурлыкал наш гость приторным голосом.

— Заткнись, — прошипел Костя ему в спину и щелкнул предохранителем.

— Море волнуется раз, — растягивая слова, глядя мне в лицо, сказал вдруг Саидов.

Мир вокруг меня медленно превратился в желе. Застыли звуки, застыли две мужские фигуры в саду, застыла я сама, не в состоянии пошевелиться.

— А мы-то с Герасимовым с ног сбились. Двоих человечков, которые отправились за вами, так и не дождались. Ловко вы их.

Я сделала огромное усилие, чтобы моргнуть, веки шевелились медленно, преодолевая сопротивление окружившего меня прозрачного плотного желе.

— Это не мы, — подал голос Костя из-за его спины. — Где Левин?

— Убили его! Море волнуется два! — прошипел Саидов, и звук его голоса отчетливо вонзился в мой мозг, оставив в нем режущий уши свист.

Сквозь вяло колышущееся желе я вдруг увидела, как Костя вскинул руку с пистолетом и что-то крикнул мне.

— Море волнуется три, — сказал у меня в мозгу скрежещущий голос.

Желе перестало колыхаться, но все звуки исчезли. Как в замедленном кино, я увидела, что Костя прыгнул на Саидова и схватил его одной рукой за горло, а другой рукой нанес ему удар рукоятью пистолета по макушке. Я слышала только хриплое дыхание Саидова, который силился отогнуть Костину руку с пистолетом от своей шеи. Капюшон толстовки смягчил удар, и Костя треснул еще раз, посильнее. Падая, тот успел выкрикнуть последние слова «ключа»:

— Морская фигура... замри!

Больше я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, ни глазами. Я почти перестала слышать даже голос, который хрипло приказывал сквозь застилавший все черно-красный туман:

— Стреляй в него! Стреляй в Костю!

Вокруг меня установилась звенящая тишина. Я перевела пистолет с Саидова на Костю, который выпустил горло своего врага, позволив ему мешком брякнуться к его ногам, и опустил ствол, глядя на меня. Он что-то говорил мне, но звуки не доходили до меня, как будто доносились из-за толстой стеклянной стены.

— Стреляй!

Голос Саидова, лежащего на земле, упираясь в нее локтями, почему-то с легкостью пробился сквозь эту стену, и моя рука крепче сжала рукоять пистолета. Я с ужасом почувствовала, как мой палец начинает нажимать на спусковой крючок. Я попыталась перевести дуло пистолета обратно на Саидова, но у меня ничего не вышло. Я хотела крикнуть Косте, чтобы он бежал, но как только он отступил на шаг, словно прочитав мои мысли, я шагнула к нему, все так же направляя смертоносное дуло ему в сердце.

Попыталась разжать пальцы, чтобы проклятый пистолет выпал из моей руки. Но тело меня не слушалось. Все, что мне удавалось сделать — это ничего не делать. Саидов уже

вполне пришел в себя и благоразумно уполз с дорожки из-под ног Кости на газонную травку, и теперь, сидя на земле, ярился и орал, чтобы я немедленно стреляла. Его визг я почему-то все еще слышала, хотя он искажился до неузнаваемости. Сейчас он больше походил на скрежет железа по стеклу, чем на человеческий голос.

Глаза стала застилать черно-красная мгла, в ушах пульсировал, нарастая, нестерпимый звон, от которого, казалось, голова вот-вот лопнет.

И тогда Костя шагнул ко мне, прямо под дуло пистолета, и уперся в него грудью. Он заслонил от меня Саидова своими широкими плечами и, глядя мне в глаза, что-то говорил. Я видела, как медленно шевелятся его губы, но не могла, как ни старалась, разобрать ни слова.

Потом до меня донесся хохот Саидова, искаженный, словно эхом:

— Ты что, спятил? Она тебя не слышит! И ты думаешь, что у тебя есть действующий стоп-ключ? Вот это «Баю-баюшки-баю»? Ха-ха! — Костик, не выдержав, отвлекся от меня буквально на секунду и заехал ему ногой в голову, после чего тот прервал свое ехидное хихиканье, покатился по траве и закашлялся.

До меня вдруг дошло, что пытался сказать мне Костя. Он не говорил, он пел мне колыбельную! Я из последних сил, сквозь сгущающуюся красную мглу, от которой уже начинало жечь глаза, вспомнила, как звучал его голос, когда он пел мне эту песенку, когда мы лежали с ним на голой земле посреди ночного леса.

И тогда сквозь усиливающийся звон в ушах я услышала его, Костин, реальный, живой голос, который и сейчас, точно так же, как тогда, хрипло допевал мне про «сладкую конфеточку».

Я выстрелила. Не в сердце, куда изначально смотрел ствол, а все в то же злосчастное плечо, которое не так давно сама же и лечила, в самое последнее мгновение нечеловеческим усилием воли вскинув дуло пистолета.

Костя отступил на шаг и, не сводя с меня помутившегося взгляда, прочертил у себя на груди пальцем букву Z.

Звук выстрела оглушил меня, но звон в голове стал стихать. Я на мгновение закрыла глаза, чувствуя, как горло сдавливает спазм и становится трудно дышать. Когда я открыла глаза, красная муть почти спала, и в голове слегка прояснилось, исчезло ощущение желе. Костя, шатаясь, отступил еще на шаг, потом колени его подогнулись, и он вскинув руку, защищая ею лицо, рухнул ничком на землю. Я услышала, как брякнул об утоптанную землю садовой дорожки Костин пистолет, и внезапно поняла, что ко мне вернулась способность дышать и даже двигаться самостоятельно. Правда, мысли путались, было трудно сосредоточиться на чем-то, приходилось делать усилие, чтобы понять, что мне сейчас нужно делать. Я повернулась к Саидову и направила пистолет на него. Он заскулил.

— Ты должна теперь убить себя!

Я скрежетнула зубами и с усилием выговорила, еле ворочая языком:

— Хрен тебе! Звони!

— К-куда? — глаза его округлились, брови поползли вверх, но рука метнулась к карману толстовки.

— Давай телефон!

Он протянул мне телефон, я схватила его и отступила на шаг, продолжая держать гаденьша на мушке. Он пошевелился, но я негромко посоветовала ему не вставать, пока разблокировала экран и листала теперь страницы рабочего стола в поисках нужного ярлычка.

— Женя, посмотри на меня! — он попытался придать своему голосу властности, и я машинально вскинула на него глаза, запоздало сообразив, что он снова начнет пытаться промывать мне остатки моего мозга.

— Я тебе сейчас всю твою башку разнесу, — прошипела я и направила дуло пистолета ему в лицо.

Наконец, на экране возникли цифры, и я стала соображать, что не знаю, как вызывать с мобильного «Скорую» или полицию.

— Как вызвать «Скорую»? — рявкнула я.

— Нельзя ему «Скорую»! Полиция тут же прискачет, всем не поздоровится!

Я вытянула руку с пистолетом и сжала зубы.

— Нет! — взвизгнул он, пытаясь закрыться руками. — Он все равно сдохнет, о себе подумай, дура! Тебя же и посадят за его убийство

— Ну нет, не за его! Если меня и посадят, то за твое убийство!

Я выстрелила ему в ногу. Он заорал и скорчился на земле, зажимая руками рану, пытаясь остановить кровь.

— Так как вызвать «Скорую»?

— Ноль-тридцать! — провыл он.

Я набрала номер и стала ждать соединения.

— Скорая...

— Алло! Двое мужчин ранены из пистолета.

— Адрес?

— Эээ... сейчас, секундочку... Говори адрес!

Я снова вытянула руку с пистолетом, направив дуло Саидову между глаз, и он затараторил:

— Станция «Сто четвертый километр», дачный поселок «Силикатный карьер».

Я повторила все это в трубку.

— Ого. Хорошо, девушка, ждите, мы свяжемся с ближайшим к вам фельдшерско-акушерским пунктом.

— И полицию! — успела я пискнуть в трубку.

Ждать «Скорую» пришлось больше часа. За это время Костя успел прийти в себя, я, отдав ему пистолет, обшарила дом Левина в поисках аптечки. Пока я рылась в шкафчиках, снаружи громыхнул еще один выстрел. Я выскочила, прижимая к себе аптечку, опасаясь, что на этот раз она уже не пригодится, но оказалось, что это Косте пришлось выстрелить в землю рядом с ногой Саидова, когда он попытался уползти подальше.

Пока я накладывала Косте кривую и бестолковую повязку, но в этот раз хотя бы из нормального бинта, он держал его на прицеле и допрашивал. Оказалось, что Саидов здесь искал то же, что и мы. Точнее, охотился он собственно не на сам компромат, а вообще на Левинский архив, о существовании которого не без оснований подозревал.

Саидов подтвердил, что охоту на нас устроили они с Герасимовым, и что Костя нужен был живым, чтобы в частности, расспросить его про этот мифический архив, а до кучи — они не теряли надежду склонить его к сотрудничеству. А вот я спутала им все карты. Я швырнула ему бинт, чтобы он сам оказывал себе первую помощь.

Две машины «Скорой помощи» и полиция прибыли друг за дружкой, причем это были три одинаково раздолбанных УАЗика-«буханки».

Костю и Саидова увезли первыми, причем на обоих надели наручники. Я с облегчением вздохнула, когда мой напарник, прежде чем его погрузили на носилках в машину, куда залез один из прибывших полицейских, снова начертил в воздухе букву Z. Саидова тоже сопровождал полицейский.

На меня тоже надели наручники и посадили в полицейскую «буханку», снова опечатали дом и сад, и машина с ревом, подпрыгивая на ухабах, помчалась по ночному лесу.

Глава 17

*здесь он курил смотрите ватсон
он дважды стряхивал табак
а здесь он до смерти боялся
собак*

© Вороныч

Я провела ночь в местном «обезьяннике», потом меня привезли в родной город и поместили в следственный изолятор в компанию очень разношерстных и разномастных почти в буквальном смысле женщин.

По поводу своего ближайшего будущего я не строила иллюзий.

Однако прожженные и сильно битые жизнью «девчонки» в СИЗО утверждали, что со следователем мне повезло: дотошный и занудный, Клочков не станет оставлять без внимания ни одной мелочи.

Он обрадовался мне как родной, когда понял, что я готова рассказывать все без утайки. Очень удивился, когда я отказалась признать себя виновной в том, что стреляла в двух человек, не отрицая того, что я действительно в них стреляла.

Когда же я заявила, что сделала это в состоянии помешательства, или гипноза, или зомбирования, назовите как хотите, он сначала расфыркался, потом скептически крутил ладонью возле виска и, повернув голову вбок, как голубь, рассматривал меня одним глазом.

— Ты что, из этих, инопланетянами украденных?

— Нет, — спокойно отозвалась я, — со мной работали Левин и Саидов, психиатры.

Он выпучил глаза, однако не поленился, вызвал эксперта, и меня снова, как у Бринцевича, тестировали, проверяли, прощупывали и проверяли на вменяемость, думая, что я собираюсь откосить «по этому делу». Я подтвердила, что в дурке я действительно побывала. А кто бы не побывал на моем месте?

Бринцевича тоже вызывали в качестве свидетеля. Он криво улыбнулся мне, когда я при встрече вяло сделала ему ручкой, и подтвердил, что я провела в его клинике несколько месяцев с диагнозом «посттравматическая амнезия» и еще рядом расстройств.

Клочков после консультации с Бринцевичем стал относиться к моим словам с большим вниманием, и когда я ему указала, что у Левина на участке под кустом гортензии должен находиться предмет, из-за которого и случилась вся та заварушка со стрельбой, он немедленно послал оперативников прочесывать сад.

Под кустом гортензии нашли завернутую в несколько слоев целлофана малюсенькую флешку, на которой было записано несколько гигабайт видео. В основном работа со мной Левина и Саидова, но были и другие фигуранты, которые тоже заинтересовали следователя, и он помчался перекапывать старые дела.

После этого отношение следователя ко мне переменялось. Насколько я поняла, теперь он рассматривал меня не в качестве основной подозреваемой, а скорее как бесценного свидетеля. Правда, выпускать из СИЗО пока не собирался, намереваясь заменить статью обвинения с «покушения на убийство» по крайней мере на «незаконное ношение

огнестрельного оружия».

Бесконечные допросы продолжались.

Несколько раз мои показания «пропускали» через полиграф. Это было забавно. Я обнаружила, что могу болтать все, что угодно, и детектор лжи с чистой совестью подтверждал, что я говорю правду и ничего кроме правды. Однако чуть не спалилась, когда первый раз для проверки меня просили солгать. Пришлось убедить себя, что я вру, чтобы прибор зарегистрировал отклонения. Так как я успела уверить всех, что чувствование эмоций мне недоступно, то теперь ровным тоном выдавала те сведения, в которых я была уверена: что я не помню свою настоящую фамилию, кто мои родители, где я росла и кто меня воспитывал. Что я ничего не помню ровно до того момента, когда я очнулась в приемном покое незнакомой мне больницы после взрыва.

Что мужчина, которого я знала исключительно под именем Константин, без всякой фамилии, которую я так и не удосужилась спросить, поместил меня в клинику и несколько раз навещал там. Что потом он же забрал меня оттуда, уверяя, что меня хотят убить.

— И вы вот так запросто пошли неведомо куда с практически незнакомым человеком?

— А у меня был выбор? К тому же для меня абсолютно все люди были незнакомы. Ну кроме доктора Бринцевича, бабы Гали и кое-кого из персонала клиники. Да мне вообще было все равно, куда идти.

— Почему он не отвел вас к вам домой?

— Спросите у него. Я вот, например, до недавнего времени и не знала, что у меня есть дом.

— Спросим, спросим, — многозначительно пообещал Клочков, набычившись и поджав губы.

— Как он, кстати, жив? — сбавив тон, спросила я.

— Жив, жив, — отмахнулся следователь раздраженно и потряс рукой в направлении полиграфа, — не отвлекайся, давай сначала с этим покончим. Вопросы задаю я!

Я пожалала плечами и попыталась независимо скрестить руки на груди, но помешала целая куча датчиков, которыми меня облепили и обмотали проводами, как новогоднюю елку.

— У нас есть сведения, что твое пребывание в клинике Бринцевича оплачивал не Костя.

— Да, он мне тоже сказал, что оплачивал Левин... Но я точно не знаю, я же не видела счетов. Спросите у Бринцевича!

— Спросим, спросим, — опять покивал Клочков.

Я придерживалась плана «Z», уверенная, что именно этого добивался от меня Костя, когда, прощаясь, изображал пальцем зигзаг.

Я утверждала, что Левина мы оставили на даче живым и здоровым в компании целой батареи алкогольной продукции, при помощи которой он намеревался зализывать душевные раны после ссоры с женой. Из задаваемых мне вопросов я, в свою очередь, сделала выводы, что убили его из огнестрельного оружия, пули и гильзы которого не имеют никакого отношения к Костиными пистолетам. И незаметно перевела дух, поняв, что убийство Левина на нас никак не повесить.

Допрос с применением детектора лжи продолжался несколько часов, и он был далеко не последний. После этого еще несколько раз ко мне подключали всякие датчики, надевали на голову какой-то стальной обруч и выводили на монитор цветное изображение каких-то загогулин, которые показывали состояние и активность разных долей мозга, когда я

выдавала уже известную и новую информацию. Я не смогла сообщить название ни одного населенного пункта. Не сумела показать на карте, в какую сторону и сколько часов мы шли по рельсам. Но Клочков и его коллеги оживились и заинтересованно переглянулись, когда я рассказала им про то, как мы встретили ролевиков-реконструкторов, у которых в начале августа проходила региональная игра. Клочков кивнул, и его молодой помощник умчался куда-то что-то выяснять и подтвердить.

Бывало, что по несколько дней меня никуда не вызывали, со мной никто не желал беседовать, расспрашивать.

Моя адвокатесса, моложавая, ухоженная и элегантная женщина, была мной довольна. Всегда спокойная и невозмутимая, она не делала лишних, суетливых движений, не шуршала нервно бумажками, не постукивала ручкой. На ее лице, казалось, всегда блуждает полуулыбка, при взгляде на которую иногда возникало ощущение, что женщина задумалась о чем-то своем. Она не кивала, смотрела собеседнику в глаза, не отводя взгляда, и даже почти не моргала. И только когда она задавала какой-нибудь неожиданный, но всегда очень уместный вопрос, чтобы что-то прояснить или уточнить, становилось понятно, что она не упускает ни одного слова, и что она стремится увидеть всю картину.

Костю представляла не она. Но она добилась разрешения на встречу с ним, как только его состояние позволило перевести его из травматологии, где его прооперировали под охраной, сначала в тюремный лазарет, а потом в общую камеру следственного изолятора.

— Он поправляется, — сообщила она мне, хотя я ее не спрашивала об этом, даже зная, что она с ним встречалась.

— Рада это слышать, — сдержанно сказала я, опустив глаза.

— В каких вы с ним отношениях? — спокойно спросила она все с той же благожелательной загадочной полуулыбкой.

Она ничего не записывала, и, видимо, интересовалась просто чтобы понять.

Я была готова услышать этот вопрос от кого угодно: от следователя, от нее... Но все равно, даже зная, что меня будут об этом спрашивать, я не знала, что на него отвечать.

— Мы с ним спали, если вы об этом...

— И об этом тоже, — невозмутимо кивнула она, — но меня интересуют ваши чувства. Вы в него влюблены?

Я пожала плечами.

— Не знаю, способна ли я испытывать любовь... Но мне бы не хотелось, чтобы с ним случилось что-то плохое.

— Что вы чувствовали, когда целились в него? — в ее глазах мелькнула искра живого интереса.

Я попыталась вспомнить и ответить искренне.

— Хотела его спасти, но все, что мне удавалось — это просто не стрелять какое-то время. — Я говорила медленно, стараясь подобрать такие слова, которые бы позволили постороннему человеку хоть на миг представить себя в моей шкуре. — Эта программа, которую активировал Саидов — она блокирует собственные чувства и эмоции. Когда он произнес весь «ключ», я почти перестала видеть, слышать, двигаться, соображать, осязать... Я превратилась просто в пустоту: ничего не вижу, не слышу, не помню, не чувствую, не осязаю. Пять чувств пустоты. И приказ. Который невозможно не выполнить. Если бы он мне приказал стрелять не в Костю, а в себя, я бы точно так же выстрелила и не смогла бы ничего с этим поделать.

Светлана Алексеевна слушала меня и медленно кивала, показывая, что понимает, каково мне пришлось.

— Что произошло, когда вы выстрелили?

— Программа была завершена. Саидов говорил, что я должна была умереть. Не знаю. Я почувствовала спазм, который мешал мне дышать, но это прошло. Голова еще гудела потом, но...

— Мы нашли на записях съемку того, как Саидов работал с вами по этой программе. Как вы и сказали, был зафиксирован набор акустических сигналов... — она замаялась, не решаясь повторить вслух слова детской считалочки, которая и послужила ключом активации.

— «Море волнуется раз...» — спокойно выговорила я, и увидела, как адвокатесса заметно вздрогнула, впервые проявляя нормальные человеческие эмоции. — Эта программа больше не действует. Я ее выполнила, хоть и не до конца...

— Щелкунов тоже понял, как нужно завершить программу? Поэтому он сам подставился под ваш выстрел?

— Кто? — не поняла я.

— Щелкунов. Костя ваш.

— Щелкунов? Я не знала... Да, он понял и попытался пробиться к моему собственному «Я», чтобы я продолжала сопротивляться.

Она замолчала, но не спешила уходить.

— Скажите, вы просмотрели все записи... ну, того, как Саидов работал со мной? Есть еще какие-то программы?

— Мы не уверены, но кажется, ничего подобного больше нет. Это «Море» он запрограммировал на всякий случай, это, так сказать, был его козырь в рукаве, — она явственно усмехнулась, — и он придумал это втайне от своих коллег. Он только не знал, что все ваши с ним «беседы» записываются. И мы не смогли определить, какие вещества он вам вводил.

Про «вещества» я тоже не имела понятия, хотя и припомнила, как что-то похожее говорили Левин и Костя.

На прощание она сказала, что постарается убедить следователей рассматривать мой выстрел в ногу Саидова как действия в состоянии аффекта, и что она будет добиваться моего освобождения под подписку о невыезде.

Мне не особенно верилось в подобный исход дела...

«Девчонки» в СИЗО относились ко мне настороженно. Меня никто не задирал и не лез ко мне с расспросами, как и за что я сюда загремела. Видимо, слухами земля полнится... И в подружки тоже никто особенно не набивался. Я держалась особняком, тоже не испытывая нужды ни в чьем обществе.

Только однажды одна из самых дерзких молодых девиц, тощая блондинка с конским хвостом, осторожно обойдя меня кругом, сказала вслух:

— Море волнуется раз...

Все замерли, ожидая моей реакции, и я в том числе. В звенящей тишине было слышно, казалось, как шевелятся уши и хлопают глаза.

Я медленно встала со своей койки, не делая резких движений. Медленно подняла на провокаторшу руку с зажатым в ней воображаемым пистолетом. Девица попятилась, чуть не

сбив с ног зазевавшуюся соседку. Глаза ее округлились, рот остался открытым, продолжение «ключа» застряло в глотке. Я, не двигая ни единым мускулом на лице, молча смотрела ей в глаза, выдерживая драматическую паузу. И когда напряжение в помещении достигло пика и стало почти осязаемым, тихо сказала, нажав на воображаемый курок:

— Ба-бах!

Оглушительный визг раздался сразу со всех сторон, и когда в камеру ворвалась охрана, все мои соседки, сохраняя неподвижность и огорошенный вид, даже не смогли толком объяснить, что случилось.

Когда шумиха улеглась, и недовольная охранница удалилась, пригрозив нарушителям дисциплины карцером, дерзкая девица в спортивном костюме осторожно приблизилась ко мне. Я настороженно ждала продолжения инцидента, и вся комната тоже притихла.

— Ты это... не шути так больше, — осторожно сказала она, поглядывая на меня все еще круглыми глазами, часто хлопая короткими светлыми ресничками.

— Ну и ты поосторожнее, — ответила я ровным тоном, — представляешь, если бы это была реально действующая программа? А если бы я успела тут кого-нибудь покалечить?

Дамы переглянулись, и блондинка потихоньку ретировалась, посчитав, что достаточные извинения с обеих стороны принесены и приняты. Больше меня никто не доставал.

За несколько недель моего пребывания в этом месте я прошла несколько стадий: нервного ожидания и желание хоть какой-то определенности; апатии, покорности и готовности принять все, что выпадет на мою странную участь. Я с горечью осознавала, что дурацкая поговорка, бытующая среди моих соседок по камере «судьба такой шершавый» как нельзя более подходит мне.

Со временем я вернулась в то состояние, в котором в свое время пребывала в клинике Бринцевича: каждый день подчинен сложившемуся распорядку, и подчинение этой определенности — это тоже был мой способ выживать после взрыва, с которого началась моя теперешняя жизнь. Меня кормили, одевали, мне было тепло, и спала я не под открытым небом. Вокруг меня снова были люди, каждый со своей историей, со своими особенными «тараканами» в голове, но меня не покидало ощущение, что я по-прежнему борюсь за жизнь.

Потом, когда следствие достигло определенной стадии: то ли оперативники получили какие-то новые данные, то ли подтвердилось то, что я им сообщало до этого, Клочков взялся за меня с удвоенной энергией. Он снова стал выпрашивать, куда мы отправились после встречи с толкиенистами.

Я в очередной раз рассказала, как на лагерь напали двое вооруженных типов, которые интересовались конкретно нами. Как мы сбежали через лаз на речку, как потом додумались выковырять из Костика маячок. На этом месте моего рассказа Клочков задумчиво кивал своей коротко стриженной круглой головой с редким светлым пушком и рылся в своих бумажках. Потом он потребовал, чтобы я вспомнила, куда точно мы направились из лагеря.

— Мне казалось, что мы идем все время на север, — неуверенно сказала я, твердо решив не упоминать про землянку.

— У Щелкунова была какая-то цель?

— Да, — твердо сказала я. — Это заброшенная деревня, где у него был какой-то схрон: оружие, деньги и документы.

— Дошли? — азартно спросил он, вскинув на меня блестящие глаза.

— Дошли. Там Костика подстрелили.

Эффект от моих слов был подобен моему тихому «ба-бах» в камере, только следователь и его коллеги не завизжали, а молча уставились на меня.

— Ты чего молчала-то об этом? — зловещим шепотом спросил Клочков, как-то нехорошо оскалившись.

— Вы не спрашивали, — невозмутимо ответила я, — к тому же это были не те типы, а по-моему, совершенно левые, случайные, люди. Кажется, инкассаторы.

— Случайные? — страшным шепотом переспросил Клочков, и я увидела, как на лицо его покраснело, а на виске вздулись изогнутые вены.

— Да, — с нажимом подтвердила я, тоже слегка подавшись вперед, уставившись в покрасневшее лицо следователя, — уверена, что случайные. Они нас там не ждали, они приехали, когда мы были уже на месте, точно зная, что там никого не может быть, в этой глуши. Они спокойно сгружали свои баулы. Но потом Костя привлек их внимание, и они его расстреляли из автомата. А потом уехали.

Я откинулась обратно на спинку жесткого стула и уставилась в свое взъерошенное отражение в огромном зеркальном окне, гадая, смотрит на меня сейчас оттуда кто-нибудь или все заинтересованные лица находятся тут: Клочков навис над столом со своими бумажками, его помощник прислонился к стене, сложив руки на груди, а мой адвокат Светлана Алексеевна молча сверлила своими пронизательными глазами за толстыми линзами очков следователя и всю его братию.

В допросной установилась гнетущая тишина.

— А что было потом? — очень тихо спросил Клочков, глядя на меня исподлобья своими бесцветными глазами.

— Я вытащила Костю из погреба, где его расстреляли. Он был ранен. Мы ушли оттуда к озеру. Это примерно в двадцати километрах от деревни. Потом, примерно дней через пять-шесть, мы услышали выстрелы. Одиночные и автоматные очереди. Потом еще через какое-то время ветер донес до нас запах пожара. Косте было уже получше, и мы решили сходить туда, посмотреть. Пришли — а там пожар. Та деревня сгорела.

— Вы заглядывали внутрь?

— Да, вечером, когда огонь угас, мы сходили, посмотрели.

— И что? — нетерпеливо спросил Клочков.

— Никого живых мы там не увидели...

— А мертвых?

— Два обгорелых трупа в том доме, где в Костю стреляли. И пистолет там рядом с одним валялся. Мы ничего не трогали, ушли сразу.

— Виталий Аркадьевич... — подал голос молодой помощник Клочкова.

Клочком молча обернулся в его сторону.

— Я пошлю...

— Мухой! Пулей! — сквозь зубы рявкнул Клочков.

— Виталий Аркадьевич, — теперь к нему обращалась адвокат.

Он перевел на нее злобный взгляд, но ее это не смутило, и она как ни в чем не бывало достала из своей папки какой-то листок, аккуратно положила перед ним на стол.

— Моя клиентка активно сотрудничает со следствием, я прошу вас, если вы закончили сегодняшний допрос, выписать ей пропуск на выход. Вот постановление о ее освобождении из предварительного заключения под подписку о невыезде. Она обещает соблюдать условия

и являться по первому требованию на допросы или беседы в качестве свидетеля. Я буду ходатайствовать о снятии с нее обвинений. Она жертва, а не преступница.

Я не верила своим ушам.

Следователь ознакомился с бумажкой, молча кивнул и поставил подпись на протянутом адвокатом пропуске.

— Завтра прошу явиться, продолжим допрос.

Я кивнула и встала, все еще не веря, что могу быть свободна. Адвокат улыбнулась мне одними губами:

— Пойдемте, Евгения, я вас провожу.

Такси довезло меня, замерзшую, до дома. Я открыла дверь своими ключами, которые мне вернули при выходе из здания Следственного Комитета. Руки мои тряслись, не то от промозглого холода, не то от слабости. Я разулась, прошла, не включая свет, до своей спальни, к которой я так и не привыкла и так и не научилась считать ее своим «гнездом», не раздеваясь, упала на кровать и отключилась.

Следующие несколько дней я провела как в тумане. Я шаталась по квартире, не в состоянии найти в своей голове ни единой годной мысли. Долго раздумывала, но решила, что нет другого выхода, взяла немного Костиных денег из его рюкзака и сходила в магазин за продуктами. Сварила себе пачкупельменей и, не чувствуя их вкуса, съела.

На очередном допросе у Клочкова я узнала, что эксперты-криминалисты нашли сгоревшую деревню. Все, как я говорила: два обгоревших трупа, пистолет, стреляные гильзы, в том числе автоматные. Точно установили, что имел место поджог.

В погребке нашли следы засохшей Костиной крови.

Следы автомобильных шин за это время успело смыть дождями.

Через несколько дней Клочков получил результаты экспертизы. Было установлено, что из пистолета, найденного рядом с обгоревшими останками, был застрелен доктор Левин. Личности погибших установить пока не удалось. Сами они, как выяснилось, были убиты из автомата, гильзы которого были найдены там же.

Подозревали двух инкассаторов, объявленных в розыск за то, что ограбили и угнали инкассаторский броневик с крупной суммой денег, ранив при этом своего же товарища.

Клочков показывал мне фотографии, но я признала, что не смогла бы их опознать, так как видела их только издали.

Я возвращалась после допросов домой и погружалась в атмосферу мрачной заброшенности, чувствуя себя бесполезной и бесцельной пустышкой, ни на что не годной и лишенной каких бы то ни было желаний.

Еще неделя пролетела впустую.

Потом по телевидению прошла сенсационная информация о том, что нечистых на руку инкассаторов взяли тепленькими, чуть ли не в подштанниках, в какой-то глухой деревне, вычислив по сигналу мобильного телефона. Я сразу вспомнила, как Костя настойчиво не желал иметь дело ни с какими мобильниками, даже со старыми, кнопочными, не оснащенными GPS. Похищенные деньги отыскивались, но не полностью. Не хватало пятнадцати миллионов.

Теперь у меня было одно желание — сделать все возможное и даже невозможное, чтобы

Костю тоже освободили, и кажется, начал вырисовываться план по его осуществлению. Я боялась сглазить, но мне начало казаться, что план «Z» работает.

Глава 18

*казалось даже для эмоций
не оставалось больше сил
но ты пришёл и добрым словом
взбесил*
© Муля

Идей не было решительно никаких. Я не знала, как идут дела у Кости, а спросить об этом у Клочкова не было случая. Несколько раз я дожидалась, когда он выйдет из здания Следственного Комитета, стоя снаружи, за решетчатой оградой, и следила за тем, как он садится в свой автомобиль. Можно было, конечно, просто позвонить ему на мобильник, он снабдил меня своей визиткой. Но я так и не удосужилась купить себе собственный сотовый телефон, считая, что звонить мне некому, а те, кому вдруг понадобится я, меня и так найдут.

Затянувшееся бабье лето сменилось такими промозглыми серыми дождливыми днями с их свинцово нависающими над самой головой тучами, запахами листвы, мокнущей на тротуарах причудливой мозаикой, которые наиболее соответствовали моему душевному состоянию: ни единого светлого лучика, ни проблеска надежды на удачный исход Костиного дела.

Найдя у себя в шкафу подходящую куртку и осенние сапоги, я часами бродила под дождем, как брошенное животное, по парку возле своего дома, потом незаметно для себя выбиралась в более оживленную часть города и неизменно оказывалась неподалеку от СИЗО.

Торчать дома в пустой, полузаброшенной квартире, которая с моим появлением нисколько не приобрела более обжитой вид, было тягостно. Лежа животом на подоконнике, упершись лбом в грязное холодное стекло, глядя на плавающие в лужах пока еще яркие кленовые листья, я подумала было, не начать ли искать себе работу. Правда, я понятия не имела, какое у меня образование, и помню ли я хоть что-то из того, чему меня где-то когда-то учили. Надо бы найти свои бумаги...

За этими раздумьями застал меня звонок в дверь, от которого я буквально подскочила на месте.

За то время, что я нерешительно двигалась в сторону входной двери, задавая себе вопрос, стоит ли открывать, звонок брякнул еще дважды. Потом из-за двери раздался негромкий мужской голос, который я слышала, без сомнения, впервые:

— Евгения, откройте, пожалуйста, надо поговорить. Я знаю, что вы сейчас дома.

Жалея, что со мной нет Костиного пистолета, чтобы в случае чего хотя бы попытаться стукнуть им незнакомца по макушке, я нашла в прихожей туфлю на шпильке, зажала ее в руке, держа за носок и пряча за спину, и все-таки открыла дверь.

Передо мной стоял немолодой мужчина, одетый в черную куртку с капюшоном, нависающим над верхней половиной лица, бежевый свитер явно ручной вязки, выглядывающий из воротника куртки, туфли и светлые вельветовые брюки, промокшие чуть ли не до колен. Явно пешком сюда приперся, с капюшона струйками стекала ему под ноги

вода. Хоть бы зонт прихватил. Он был высок, подтянут и выглядел бы привлекательным для мужчины его возраста, если бы не глубоко посаженные темные глаза, которые навевали мысли о свихнувшихся колдунах или маньяках-убийцах своим опасным неподвижным блеском.

Я не двигалась с места, не собираясь приглашать посетителя внутрь квартиры, но он, откинув с лица капюшон, чуть встряхнув головой, решительно оттеснил меня вглубь коридора и пригласил себя сам, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Не пугайтесь, Женя. Я пока с миром. — Он нехорошо усмехнулся, давая понять своим подчеркнутым «пока», что бояться его мне все-таки следует.

— Что вы хотите? — запугать меня не так-то просто, учитывая, что мне почти нечего терять, кроме собственного тела и разума.

— Поговорить.

Голос его звучал негромко, но уверенно и властно. Чувствовалось, что он привык раздавать приказания, а также к тому, что они выполняются неукоснительно, без промедления, и их не приходится повторять, даже если они были произнесены шепотом.

Поговорить так поговорить. Я повернулась к незнакомцу спиной, демонстративно положила туфлю на место и прошла в кухню, не сомневаясь, что посетитель проследует за мной и без моего формального приглашения. К моему удивлению, он даже разулся: я услышала, как он снимает обувь и почти беззвучно ступает за мной по паркету.

Я села за стол, покрытый белой клеенчатой скатертью, имитирующей кружево, и, как примерная ученица, готовая к уроку, сложила руки перед собой. Он устроился напротив меня боком, облокотившись одной рукой на стол, а другой на спинку стула, слегка сгорбившись, и молчал, видимо, собираясь с мыслями.

— Чай, значит, предлагать не будете, — усмехнулся мужчина, переведя на меня цепкий взгляд из-под нависших бровей.

Я качнула головой, и он, вздохнув, продолжил:

— Ну и ладно. Я, собственно, не за этим. Вы не догадываетесь, кто я?

— Вариантов у меня не очень много, — спокойно проговорила я, — но я хотела бы узнать это от вас.

Солнце, совершенно некстати проглянувшее вдруг в разрыве быстро несущихся по небу низких туч, осветило лицо незнакомца, и я разглядела, что глаза у него были светло-серые, прозрачные, и напоминали валяющиеся под ногами в пыли грязные стеклянные осколки с их колючим блеском.

— Вы не напуганы, — отметил мужчина и сунул руку в карман.

— А вам надо, чтобы я боялась? Вы вроде хотели поговорить. Я слушаю.

— Но вы враждебно настроены.

— Ничуть, — все так же спокойно возразила я, — если бы я была враждебно настроена, я бы попыталась расцарапать вам лицо. Или стукнуть туфлей по голове.

Солнечный лучик вовсе не поднимал настроения, а лишь подчеркнул, насколько все вокруг мрачно и безрадостно, и снова скрылся. Я чуть дернула головой, отгоняя непрошенные мысли, и продолжала наблюдать за неожиданным гостем.

Он достал из кармана сложенный носовой платок и принялся вытирать мокрое от дождя лицо.

— Вам так трудно начать со мной разговор? — спросила я, следя за его манипуляциями. Он снова усмехнулся.

— А вы не похожи на умалишенную.

— Ну почему же, — возразила я без усмешки, — у меня и справка есть.

— Да, да, я в курсе. Саидов рассказывал, как на вас отразились его... опыты. Он, правда, не сразу признался мне в этой своей неудаче. И он очень не хотел, чтобы я о вас узнал.

— Почему?

— Он боялся, что я откажусь с ним работать.

— А это так? Вы бы отказались? — теперь у меня отпали последние сомнения, кто именно сидел передо мной. Тот самый бывший военный, которому отказал Костя. Как там его Саидов называл? Герасимов? Или не бывший? Судя по выправке и манере держать себя с собеседником...

— Признаться, меня больше интересовал Щелкунов, чем Саидов. Но и его идея тоже была неплоха. Правда, Щелкунов ее забраковал и отказался с нами работать.

— Почему вас интересовал Костя? — тихо спросила я, сильно сомневаясь, что он будет отвечать на этот вопрос.

— Я его давно знаю, — просто сказал он, расправляя и складывая свой платок, чтобы чем-то занять руки, — еще со времен его службы в армии. Он был одним из лучших среди контрактников.

— Чем он там занимался?

— Воевал с чеченскими боевиками. Возглавлял небольшую ударную диверсионную группу, которая охотилась на их полевых командиров. Ну а когда боевые действия на Кавказе поутихли, ушел со службы и вот... Открыл, так сказать, частный, но сильно подпольный бизнес... — Он невесело усмехнулся, а потом развернулся на своем стуле ко мне. — Он продумывал и организовывал такие дерзкие диверсии, что... — он поцеловал и растопырил цветочком кончики пальцев, причмокнув при этом, как торгаш на базаре, расхваливающий свой товар. — И при этом ни разу не «спалился». Хитрый, смелый, решительный. При этом с отменным инстинктом выживания. Ценный кадр. Мне такие люди нужны.

Я хмыкнула.

— Поэтому вы организовали на нас охоту?

Он склонил голову набок, закусил край губы.

— Щелкунова велено было брать живым.

— А меня?

— Саидов настаивал на вашем уничтожении как ненужного свидетеля. Но мне вы тоже были нужны.

— Для чего?

— Для давления на Щелкунова.

— А теперь Костя в тюрьме...

Он вдруг откинулся на спинку стула, сложил руки замочком на столе, а лицо его приняло удовлетворенное выражение. Я поняла, что мы подобралась к главному, и сейчас он озвучит предложение, от которого я, судя по всему, не смогу отказаться.

Я скопировала его позу, тоже сцепила руки и стала ждать продолжения, давая ему понять, что внимательно слушаю.

— Я могу вытащить его оттуда и дать вам обоим гарантии, что вас больше не будут преследовать.

Я молча кивнула, ожидая, когда он озвучит свои условия. Он понял, что я приняла его игру и тоже кивнул, прежде чем продолжить. Я его не торопила.

Он побарабанил пальцами по столу и наконец разродился:

— Вы мне отдадите деньги, которые украли у инкассаторов. Все, до последнего миллиона.

— Чего-чего? — я даже подняла бровь, как это делал Костя, чтобы изобразить удивление, а сама в это время пыталась сообразить, как же это он узнал о тех деньгах. Но он сам ответил на вопрос, который я даже не успела озвучить.

— Не делайте удивленный вид, — спокойно сказал он, продолжая тихонько отстукивать пальцами какой-то ритм, — я умею складывать два и два, к тому же у меня есть доступ к кое-какой информации.

— Например?

— Например, я узнал, куда вы так стремились там, в лесу, и поставил там засаду. В том доме, который когда-то принадлежал семье Щелкуновых. Не подскажите, кстати, что там произошло?

— Если вы о том, куда делась ваша засада, то могу предположить, что она тоже попала в засаду. И кстати, ваша засада опоздала, потому что мы добрались до этого места первыми. А потом эта несчастная деревня оказалась так популярна, что просто засада на засаде! — я притворно всплеснула руками.

Он, судя по его лицу, понял больше, чем я рассчитывала, даже уточняющих вопросов задавать не стал. Помолчал еще, разглядывая скатерть, смахнул невидимые крошки с того места, где его пальцы отстукивали дробь, повздыхал, видимо, обдумывая дальнейшую тактику нашего разговора.

— Что там произошло? — снова тихо и серьезно спросил он.

Я пожала плечами.

— Мы туда пришли, и Костю ранили, — сказала я, не вдаваясь в подробности.

— Мои люди? — уточнил он, глянув на меня исподлобья.

Я качнула головой.

— По-моему, нет. Эти были в черной одежде, в бронежилетах, у них был бежевый микроавтобус с зеленой полосой на боку. На нем они потом и уехали.

Мужчина кивнул, не сводя с меня внимательного взгляда.

— А вы? — нетерпеливо спросил он, не дождавшись продолжения.

— А я, как только они скрылись, бросилась к Косте. Он был ранен, истекал кровью. Я помогла ему выбраться оттуда.

— И больше вы туда не возвращались? — подозрительно прищурившись, спросил он.

— Возвращались, — невозмутимо ответила я. — Через несколько дней мы слышали выстрелы, потом ветер донес до нас запах дыма. Мы отправились туда и застали там только пожар. И два обгорелых трупа. Это и были ваши люди?

Он поджал губы, попытался просверлить у меня во лбу дырку взглядом, и я постаралась сделать сочувственное лицо.

— Не стройте из себя дурочку, Евгения. Вы не просто туда возвращались. Вы забрали деньги, которые эти придурки в панике бросили там, в заброшенном доме.

— С чего вы взяли, что деньги не сгорели при пожаре? — осторожно поинтересовалась я, перестав строить из себя дурочку.

— С того, что даже деньги не сгорают бесследно. Остается пепел, который можно взять и провести анализы! — теперь уже он говорил со мной, как с дурочкой, с изрядной долей раздражения «разжевывать» мне азы криминологии. — Но если сумка там горела, а денег в

ней не было, то это очень легко доказать. К тому же эти болваны, когда их повязали в одних подштанниках, в один голос утверждали, что, когда они туда приехали за деньгами, сумка была пустая. И они обшарили всю деревню, каждый дом, когда напоролась на моих ребят и положили их с перепугу на месте.

— Почему все их ругают то «болванами», то «идиотами»? — задумчиво вступилась я за инкассаторов, размышляя о том, что у парней оказалась кишка не тонка решиться на такой дерзкий грабеж. Но, видимо, действительно, мозгов не хватило продумать все детали операции.

— В общем, так. — Герасимов явно потерял терпение. Он перестал барабанить пальцами по скатерти и жестко положил ладонь на стол, умудрившись и не стукнуть, и в то же время придать веса своим словам: — Вы вернете мне все деньги, которые забрали из той деревни. Я знаю, что вы их не потратили, не положили ни в какой банк, ни на какой даже оффшорный счет. Где-то они у вас так и лежат кучкой, припрятанные.

Он взглянул мне в глаза, надеясь прочесть там хоть какие-то человеческие эмоции. Я выдержала его взгляд, даже не приподняв бровь, и очень надеюсь, что в них ничего не отразилось. Костик однажды обозвал такое мое выражение лица «покерфейсом», и мне казалось, что и в этот раз оно мне удалось.

— Даю вам неделю сроку. Иначе Щелкунов ваш сгниет на зоне, а я там еще кое-кому шепну пару словечек, чтобы его там раком поставили.

— А если мне все равно, что будет с Щелкуновым? — я склонила голову набок. — Вы в курсе, что я в него стреляла?

— Вам не все равно, — жестко сказал он, все так же сверля меня взглядом, — что бы там ни говорили про ваше душевное состояние Саидов с Левиным, все ваши поступки по отношению к Косте говорят о том, что вам совершенно не все равно, что с ним будет. Как бы вы сами ни называли эти чувства. И я в курсе, что стреляли вы не по своей воле. И все равно при этом почти умудрились сохранить контроль над своим разумом. И сделать так, чтобы ваш ненаглядный Щелкунчик вышел почти сухим из воды.

Он усмехнулся.

Я подалась вперед, положив локти на стол.

— А если все-таки я не верну вам деньги? Мои сомнительные чувства — это все, что у вас имеется, чтобы на меня надавить?

— А вы крепкий орешек, — одобрительно усмехнулся этот тип и несколько расслабленно откинулся на спинку стула, — ну, раз вы настаиваете на таком раскладе, мы можем с вами и по-другому поговорить.

В его голосе совсем не чувствовалось угрозы, тонкие губы растянулись в как будто даже довольной улыбке, но рука, лежащая на столе, медленно сжалась в кулак.

— У вас есть неделя.

Мы еще немного поиграли в «гляделки», он поиграл желваками, потом встал и вышел. Повозился в прихожей, надевая свои мокрые туфли, и вышел, тихонько прикрыв за собой дверь.

Я все это время неподвижно сидела за столом, сначала провожая его взглядом, а потом настороженно ловя каждый шорох из прихожей. Когда его быстрые шаги по ступенькам стихли, и по подъезду прокатилось гулкое эхо от стукнувшей входной двери, я подперла голову рукой и еще на какое-то время застыла в оцепенении, пытаюсь разобраться в себе после этого неожиданного визита.

Потом я встала и принялась расхаживать по квартире, раздумывая над последствиями своего необдуманного порыва. Просто так метаться, хватаясь за голову, мне было скучно, и я принялась наводить в своей запущенной квартире чистоту, заодно приводя в порядок мысли у себя в голове.

Ну и что мы в итоге имеем?

Я полазила по шкафчикам в ванной и отыскала яркую синтетическую тряпку для пола, упакованную в полиэтилен.

В итоге мы имеем кучу денег, которую я не удосужилась даже толком сосчитать. И которую я не могу потратить в свое удовольствие, потому что даже не могу извлечь ее из той дыры, куда я ее упихала. Хоть бы ее там черви сожрали, или плесень, или хотя бы водой залило всю эту злополучную землянку, — думала я, остервенело елозя мокрой тряпкой по паркету с ободранным лаком.

Как я вообще могу добраться до этой землянки без Кости? Он об этом подумал, этот Герасимов, ставя мне свои дурацкие условия и давая неделю сроку?

Я попыталась восстановить в памяти весь наш маршрут от сгоревшей деревни до своего дома. Беда у меня с названиями населенных пунктов... Надо хоть выяснить, в каком городе я живу и в каких городах до этого побывали мы с Костей.

Я добралась до прихожей, в которой наследил Герасимов, оставивший на месте ботинок две небольшие лужицы, которые не успели высохнуть даже когда я, перебив всю квартиру, добралась до них.

Клочков показывал мне карту... И все равно не вспомнила я ни одного названия. Но хотя бы чисто визуально запомнила, как шла железнодорожная ветка, в какой стороне от нее располагалось озеро... Да что толку-то!

Я взялась за раковину в кухне. Натерла вонючим порошком стальную мойку, принялась оттирать мелкие, почти не заметные глазу грязные брызги на кафельном «фартуке».

Ну, допустим, доберусь я до этого места, где лежит мой рюкзак под бревнышками топчана в землянке. Допустим, выберусь обратно с этими деньгами, и меня никто не съест в лесу и не грохнет по дороге. Что дальше?

Придет «добрый» дядя Герасимов, заберет у меня деньги и вернет Костю живым и невредимым? Да еще предложит ему работу, потому что Щелкунов давно его интересуется?

Как-то с трудом верилось мне в подобный расклад.

Еще какое-то время я бездумно терла кухню, не отвлекаясь на посторонние мысли, но к тому времени, когда добралась до чистки плиты каким-то особенно едким и вонючим жидким средством, от которого разъело руки, и пришлось срочно искать и надевать резиновые перчатки, я уже пришла к выводу, что одной мне из этой ситуации не выкрутиться.

Что было самое поганое в моем положении — так это то, что знакомых людей, к кому я могла бы обратиться за помощью, вокруг меня просто-напросто не было.

Может, они и были в моей «прошлой» жизни, когда я была, в буквальном смысле, в своем уме и трезвой памяти, или как там говорят? Что-то такое, помнится, Костя рассказывал про начальника моего, который меня вроде как ценил и даже повысил в должности... Молодой человек, имевший на меня виды... Я представила себе, как я эффектно появляюсь пред его очи после... сколько там?... полугодового отсутствия, и заявляю: «Привет! Слушай, я тебя совершенно не помню, но тут со мной такое приключилось...»

Я хихикала, оттирая шершавой стороной губки присохший слой жира, параллельно удивляясь своей способности хихикать. Кажется, со мной такое со времени взрыва в первый раз.

Был Левин, который вроде неплохо ко мне относился, и был в курсе моих проблем, но его потом не стало. Как выяснилось в ходе следствия по моему же делу, его застрелили сразу же после нашего с Костей ухода с его дачи, на которую мы вломились в первый раз...

Есть еще Бринцевич, который тоже вошел в чисто моих немногочисленных знакомых из «этой» жизни... Но в лесу с деньгами мне бы помогла скорее уж баба Галя, чем он...

Я опять хихикнула, вспомнив неугомонную бабу Галю с ее страстью к огню.

Я почувствовала, что настроение мое вдруг улучшилось, как будто со старой грязью, которой поросла моя квартира еще до того, как я в нее вернулась, ушло что-то мерзкое из моей жизни. Причем неважно, из прежней ли или из той, которая обрушилась на меня после того злополучного взрыва, в котором я должна была погибнуть.

Я бродила по квартире с салфеткой в руках, смахивая пыль со всех поверхностей, на которые только падал взгляд. Распахнула шторы на всех окнах, впуская серый дневной свет, который делал мое мрачное жилище ненамного светлее.

В дальнем углу за шкафом, возле балкона, я наткнулась на Костин рюкзак, в котором все еще лежали несколько пачек костиных денег и один из пистолетов.

Я взяла его в руки, ощущая непривычную холодную тяжесть черного металла, задумчиво протерла его все той же салфеткой, вспоминая, как Костя показывал мне, как вынуть магазин с расстрелянными патронами и вставить туда новые, как поставить и снять с предохранителя, как целиться, как нажимать на спусковой крючок, контролируя при этом дыхание... Эх, попался бы он мне в руки раньше, когда раздался тот неожиданный звонок Герасимова в дверь.

Размышляя о том, действительно ли хватило бы у меня пороху, на то, чтобы выстрелить в этого козла, пока он сидел тут и распинался передо мной о том, как он будет говорить «по-другому», я вертела в руках эту смертельно опасную игрушку и мурлыкала под нос какую-то ненавязчивую мелодию.

Интересно, почему пистолет не забрали, когда нас с Костей арестовали? Здесь что, не устраивали обыск? Я положила его перед собой на круглый стол с вязаной скатертью и застыла над ним в задумчивости, подперев подбородок рукой.

С другой стороны, вряд ли мою теперь уже чисто вылизанную квартиру украсил бы труп, кровища, въевшаяся в паркет... И никому ведь не докажешь, что это была самооборона, пришел человек просто поговорить. Может, у него и оружия-то не было с собой... И даже «дурочку» уже не включишь, и хороший адвокат Светлана Алексеевна в данном случае не поможет...

Я фыркнула и вдруг поняла, что уже где-то в глубине своей возрождающейся души приняла решение, как именно мне следует поступить.

Надо только хорошенько все обдумать, чтобы не испортить все дело, как эти несчастные инкассаторы, над которыми теперь все издеваются кто во что горазд, и из-за которых совершенно неожиданно попала ко мне в руки то ли бомба замедленного действия, то ли неожиданный козырь, который, если постараться, можно разыграть с наибольшей для себя пользой и выгодой.

Глава 19

*у нас могло бы получиться
создать семью родить детей
но мы с тобой не ищем лёгких
путей*
© Цай

На следующий день после визита Герасимова мою апатию как рукой сняло. Я носилась по городу, как пчелой ужаленная, причем, мне пришлось купить себе на костиковы деньги модный гаджет, загрузить в него хорошую, платную версию навигатора. Во время перемещения где городским общественным транспортом, а где и на такси, от пункта А в пункт Б и дальше по разработанному мной маршруту, я изучала, как обращаться с аппаратом, имеющим всего две кнопки и здоровенный экран, по которому нужно было всего лишь елозить пальцем, чтобы получить нужный эффект. Довольно быстро я научилась выходить через смартфон в интернет, как мне показывал в магазине продавец моего аппарата, странно на меня косясь: мол, есть же на свете еще такие дикие люди, которые не умеют пользоваться тачскрином и мобильным интернетом.

Мобильник был не единственным моим приобретением. Я нашла в своих картах специальный магазин, торгующий военными и туристическими шмотками, и не поленилась доехать до него через весь город и прикупить себе нормальный походный рюкзак («легкий, женский вариант! всего сто литров!» — верещал радостный продавец-парнишка, судя по его виду, никогда не покидавший закутка с компьютером в этом специфичном магазинчике), прочные, легкие и удобные ботинки армейского образца, но при этом моего размера, ветро-влагозащитный костюм камуфляжной пестрой расцветки, небольшой плоский котелок-«кан», фонарик, «пенку», спальник и палатку.

Еды я взяла себе простой, нехитрой в исполнении и главное — легкой: готовые обеды, которые достаточно было залить кипятком, несколько увесистых плиток шоколада, пару бутылок воды.

Потоптавшись в раздумьях в прихожей, уже в ботинках и с рюкзаком на плечах, я вернулась в квартиру и запихала себе за пояс штанов и под куртку заряженный пистолет, а в задний карман — магазин с запасными патронами. Я очень надеялась, что мне не придется им воспользоваться, а еще пуще — что меня не остановят и не станут досматривать никакие патрули. Потому что вряд ли мне удастся внятно объяснить наличие у меня этого оружия без соответствующего разрешения.

Перед дверью своей квартиры я решительно выдохнула, вышла в подъезд и заперла дверь.

Рюкзак был непривычно тяжеловат по сравнению с тем, который я таскала, пока мы бродили с Костей по лесам во время нашей увеселительной прогулки. Новенькие ботинки тоже делали мою поступь шире и тяжелее. Но я была полна мрачной решимости.

Перед тем, как отправиться в путь, я долго сомневалась, какой маршрут пытаться восстановить: от Левинской дачи (условно говоря, а на самом деле — от станции, на

которой мы тогда вышли) или от того «конечного» города, где снимали квартиру, из которой удирали по балкону.

Хорошенько облазив в своем смартфоне карты и вспомнив номер автобуса, на котором мы приехали сюда, я таки выяснила, до какого города в итоге мы добрались, когда вышли, наконец, из лесов и болот, и в котором сделали мне новые документы. Ну и что, что фальшивые. И теперь, по зрелом размышлении, я решила начать свой вояж именно оттуда. И добираться до этого пункта моего маршрута логично было бы поездом. Как-то мне показалось, что в поезде у меня больше свободы для маневра, если вдруг что... А насчет всяких «если», «вдруг» и «что» я была почти уверена. Последние сомнения отпали, когда я, добираясь до железнодорожного вокзала, а потом возле кассы пригородных поездов, покупая себе билет, все время «сканируя» пространство вокруг себя боковым зрением, как учил Костя, отметила пару примелькавшихся физиономий. Он называл это «срисовать». Один из таких «срисованных» держался совсем недалеко от меня: сначала крутился рядышком, делая вид, что изучает расписание пригородных поездов и электричек, а потом терся в той же очереди к окошку кассы. Я громко назвала наугад одну из станций по нужной мне ветке, надеясь, что она находится значительно дальше необходимого мне пункта назначения. Отойдя от окошка кассы и тоже делая вид, что копаюсь в своем «легком, женском» рюкзаке, а на самом деле поставив ушки на макушку, ловила каждое движение и каждый звук, и с удовлетворением отметила, что парень купил билет до той же станции, что и я.

Пройдя через турникет на платформу, от которой отходил через несколько минут мой поезд, я обошла весь перрон до конца и обратно, старательно «сканируя» всех пассажиров и отмечая особо подозрительных. Тот, который держался поблизости, как хвост, проделал со мной тот же путь по перрону, не особенно, видать, заботясь о том, чтобы я его не засекала. Еще один подозрительный тип держался подальше и на глаза мне особо не лез. И если бы я не была так внимательна и параноидально подозрительна, я бы, возможно, не обратила на него внимания.

Первый «косил» под рыбака-охотника: тоже, как и я, в камуфляжной одежде, изрядно заношенных берцах, с небольшим рюкзачком. Только вот не заметила я при нем ни ружья, ни удочки. Второй, тот, что был более осторожен и держался подальше, вид имел совсем уж неброский: замурзанные джинсы с резиновыми сапогами, неприметная черная куртка, кепа, сигаретка во рту. Этаким колхозник, которых тут толпится вон половина перрона.

Вот только мне казались подозрительными все молодые и подтянутые мужчины, которые, как бы ни одевались, разительно отличались от того возрастного и пузатого «контингента» с пропитыми мордами, который представляла собой «сильная» половина пассажиров моего поезда.

Состав подали, и я, подождав, когда рассосется и схлынет толкотня возле дверей тамбура, не спеша вошла в дверь последнего вагона, отметив краем глаза, что мой «камуфляжный» сопровождающий залез в тот же вагон с другого конца, а «колхозник», не спеша докурив свою сигаретку, и вовсе не торопился садиться в поезд, видимо, дожидаясь отправления, чтобы не упустить момент, если я вдруг передумаю и выскочу в последний момент.

Я хмыкнула. Интересная мысль!

Поезд дал гудок, и перед тем, как двери автоматически захлопнулись и вагоны дернулись, я увидела в окошко, как «колхозник» запрыгнул в вагон где-то в середине состава, самым последним покинув перрон, на котором не осталось даже провожающих.

Я прошла в вагон, тщательно избегая встретиться взглядом с «камуфляжным» красавчиком, и, скинув рюкзак, поставив его на пол перед собой и зажав коленями, примостилась на краешке свободной скамейки рядом с проходом.

Мы ехали уже пару часов, за окошком мелькали однообразные лесные пейзажи и как две капли похожие друг на друга, остановочные платформы. Я обратила внимание, что «рыболов-охотник» тоже занял такую позицию, чтобы держать меня в поле зрения, и время от времени ловила на себе его быстрый внимательный взгляд.

Когда я, изучив висящую на стенке вагона схему движения поезда, убедилась, что до «моей» станции, до которой я оплатила проезд, еще далеко, я встала, закинула свой рюкзакище одной лямкой себе на плечо, прошла к выходу из вагона мимо слегка обеспокоенного моими неожиданными передвижениями «охотника».

Я прошла площадку между вагонами и остановилась в тамбуре предпоследнего вагона, юркнула за дверь, которая должна была открыться сразу вслед за мной, и скинула на пол рюкзак. Дверь распахнулась без промедления. И чуть не зашибла меня, когда в тамбур вылетел «камуфляжный» парень, который обеспокоенно всматривался через стеклянную дверь вглубь вагона, и не сразу меня заметил прямо рядом с собой.

Я вполне естественно ойкнула, и парень с разгона остановился и чуть смущенно прикрыл за собой дверь. Я молчала и вызывающе уставилась ему в глаза, ожидая его дальнейших действий. Мне было ясно, что сделать со мной сейчас он ничего не сможет, и это чуть придало мне уверенности.

— На охоту или на рыбалку? — кокетливо спросила я, улыбнувшись, как можно дружелюбнее.

— А... э... за грибами.

— Здорово. А за какими?

Я перевела взгляд на его губы и медленно двинулась к нему, сантиметр за сантиметром сдвигая вниз молнию на своей камуфляжной куртке. Парень оцепенел, потом попятился, пока не уперся спиной в запертую дверь вагона.

— Белых, говорят, много, — просипел он.

— Обожаю белые! А опята есть?

— Н-не знаю.

Я продолжала неумолимо надвигаться, замок на куртке был расстегнут уже почти наполовину, и в чуть распахнувшемся воротнике уже хорошенько так виднелось декольте моей камуфляжной майки, к которому сразу же прикипела взглядом моя жертва.

— А можно мне с вами?

Парень выглядел изрядно растерянным, когда я приблизилась к нему вплотную, распахивая свою куртку. Я встала на цыпочки и дотянулась своими губами до его приоткрывшегося рта, вдохнула запах его лосьона после бритья. Моя левая рука скользнула ему на шею, пальцы погрузились в густые волосы у него на затылке, слегка сжали их в горсти. Его дыхание участилось, мужчина прикрыл глаза и ответил на мой поцелуй. Руки легли мне на плечи, одно движение — и моя куртка с легким шорохом слетела на грязный пол.

Я успела даже слегка возбудиться, пока мы с ним целовались. Парнишка был хорош, кровь с молоком, сквозь ресницы я видела разлившийся во всю щеку румянец. Свою правую руку я тем временем завела себе за спину, вытащила из-за пояса пистолет и хорошенько, со

всей дури, шарахнула «грибника» по голове. Хорошо, что дури у меня было больше, чем сил, поэтому черепушку я ему не раскроила. Однако нужного эффекта я достигла: парень обмяк и повалился на меня. Обняв его поперек груди, я помогла ему мягко осесть прямо на пол, постаравшись, чтобы он привалился не к дверям, которые могли разъехаться в любой момент, а к стенке тамбура. Потом я запихала пистолет обратно за пояс штанов, надела свою куртку, застегнула молнию.

Упершись ногой в стенку, я просунула пальцы в щель между двумя резиновыми прокладками закрытых раздвижных вагонных дверей вцепилась в одну из створок и изо всех сил потянула ее на себя. К моему удивлению, дверца поддалась, в лицо мне ударил ветер, и я, скрипнув зубами от натуги, открыла ее почти во всю ширину. Выглянула наружу и оценила скорость мчащегося мимо меня ландшафта. Ждать, когда поезд хотя бы чуточку замедлится, у меня не было времени. Мой несостоявшийся любовник может очнуться в любой момент, или совершенно некстати кому-нибудь из пассажиров вздумается выйти в тамбур. Или «колхозник» решит подстраховать коллегу.

Придерживая дверь рукой, я выпихнула из поезда рюкзак, проводила взглядом его недолгий полет и кувырки по насыпи. Потом решила, спустилась на нижнюю ступеньку, подпирая дверь, которая норовила вернуться на место и защемить меня между резиновыми прокладками.

Надеясь, что мне попадутся какие-нибудь кусты, которые смягчат мое падение, я, не желая далеко уезжать от своего рюкзака, к которому придется возвращаться, прыгнула со ступеньки, ощущая, как в лицо ударил тугой вонючий ветер, пахнувший шпалами, железом и машинным маслом, а потом навстречу бросилась жесткая каменистая земля. Меня завертело и закружило, ударяя об нее, казалось, сразу со всех сторон. Я попыталась сгруппироваться на лету, защищая руками лицо, и удары пришлось на руки, ноги, спину и затылок.

Когда кувырки, наконец, прекратились, и я застыла, скрючившись, на земле, слыша, как удаляется поезд, в голове кручение и верчение продолжалось еще какое-то время, и я, ощущая боль во всем теле, долго не решалась пошевелиться, чтобы хотя бы понять, насколько я жива и что именно у меня цело или сломано.

Потом, когда шум поезда давно стих, и в голове слегка прояснилось, я открыла глаза и приподняла голову. Надо мной было пасмурное небо, и редкие капли дождя начали изредка падать мне на лицо. Я пошевелила руками, ногами. Все двигалось, несмотря на боль от многочисленных ушибов. Я перекатилась на живот, подтянула под себя руки и колени и, постанывая, благо никто не мог меня услышать, встала сначала на четвереньки, а потом, пошатываясь, поднялась во весь рост. Ощупывать себя было бесполезно, потому что болело все, к чему ни притронься. К моему удивлению, ни штаны, ни куртка нигде даже не порвались. Даже пистолет оказался на месте и не вывалился, и в какой-то степени, наверное, защитил мою поясницу от повреждений. Я, кряхтя и время от времени выдавая мученические стоны, взобралась на насыпь, чтобы легче было идти, и пошла по шпалам в обратную сторону искать свой брошенный скарб.

Рюкзак, целый и невредимый, с большим трудом (из-за своей камуфляжной расцветки) нашелся примерно через пару-тройку километров от того места, где я приземлилась. Я добрела до него и устроила себе небольшой привал, решив, что после моих приключений могу себе позволить полплитки шоколадки и немного воды. И отдыха! Я посидела, привалившись спиной к рюкзаку, ощупывая свои части тела и шипя сквозь зубы, натываясь на очередной ушиб, пока не почувствовала, что, кажется, могу двигаться дальше.

Дальше мой путь лежал по шпалам до того места, куда мы с Костей вышли после моего голодного обморока.

Я немного не рассчитала свой прыжок из поезда, поэтому идти до той станции мне пришлось чуть ли не весь остаток дня, тем более что я тащила ногу за ногу, чувствуя, как все тело ноет, словно по мне проехался танк. Или как будто меня выбросили из поезда на полном ходу.

Когда же я дошла, наконец, до нужной станции, то вспомнила, как мы с Костей завтракали на круглосуточной автозаправке, и решила перекусить там же.

В забегаловке были в основном мужчины — водители-дальнобойщики. Они без удивления разглядывали меня, быстро теряли ко мне интерес. Моего подозрения тоже никто из них не вызвал.

Впрочем, я прекрасно понимала, что пока я топаю до последней известной всем и каждому из тех, кто был заинтересован в моем деле, точки — сгоревшей деревни — мне можно было особенно и не скрывать от «хвостов», которые могли поджидать меня там, на пепелище.

Однако самое интересное должно было начаться гораздо позже — после того, как в моих руках окажутся те злополучные деньги.

Когда я поела и собралась войти в лес, прикидывая, смогу ли я отыскать в темноте дорогу до той деревушки, я выключила смартфон и сунула его поглубже в рюкзак.

Дорогу я отыскала. Местность я узнавала даже в темноте, тем более что первый раз мы с Костей тоже были здесь еще до того, как окончательно рассвело.

Теперь я шагала одна, в обратном направлении, полная решимости дойти до конца, даже если мне придется блуждать здесь всю неделю.

Отойдя от станции на приличное расстояние, я сошла с дороги и, выбрав укромное местечко в самой гуще можжевельника, при свете фонарика, то есть, почти наощупь, поставила палатку. Это оказалось несложно. Похожее устройство палаток я видела у ролевигов, и выбирая в магазине, обращала внимание в первую очередь на самые простые конструкции.

В спальник я залезла, сняв только ботинки и оставив их возле входа внутри палатки. Спать не под открытым небом, закутавшись в теплый спальник, оказалось совсем не то, что на голой земле.

Не хватало только Костика.

Я постаралась выбросить из головы все непрошенные воспоминания о том, как он обнимал меня ночью, делясь своим теплом, как хрипло пел мне в ухо свою колыбельную... Но это было не так-то просто.

У меня было странное ощущение здесь, ночью, в лесу, что я вернулась домой после долгих странствий. Мне не было страшно и не было одиноко. Я не шарахалась от каждого шороха, и хотя пистолет грелся под моей ладонью возле самого моего лица, я не могла сказать, что была тревожна или напугана. Где-то в глубине души я понимала, что переступила какой-то порог, за которым оставила надежду на тихую и спокойную жизнь. Возможно, когда заперла за собой дверь своей квартиры. А может быть, когда выскочила на ходу из поезда, показав тем самым, что не собираюсь соблюдать правила игры тех, кто мне их навязывал.

От воспоминания о моем полете из поезда у меня в животе сжался какой-то комок, от

которого было как будто даже слегка щекотно. Вот что значит выброс адреналина, на который так любят «подсаживаться» всякие экстремальщики. Неужели и я из таких? Судя по рассказам Кости, до моего участия в поджоге многоэтажки я вела жизнь тихую и благопристойную, мало чем отличающуюся от обыденного существования остальных обитателей моего мирка. Получается, костино вмешательство помогло мне «раскрыть» в себе новые склонности и способности?

От этой мысли поскорее захотелось избавиться, так она меня смутила и даже возмутила. Я дернулась и попыталась перевернуться на другой бок, забыв, что все мое тело сейчас представляло один сплошной синяк, и уложить его в удобное положение на жесткой «пенке» было нелегко. Я долго ерзала и возилась, ругая себя за то, что не лежалось мне на ровном месте.

Угнездившись и вновь переложив под руку заряженный пистолет, я попыталась приказывать себе спать, но мысли о Косте снова не давали мне покоя. Мне казалось, что мне было бы легче перенести тюремное заключение, чем ему, и то, что я сейчас прохлаждалась на природе, а он оставался за решеткой, казалось мне не совсем справедливым.

Наконец, я спросила себя, почему вообще об этом думаю. И почему это не дает мне покоя? Ведь он, по сути, был преступником, злодеем, он встал на этот путь сразу после армии, и то, что он делал, унесло или искалечило многие жизни.

И если мне удастся добраться до денег и улизнуть, передо мной откроются такие широкие возможности, что голова просто шла кругом. Как ими распорядиться — вопрос. Впрочем, до этого еще далеко, и как оно там сложится, леший его знает.

Я снова завертелась на месте, когда поняла, что никакие разумные доводы не помогут мне убедить себя вычеркнуть время, проведенное с этим невозможным, неправильным, ненормальным, но от этого не менее желанным мужчиной, из моей нынешней жизни.

И прав мерзавец Герасимов, ох, прав, считая, что поступки говорят о человеке больше, чем даже мысли, которые тот сам себе думает.

Я заснула в надежде, что мне приснится Костя Щелкунов, единственный человек, ради которого я готова рискнуть всем, что у меня есть.

Хмурое утро застало меня скрючившуюся в теплом спальнике в обнимку с пистолетом, хорошо хоть поставленном на предохранитель. Накрапывал мелкий дождик, и легкий шелест капель по тенту палатки успокаивал, убаюкивал, уговаривал свернуться калачиком и не вылезать из теплого гнездышка, в которое, благодаря моему беспокойному ерзанью, превратился спальник.

Однако тело ныло еще хуже, чем даже вчера, отказываясь и дальше лежать больными местами на жестком коврикe, а гидравлика организма требовала срочного освобождения от лишней жидкости. Поэтому я, вздохнув, осторожно выбралась из палатки, словно лисица из норы, постоянно прислушиваясь и принохиваясь.

Снаружи, как ни странно, все было тихо и спокойно. Мелкий дождик в осеннем лесу вызвал обильное падение желтых листочков, и это мельтешение ярких желтых пятен, заполнившее все пространство вокруг меня вперемешку с каплями воды, вызывало чувство нереальности и в то же время чрезмерной реальности происходящего. Резкий запах земли, травы и мокрых листьев пьянил и чуть кружил голову.

Разводить костер, чтобы соорудить себе горячий завтрак, не хотелось, и я достала пачку сухой лапши быстрого приготовления, заела ее остатками шоколадки и запила водой.

Потом я, попискивая от боли во всех побитых местах, которыми мне приходилось двигать, собрала свои вещички, покидала их в рюкзак и двинулась в путь, все время оглядываясь и прислушиваясь в опасениях если не погони, то слежки.

По дороге, которая вела к сожженной деревне, я двигалась с осторожностью, по обочине, едва приминая мокрую траву, но зато не оставляя следов на влажном песке. И чем ближе я подходила к деревне, тем сильнее инстинкт подсказывал мне прятаться за ближайший куст и не высовываться до тех пор, пока глаза и уши не убедят меня, что вокруг кроме меня, нет ни единой человеческой души, что ничьи взгляды, кроме беличьих и птичьих, не следят за мной из укромных местечек.

Я и правда начала передвигаться короткими перебежками, чутко ловя теперь каждый звук и каждое движение. Очень хотелось обойти стороной сожженную деревню, но, с другой стороны, нужно было убедиться, что там меня никто не ждет. К тому же только оттуда я могла без помощи Кости найти путь до землянки.

До самой деревни я подползла буквально на брюхе, придавленная рюкзаком, словно черепаха или улитка, таскающие на спине собственный дом. И подобно змее или ящерице, я передвигалась от куста к кусту, замирая при каждом шорохе и почти сливаясь с окружающей меня пестрой обстановкой благодаря камуфляжной ткани своего костюма, который оправдал мои ожидания и не дал мне вымокнуть до нитки в этом насквозь пропитанном влагой лесу. Дождевые капли щекотно стекали по макушке за шиворот и на лицо, повисали на кончике носа, когда я поднимала из травы голову и вглядывалась в мрачные черно-серые пепелища домов, от которых остались только бугристые, влажно поблескивающие обугленные балки, уже начавшие зарастать кустами и травой.

Я двинулась в обход деревни, чтобы найти то место, откуда наблюдала за стрельбой, стараясь не шуршать своим костюмом, единственный минус которого был в том, что он при каждом движении производил ужасающий шум в этой ничем, кроме дождя, не потревоженной лесной тишине.

Поэтому двигалась я чрезвычайно медленно. Если сейчас за мной кто-то и следил, то, наверное, они или давились от смеха, глядя на мои потуги остаться незамеченной, или жрали от нетерпения землю, злясь на меня за то, что я не спешу их привести к заветной цели.

Однако я не позволяла подобным мыслям сбить себя с толку и продолжала в том же духе, пока не убедилась, что приползла на путь истинный, и что никто на меня пока что не напал и даже не выдал своего присутствия. Поэтому проделав на брюхе еще часть пути, уже не настолько уверенная, что правильно помню дорогу, я наконец решила подняться на ноги и передвигаться обычным способом.

На всякий случай пошла я не напрямик к землянке, а сначала решила выйти к озеру, где мы с Костей ставили сеть. Торопиться мне было некуда, до истечения срока, назначенного Герасимовым, у меня было еще несколько дней, которые я могла прожить тут, в лесу, наедине с природой, в свое удовольствие, и я решила как можно дольше попетлять и побивать с толку тех, кто, я была уверена, рано или поздно себя выдаст.

До озера я добралась без приключений и, насколько могла убедиться, без сопровождающих. Проблема была в том, что озеро было сильно заболочено, и добираться до воды пришлось бы по колено в жидкой топкой грязище. Я сняла ботинки, задрала как можно выше штанины и сходила на разведку к воде. Добравшись до места, которое с некоторой натяжкой можно было считать чистой водой, я пожалела, что, как Костя, не разделась

догола. Однако мне удалось высмотреть на дальней стороне более-менее подходящий кусок бережка, где не было болота. Там, правда, росли густые кусты, но по крайней мере мне показалось, что там, за кустами, можно даже поставить палатку и переночевать. А густая растительность как нельзя лучше прикроет от посторонних глаз и костерок, и палатку, и меня, когда я решу подойти к воде.

На то, чтобы обойти озеро кругом по бесконечным топям, у меня ушел весь остаток дня. Я снова пообедала всухомятку, не разводя костра, и пока жевала свой скудный обед, не без удовольствия вспоминала наши с Костей голодные скитания, когда поесть удавалось в лучшем случае раз в сутки. Могла ли я тогда предположить, что буду вот так, чуть ли не с улыбкой, вспоминать наши тогдашние злоключения, которые тогда воспринимались мной как-то отстраненно, как будто я наблюдала за ними со стороны, и не я испытывала трудности, лишения, голод, холод. Потом до меня дошло, что мне тогда было просто-напросто все равно, куда идти и что чувствовать. Я даже жевать перестала, когда поняла, что то, что я чувствую и переживаю сейчас — это не что иное, как эмоции. Обычные человеческие эмоции, вызванные воспоминаниями о событиях, о людях, которые были рядом со мной. Я с удивлением рассматривала кусок шоколадки, который дал мне понять, что испытывать радость от того, что он у тебя сейчас есть, и что им можно утолить голод, — приятно!

В животе опять сжался какой-то тугий и щекотный комок, и меня снова слегка затрясло, как когда-то в съемной квартире, когда Костя оставил меня на весь вечер одну.

Я запихнула остатки шоколада в рот, заставила себя подняться с холодной мокрой земли, успокоиться и продолжить шагать по этой нескончаемой вязкой жиже к дальнему кусочку берега.

Я чуть не пропустила в сгущающихся сумерках то место, которое высмотрела себе для ночлега. По пути к нему я таки успела вымокнуть до колен. А потому что нечего было выпендриваться и покупать себе эти пижонские ботиночки. Шла бы себе в резиновых сапогах, как тот «колхозник», что мелькал на платформе, и забот не знала. И ноги были бы сухие.

Местечко и впрямь было что надо: сухой твердый пригорочек, уютный пятачок, на котором можно было и палатку поставить, и костерок разжечь. К воде можно было продрасться через кусты и начерпать ее, свесившись с берега и держась за крепкие и надежные ветки.

Уже через час я сидела спиной к палатке, протянув босые ноги в мокрых штанах к огню, возле которого сушились набрякшие и оттого отяжелевшие ботинки, надетые подошвами вверх на воткнутые в землю палочки, ела пластиковой ложкой ароматное картофельное пюре из картонного корытца и, пачкая сажей руки, прихлебывала прямо из кана горячий настой земляничных листьев, который получился из остатков неизрасходованного на картошку кипятка.

Я была почти довольна жизнью, когда шею вдруг холодно кольнуло лезвие ножа, и чья-то рука, рванув меня за волосы, задрала мою голову кверху, обнажая беззащитное горло. Скосив глаза, я увидела в свете угасающего костерка знакомые резиновые сапоги, которые вспоминала всего лишь пару часов назад.

Глава 20

*засуньте эту сигарету
куда хотите конвоир
моё последнее желанье
весь мир
© zrbvjd*

— Ты что же это вытворяешь, а? — услышала я над самым своим ухом вкрадчивый мужской голос с хрипотцой.

Мужчина пытел так, как будто перед этим пробежал пешком пять или шесть этажей по лестнице, хотя я не услышала ни звука, пока он ко мне подкрадывался.

— Ботинки сушу, — невозмутимо ответила я.

Неизвестный сильнее дернул и сжал мои волосы, нож чуть отодвинулся от горла. Да что за черт? Я же еще не показала, где лежит мешок денег. Что он себе позволяет? Я попыталась дотянуться до пистолета, но пыхтящий тип перехватил мою руку и одним ловким движением выудил из нее оружие.

Я дернула головой, и он выпустил мои волосы, видимо, решив, что теперь-то, без пистолета, я стану покладистее. Моя босая нога чуть не угодила в раскаленные угольки, и я поспешила вскочить на ноги. Света от костра едва хватало, чтобы разглядеть массивную фигуру моего гостя и ствол моего же пистолета, направленный теперь мне в грудь. Я выставила правую руку ладонью вперед, а в левой продолжала держать свой недоеденный ужин. Я отвела руку в сторону и нарочито медленно, не делая резких движений, нагнулась к земле, не сводя с чужака глаз, поставила тарелочку с едой на землю. Под руку мне попался фонарик, и я сжала его в руке.

Мужчина, заметив мое движение, щелкнул предохранителем. Ножик свой он спрятал тем временем в карман черной куртки.

— Это фонарик, — сказала я и включила его, направив луч на сапоги моего незваного гостя. Потом выше. Когда световое пятнышко добралось до его лица, я убедилась, что это был не кто иной, как «колхозник» с перрона. Он не зажмурился, и ни один мускул не дрогнул на его физиономии.

— А что я вытворяю? — поинтересовалась я. — Здесь что, нельзя жечь костер?

— Да не придуривайся. Ты прекрасно поняла, что я говорю про твою выходку в поезде.

— А, — я улыбнулась, вспомнив смазливого парнишку, с которым целовалась в тамбуре. — Что там «грибник»? Жив?

— Да он-то жив. А ты — с ума сошла что ли — на ходу из поезда выпрыгивать?

— Ах, это... — я кокетливо отмахнулась фонариком. — Да ерунда. Отделалась парой ушибов.

Плечо тут же отозвалось на движение тупой ноющей болью, видимо, к ушибам добавилась еще и пара растяжений. Но я продолжала улыбаться.

Ноги стали подмерзать. Я храбро двинулась навстречу мужику, который продолжал истуканом стоять возле того бревнышка, откуда я только что вспорхнула, и конец которого

дотлевал в моем костре.

— Отойди-ка чуток, — вконец обнаглела я и слегка толкнула его бедром, чтобы он посторонился и не мешал.

Я нагнулась, подхватила бревно и чуть пододвинула его так, чтобы тлеющий конец лег на угли, а сама снова уселась верхом и пристроила свои ноги поближе к теплу.

Пришелец быстро справился с легкой оторопью от такой моей наглости: хмыкнул и убрал пистолет за пазуху. Вместо него он достал другой небольшой предмет, поднес его к лицу. Послышалось шипение, щелчки.

— Шурик, ты далеко? — сказал негромко мой гость, поднося ко рту, по всей видимости, рацию, обходя вспыхнувший костерок так, чтобы он оказался между нами, и присел напротив меня на корточки, вытянув к вспыхнувшему огоньку одну руку с растопыренными пальцами.

Рация зашипела, и оттуда послышалось азартное:

— Нашел?

— Да. Подгребай к дальней стороне озера, обходи с запада. Там увидишь костерок.

— Понял. Щас, минут тридцать-сорок, — рация шикнула еще разок и смолкла. Мужчина не спеша убрал ее обратно за пазуху, остался сидеть, поглядывая на меня и протягивая вторую руку к костру, напряженный и готовый к моим выходкам.

— Шурик — это тот, второй, из поезда? «Грибник»?

— Это тот, которого ты огрела по башке, прежде чем сигануть с поезда. — Он, как мне показалось, одобрительно покачал головой: — Вот дурная баба, а! Ты чего, циркачка что ли? Или акробатка? А если бы убилась?

— Ну, лежала бы там, рядышком с рельсами, птички бы меня склевали, муравьи съели. А вы бы так и не увидели своих денежек.

Он хмыкнул, а потом сурово и наставительно, как будто разговаривал с нашкодившим подростком, произнес:

— Это не наши денежки. И не твои.

— А чьи? Герасимова твоего? Фигушки. Это он так думает. И я ему ничего не обещала. А может, я решила раздать их сырым и убогим?

Он фыркнул, снял кепку, вытер ею лицо, снова надел.

— Вот поэтому он нас и послал сюда — чтобы ты не передумала раздать их сырым. И убогим. Вот он, считай, у нас самый сырый и самый убогий.

Последние слова он произнес сквозь зубы, потом, договорив, и вовсе сплюнул в костер.

— А вам-то он сколько из этих денег пообещал? Ты хоть знаешь, сколько там?

Он не торопился отвечать, глядел на меня с прищуром, но сам, было похоже, прислушивается к лесным шорохам и легкому шелесту дождя, который опять начал капывать.

Конец бревна, на котором я сидела, хорошо занялся, угольки под ним засветились ярче, языки пламени окрепли и смелее высунулись из-под толстого ствола, снова начавшего намочать сверху. Света прибавилось, и я смогла рассмотреть черты лица сидящего напротив меня мужчины. Возраст его определить было трудно, но мне показалось, что он не старше Константина. Ну, скажем, где-то под сороковник. Тонкий нос, то ли перебитый, то ли с природной горбинкой, прямые узкие губы, жесткие черты лица: сдвинутые брови, глубокие складки возле рта, придающие лицу недовольное выражение. Он был худошав, насколько я могла судить по мосластым запястьям, рассматривая его руки, протянутые к огню, и худую

жилистую шею, выглядывающую из поднятого воротника кожаной куртки.

Дождик, поначалу редкий и робкий, начал усиливаться, и я, подобрав с земли тарелку с остывшим пюре, продолжила свой прерванный ужин, пока в него не налилось дождевой воды.

Доев пюре, я запихала картонную тарелку и пластиковую ложку в огонь, под бревно, и света стало еще больше.

Ботинки мои, сиротливо торчащие возле костерка подошвами кверху, не имели теперь никаких шансов просохнуть под таким мерзким дождиком, но босиком ходить тоже не хотелось. Поэтому я сняла их с воткнутых в землю палочек и сунула внутрь босые ноги, решив обойтись хотя бы без насквозь мокрых носков.

Мужчина, увидев мои манипуляции, насторожился, подобрался, но я с укоризной глянула на него:

— Не собираюсь я никуда бежать. Я спать собираюсь. Но перед этим мне нужно в кусты. Надеюсь, ты со мной не пойдешь?

Он поднялся на ноги, сунул руки в карманы.

— Недалеко чтоб! И давай разговаривай со мной все время, чтобы я тебя слышал. А то палить буду по ногам!

Я фыркнула и стала продираться сквозь мокрые кусты, шурша своим костюмом так, что можно было и не разговаривать, чтобы обозначить свое местопребывание.

— Я тут, не теряй меня, эй, как тебя там?

— Роман, — отозвался он нехотя.

— А я Женя, — сообщила я, выбрав укромное местечко в отдалении от костерка.

Из кустов мне было отлично видно, как он стоит возле костра и совершенно безо всякого стыда вглядывается в темноту. Правда, здесь, в кустах, даже я сама не могла себя разглядеть.

— А второй, значит, Шурик? — снова подала голос, чтобы поддержать разговор.

— Шурик, Шурик, — проворчал Роман, озираясь по сторонам, — где там носит его, этого Шурика...

Я вернулась к костру, не считая нужным больше разговаривать, потому что шуршание моих штанов и шлепанье незашнурованных ботинок, бултыхающихся на моих босых ногах, и так свидетельствовали о том, куда именно я направляюсь.

Я усмехнулась, вспомнив, что не услышала ни звука, когда ко мне подкрался этот Роман с ножом к горлу. А ведь ему тоже пришлось преодолевать эти густые заросли. Профи, чтоб его...

— Так вы что, меня теперь охранять будете? — кокетливо спросила я и шмыгнула в палатку, провожаемая угрюмым взглядом мужчины, который не сдвинулся с места. — А не боишься, что я тебя из палатки пристрелю? — Я даже высунулась наружу, чтобы посмотреть на его реакцию.

Но реакции не было. Все так же стоя столбом возле костра, сунув руки в карманы куртки, лениво отставив ногу, он спокойно отозвался:

— Разве что из пальца...

— А ножичком? — я хитро прищурилась.

— Ну попробуй, — невозмутимо предложил он, чуть качнув головой и тоже выдавая кривоватую ухмылку.

Я шмыгнула носом, юркнула обратно в палатку и, скинув, наконец, ботинки и мокрый

камуфляж, с наслаждением закуталась в свой уютный спальный мешок, с мстительной радостью слушая, как там, снаружи, усилился промозглый дождик.

Угнездившись и начав согреваться, я уже почти погрузилась в полудрему, когда снаружи послышались шаги, и приглушенный мужской голос спросил:

— Где?

— В палатке.

Дальше они начали разговаривать шепотом, и я перестала прислушиваться.

Ночью полило как из ведра, и я даже проснулась, слыша, как по тенту часто-часто ударяют, как по барабану, тяжелые капли. Высовываться из палатки не хотелось, и я, не вылезая из своего теплого спальника-«кокона», подъехала на заднице ко входу, как гусеница, выпростала одну руку и, чуть приоткрыв «молнию» входа, выглянула наружу.

Костер погас окончательно, и вокруг теперь была тьма, хоть глаз коли.

Раздался щелчок, почти заглушаемый непрерывным шипением дождя по слою опавших листьев, и в лицо мне ударил яркий лучик фонаря. Я прикрыла глаза рукой и сумела разглядеть мокрые отблески на двух сторбленных мужских фигурах, стоящих рядышком друг с другом и жмущихся к стволу сосны, которая давала весьма эфемерную защиту от обрушившегося на лес ливня.

Я усмехнулась и шмыгнула обратно на пенку, прикрыв за собой вход. На нос мне успели упасть несколько увесистых ледяных капель.

Я закуталась в свой спальник с головой, оставив снаружи только нос, и подтянула колени к животу, еще немного поерзав и повозившись, чтобы устроиться максимально комфортно.

Сон не шел.

Чертыхнувшись на проклятый дождь, вырвавший меня из мира сладких снов (убей не помню, что мне снилось!), я стала обдумывать свое незавидное положение. Я не планировала попасть под такое неусыпное наблюдение, хотя, если подумать, что еще им оставалось делать после моих выкрутасов в поезде? Им невероятно, сказочно повезло, что они вообще сумели меня отыскать в этой глуши.

Впрочем, что тут удивительного?

Моим преследователям было отчего «плясать»: от той самой сожженной деревушки, которая служила для меня основным ориентиром. Вряд ли им было точно известно, что я непременно отправлюсь к озеру. Но я готова была согласиться, что это был наиболее вероятный и предсказуемый вариант. А там уж, когда я прервала свои перемещения и встала на ночлег, обнаружить мой костерок было делом техники.

Ну хорошо. И что мне теперь делать?

Я лежала с открытыми глазами, хотя не смогла бы разглядеть даже собственную руку в такой темноте. Снаружи было тихо, если не считать бесконечного шепота дождя, напоминающего «белый шум» из радиоприемника.

Вот интересно, а если я вдруг решу и дальше блуждать по лесу, не собираясь выводить их к землянке, где были припрятаны мои козыри? Так и будут они таскаться со мной и охранять ночью мой покой и сон, как два верных стража? Вот только не мне верных, — напомнила я сама себе. Да и какой тут, к лешему, покой и сон?

И куда я, собственно, денусь? Что я выиграю, если протяну время? Несколько дней этой странной бродячей жизни в неприветливом осеннем лесу?

Я решительно села и снова подползла к выходу из палатки, приоткрыла вход, взвизгнув «молнией».

— Эй, вы, стражники! Залезайте уж внутрь. Только ведите себя хорошо.

Что я, в самом деле, изверг что ли? В такую погоду и врагу не пожелаешь всю ночь стоять вот так, плечом к плечу, под ледяными струями, от которых не укроют ни куртка, ни дождевик.

В ответ я не услышала ни слова, ни даже шевеления. Я юркнула обратно под защиту тента, оставив приоткрытым вход в палатку, и рывкнула уже раздраженно:

— Только давайте быстрее, а то мне сейчас палатку зальет.

Через пару секунд в моем маленьком лесном жилище стало тесно и шумно.

Я уползла к дальней стенке, скорчившись там в своем спальнике и пристроив под голову полупустой рюкзак, в котором оставались только нераспечатанные съестные припасы. Мои гости долго возились возле входа, стягивая с себя мокрую одежду и сапоги. Я нащупала свой фонарь и включила его, направив луч на потолок. Оба мужчины как по команде замерли и совершенно синхронно повернули ко мне мокрые взъерошенные головы, вдобавок наставив на меня каждый по пистолету. С кончиков их носов так же синхронно сорвалось по дождевой капле.

— Вот она, плата за гостеприимство, — язвительно заметила я. — К тенту не прикасайтесь только, а то сочтется начнет.

Убедившись в моих исключительно мирных и гуманных намерениях, горе-стражники избавились, наконец, от мокрых курток и обуви, и, оставшись один в свитере, а другой — в тельняшке, замерли, как два изваяния, по сторонам от входа в одинаковых же позах: потурецки, упершись локтями в колени и продолжая сжимать в руке каждый свое оружие. Правда, я заметила, что теперь они все-таки поставили его на предохранители и перестали направлять в мою сторону.

Роман не спускал с меня мрачного взгляда, в котором не было и тени благодарности или даже дружелюбия.

Шурик, на вид гораздо его моложе и симпатичнее — тот самый «грибник», от которого я удачно сбежала в поезде, — вытирая рукавом тельняшки мокрое лицо, встретился со мной взглядом и тут же полыхнул своим свежим румянцем, как девица, когда я ему лукаво подмигнула. Роман бросил на него быстрый взгляд, и бедный парень порозовел еще больше.

Я широко ему улыбнулась, обвела пустое пространство между нами широким жестом и милостиво пригласила:

— Можете поспать по очереди, никуда я от вас не денусь. И даже, скорее всего, не покусаю.

Я от души зевнула и, прежде чем погасить фонарь, успела заметить, как оба моих гостя переглянулись, и Роман, который, видимо, был у них за главного, едва заметно кивнул.

Я успела угнездиться на своем рюкзаке, притулившись в самом уголке своей палатки, когда услышала, что кто-то из них все-таки решил воспользоваться моим любезным приглашением и завозился недалеко от меня. Интересно, кто остался сторожить?

Шуршание дождя вновь меня убаюкало, в палатке очень быстро стало тепло, сыро, и душно. Когда возня прекратилась, мне, наконец, удалось заснуть. Момент смены караула я благополучно продряхла, а когда проснулась окончательно, уже рассвело. В палатке спал только Роман; второй караульный, видимо, нес свою вахту уже снаружи. Дождь, наконец-то прекратился, и я решила выбираться на свежий воздух.

Я завозилась, и Роман приоткрыл один глаз. В одной из спрятанных подмышки рук я увидела пистолет и, фыркнув, картинно закатила глаза, вспомнив, что буквально прошлой ночью сама спала с пистолетом в обнимку.

Пока я выковыривалась из спальника и натягивала на себя свои вещи, он успел выскочить из палатки, и я услышала их негромкий бубнеж, к которому, впрочем, не стала прислушиваться.

К тому моменту, когда я жизнерадостно пожелала мужчинам доброго утра, и на меня в ответ покосились две хмурые заспанные физиономии, у них уже всюю горел костер, причем не такой унылый, как у меня получился вчера, а вполне себе бодренький. Тепло от него дошло даже до палатки. Рядом с костром стоял мой изрядно закопченный кан, и я, заглянув в него, увидела в нем темную жидкость, а до моих ноздрей вместе с дымом от костра донесся запах кофе. Я хмыкнула и деловито прошуршала мимо мужчин к кустам, поинтересовавшись на ходу:

— Ну что, мне с вами разговаривать?

Оба промолчали, и я гордо уединилась, на всякий случай мурлыча себе под нос первую пришедшую в голову песенку — «Баю-баюшки-баю», — чтобы никому из них не вздумалось за мной проследить.

Вернувшись к костру, я застала обоих уже жующими. Кажется, хлеб с колбасой. К моему удивлению, мне тоже протянули кусок. А потом пустили по кругу кан со сладким черным кофе.

— Теперь мы с вами разделили кров и хлеб, — прошамкала я с набитым ртом, — и мы теперь не должны быть врагами.

Мужчины переглянулись и ничего не ответили. Везет мне на молчунов. Я не сдавалась.

— А какие у вас на мой счет инструкции? Вы меня потом убьете, когда я вас приведу к деньгам? — я говорила легкомысленным, даже полушутливым тоном, хотя и было мне не до смеха.

Они снова молча обменялись многозначительными взглядами. Мне надоели их безмолвные переглядки, и я пошла в наступление.

— А вам не кажется, что, когда я вас приведу к заветной цели, ваш любимый Герасимов и вас тоже грохнет? Ну, чтобы не делиться...

Шурик перестал жевать и снова покосился на своего товарища. Я вздохнула.

— Тогда, может, не будем торопиться? У меня в запасе еще есть пара дней до окончания срока... — это прозвучало жалобно, почти умоляюще, и я внутренне усмехнулась своему неожиданно обнаружившемуся актерскому таланту. Я даже хотела похлопать ресницами, но побоялась, что начну переигрывать.

— А далеко идти-то? — поинтересовался, наконец, Роман, глядя в кан с кофе и примериваясь, как бы так хлебнуть из него ароматного горячего напитка и при этом не излякаться и не обжечься.

Я неопределенно махнула рукой:

— Да с полчаса, наверное. Хотя тут топь, может, и дольше.

— Так может, наоборот, быстрее с этим покончить? — предложил Шурик, первым расправившийся со своим бутербродом.

— Да? А мне вот еще пожить охота, — возразила я, смачно вгрызаясь в свой кусок.

— А кому не охота? — проворчал парень, отбирая у Романа кофе.

— Завтра утром отведешь нас куда надо! — припечатал тот, вытирая рот тыльной

стороной руки. — Но чтобы без глупостей, — предупредил он меня, стрельнув колючим взглядом из-под насупленных бровей. — А ты чтобы глаз с нее не спускал! — это предназначалось Шурику, который присосался к кану, и в ответ на реплику только высунул из-за него удивленно изогнутые брови.

Роман встал, вынул пистолет из-за пазухи, проверил наличие в магазине патронов, защелкнул его обратно и, легонько стукнув обалдевшего Шурика кулаком по плечу, удалился в лес.

— Без глупостей! — снова погрозил он нам пистолетом, оборачиваясь напоследок.

Я пожалала плечами, а парень, который выглядел весьма озадаченным, молча поставил кан к костру и бдительно уставился мне в глаза. Впрочем, быстро смутился и опустил свои пушистые ресницы, снова залившись своим фирменным румянцем.

Я лихорадочно придумывала разные глупости, которые могла бы повернуть в отсутствие Романа, но ничего, кроме соблазна Шурика, в голову не приходило. Правда, толку мне с того соблазна, да и парень с того раза настороже, поэтому я только вздохнула и поблагодарила его за завтрак.

Тогда подумаем, чем занять подаренные мне сутки.

Бегать по лесам от преследователей, палящих в меня из пистолета — вот действительно была бы глупость. Остается одно: наслаждаться оставшимся временем и попытаться выяснить, каковы намерения этих двоих в отношении меня.

— Слушай, Саш, — он внимательно на меня посмотрел, услышав непривычное обращение по имени, — что вы все-таки будете делать, когда я отдам вам деньги?

— По обстоятельствам, — он неуверенно пожал плечами, — вроде бы ты не должна отдавать деньги нам. Наша задача — просто проследить, чтобы ты с ними не сбежала. Ты как? У тебя же вроде какая-то договоренность была с Герасимовым? Насчет Щелкунчика, да? Он тебе, кстати, кто?

— Друг, — твердо сказала я, глядя на то, как он снова пытается скрыть непонятное смущение.

Потом он вдруг ухмыльнулся:

— Ну да, с таким другом и врагов не надо.

— Что ты имеешь в виду?

Он удивленно вскинул брови:

— Ну, он вообще-то довольно известная личность. В узких кругах.

— Да? И чем же он известен?

— Тем, что он всегда работал один. Я не имею в виду этих мозгоправов. С ними он только в последнее время связался. А до этого он все проворачивал сам. Такие комбинации! И всегда выходил сухим из воды.

Я припомнила, как совсем недавно что-то похожее мне рассказывал Герасимов, понимающе скривила губы и покивала.

— А почему врагов не надо?

— Да потому что вот ты ради него в лес одна поперлась, все бросила. А он ради тебя пошел бы? Отказался бы от такой прорвы деньжищ?

— У него была возможность присвоить себе по крайней мере половину этих деньжищ. А то и все. Ты его совсем не знаешь.

— Думаешь, ты его знаешь? — он пытливо заглянул мне в глаза.

Я пожалала плечами.

— Я и саму-то себя не знаю, — призналась я.

— Вот то-то и оно. Сроду он никого не жалел, ни за кого не впрягался. У него и друзей-то не было никогда...

— А ты с ним лично знаком? — заинтересовалась я.

— Лично — нет, — смутился парень, — ты что, где я, простая пешка, а где он.

— А он тогда кто?

Он задумался.

— Ферзь, не меньше. Самая эффективная фигура на доске, непредсказуемая и с большими возможностями.

Я состроила многозначительное выражение лица и подняла бровь.

Ферзь, вот как. Интересно, что же в таком случае я представляю из себя на этой умозрительной шахматной доске? И кто вообще разыгрывает эту партию?

Вернулся Роман, таща за собой бревно, уложил его аккуратно возле костра и сел.

— Давай, Шурик, дуй за дровами, — как-то слегка даже буднично распорядился он и протянул руки к огню. — Та-ак, и за шо вы тут треплетесь? — он слегка повел головой в сторону удаляющегося компаньона.

— За Щелкунчика, — бросил в ответ Шурик, поднимаясь и медвежьей походкой, вперевалочку покидая наш маленький лагерь.

Роман многозначительно покивал, снял кепку, положил рядом с собой на бревно, видимо, для просушки.

Я вспомнила, что мои ботинки тоже неплохо было бы подсушить, и, благо в костре весело потрескивали принесенные кем-то из моих сопровождающих толстые сучья, стащила с себя мокрую жесткую обувь, влажные носки, так и не высохшие за ночь, и пристроила их поближе к огню.

— Надеешься победить мышиноного короля? — вдруг усмехнулся Роман, наблюдавший за моими действиями.

Я, вздрогнув, подняла на него недоумевающий взгляд.

— Чего? Кого?

— Мышиного короля. Ты что, не читала Гофмана?

Я покачала головой.

— А, да, я забыл, что ты у нас того... дурочка из переулочка, — он издевательски покрутил кистью возле виска.

— А что там было с тем королем? — невозмутимо спросила я, игнорируя оскорбление и продолжая заниматься своими делами.

— Нехороший был чувак, — пояснил он, прищурившись и криво усмехаясь. — Заколдовывал всех, кого ни попадя, у Мари вкусняшки вымогал, угрожал загрызть ее любимого Щелкунчика.

— Мари — это, значит, я, а мышиный король — Герасимов? — уточнила я, мысленно проведя аналогии.

— Ага. И ты, значит, надеешься, что Щелкунчик твой превратится в принца, как только ты его поцелуешь?

Я пожала плечами.

— Как-то не задумывалась.

— Оно и заметно. Ты вообще можешь себе представить, что будешь делать рядом с таким типом, как твой Костик? Варить ему борщ и стирать носки? Только вот вряд ли

выйдет у вас победить мышиноного короля. У Щелкунчика хотя бы армия была. Хотя бы игрушечная. А Костик твой сейчас тухнет за решеткой.

— А чем там у Гофмана закончилось? — спросила я, чуть подавшись к нему, наклонившись почти к самому костру и заглядывая в его внимательные серые глаза, следящие за моим каждым движением из-под нависших светлых бровей. Весь он сейчас, своими резкими чертами лица, тонким перебитым носом с горбинкой и своими зоркими глазами напоминал хищную птицу, тоже подавшуюся вперед и готовую броситься на свою жертву.

Он чуть откинулся назад на своем бревне, уронил расслабленные костистые руки меж колен, кривовато улыбнулся и сказал:

— В сказке Мари сначала победила мышиноного короля, запустив в него туфелькой, а потом помогла Щелкунчику раздобыть саблю, и он прикончил своего врага.

— Надо будет почитать, — пробормотала я, беря в руки свой пустой закопченный кан. Я решила добраться до воды, сполоснуть котелок и набрать воды. Я засучила штанины как можно выше, скинула куртку, благо, когда рассеялся утренний туман, стало понятно, что день обещает быть солнечным.

Опершись грудью о толстую ветку, нависшую над самой водой, я, держась, как обезьяна, за другие ветки одной рукой, другой начерпывала воды, бултыхала, выплескивала себе за спину, на корни, остатки кофе, набирала новую порцию воды.

Расцарапавшись, перемазавшись сажей и едва не сорвавшись в воду, я все-таки выбралась на берег и застала обоих мужчин напряженно перешептывающимися, взвинченными и с пистолетами в руках.

Я удивленно развела руки в стороны, держа в одной наполненный водой кан, но оказалось, причиной переполоха была не я, тем более что Роман прекрасно видел, куда я направляюсь, чем там занимаюсь, и, отпуская меня к берегу, он был уверен, что никуда бы я оттуда незаметно не улизнула.

Всматривались они вглубь леса. Я замерла, но ничего не услышала и не увидела.

Выглянувшее солнце сказочно преобразило золотистый лес, который засиял каждым своим умытым ночным дождем листочком, и я сочла это долгожданным благоприятным знаком.

В пробивающихся сквозь еще сохранившуюся на ветках листву солнечных лучах струились полупрозрачные пряди утреннего тумана, искрились капли росы, повисшие на длинных тонких паутинках, протянувшихся неведь откуда неизвестно куда.

Я стояла столбом, не имея понятия, что в разгар этого действительно прекрасного утра могло напугать этих бравых м'олодцев. Хотя, конечно, пара догадок мелькнула в голове, однако я сделала как можно более беспечный вид и как ни в чем не бывало поставила кан на угольки.

Роман остался со мной возле костра, продолжая тревожно озираться по сторонам, а Шурик снова буквально растворился в лесу, как только отошел от нашей полянки на десяток метров. Его-то охотничий (а может, и военный) костюм пятнистой коричнево-желто-зеленой расцветки не шуршал так, как мой, выдавая его местонахождение всем и каждому, и прекрасно выполнял свои камуфляжные функции!

Зато мой так и не промок вчера.

Парень появился на нашей полянке так же бесшумно и неожиданно, как и исчез, и молча покачал головой в ответ на немой вопрос Романа, который за все время, что его не

было, тоже не произнес ни слова.

— Да что вы всполошились-то? — не выдержала я этой «молчанки».

— Да так, — нехотя протянул Роман, помешивая угли в костре и подкидывая принесенных Шуриком веток, принявшихся громко шипеть и исходить дымом и паром в костре, — померещилось.

Я пожала плечами. Мне-то ничего не мерещилось.

Я-то точно знала, что возле землянки нас должна была ждать засада, которую сама же и организовала, отправившись после визита Герасимова напрямик к Клочкову и заключив с ним сделку.

Глава 21

*вадим считает грабить плохо
илья считает это трёп
а я с ружьём в руках считаю
до трёх
© Н_Н*

Весь день мы валяли дурака.

Солнышко пригревало, и я выволокла из палатки коврик-«пенку», расстелила и разлеглась на нем в позе римского патриция, подперев голову рукой. Мужчины уже не так бдительно «пасли» меня, светски трепались, травили байки. То один из них, то другой удалялся в лес. После обеда, которым я поделилась по доброте душевной со своими конвоирами, Роман взял мой котелок, сполоснул его и заявил, что отправляется за грибами.

Шурик хмыкнул и проводил его скептическим взглядом.

Я подставляла теплому солнышку босые пятки и не двигалась с места, прикидывая в уме, как долго еще смогу тянуть время, и что бы еще такое придумать, чтобы не тащиться сегодня по болоту к землянке, в которой были спрятаны мои шальные деньги. О! А вот же! Я сушу ботинки! Чем не повод беззаботно лежать возле костра и никуда не ходить? По крайней мере сегодня.

Я даже начала мурлыкать себе под нос, как вдруг заметила, что Шурик насторожился и потянулся за пистолетом. Я тоже подобралась, но он приложил пистолет к своим губам и шепнул:

— Продолжай петь и не двигайся.

Я легла обратно на пенку, заложила руки за голову и неестественным голосом продолжила тянуть мелодию, кося глазами в ту же сторону, куда всматривался мой охранник.

Спустя минуту или две моих завываний я не выдержала и поинтересовалась драматическим шепотом:

— Ну? Чего там?

Он нервно оглянулся на меня, потом расслабился:

— Да ничего. Мне что-то все утро мерещится.

— Что мерещится?

— Что за нами следят.

— Кто? — встревоженный вид мне, я надеялась, удался. Но когда он нехотя ответил: «Герасимов мне мерещится за каждым кустом», я тоже занервничала, теперь вполне натурально.

На его присутствии здесь, возле места, где скрыты деньги, и где легко можно положить нас всех вместе с моими провожатыми (правда, их присутствие непосредственно рядом со мной я предположить не могла), строился мой, признаю, несколько безумный план.

Если же я ошиблась в своих расчетах, и Герасимов здесь не появится, то остается план «Б» — передача денег в городе.

Но то, что Клочков сразу мне поверил и согласился на засаду именно здесь, возле Костиной землянки, — для меня большая удача.

Но, конечно, задача максимум — не дать ему меня убить при передаче сокровища.

Вот тут надо будет действовать осторожно, быстро и главное — с умом.

На самом деле я лишь приблизительно представляла себе, что будет, когда я достану, как кролика из шляпы, рюкзак с деньгами из землянки. По моим расчетам, именно в этот момент и объявится сам «мышинный король».

Вот тут и надо будет держать ухо востро. Вряд ли мои сторожа вернут мне мой пистолет, на это и рассчитывать нечего.

Можно юркнуть обратно в землянку до того, как он решит, что я ему больше не пригожусь, и выиграть пару драгоценных мгновений. Лишь бы не помешали Шурик с Романом.

Можно, отдав деньги, сразу же пуститься в бега и петлять, как заяц, когда он начнет по мне палить. А он начнет, в этом я была уверена на сто процентов.

Эх, вот бы мне удалось склонить на свою сторону этих двоих товарищей, которые почему-то свято уверены, что, выполнив свою работу, получают вместо пули обещанное вознаграждение.

— Александр, — сказала я торжественно, но негромко, — ты по-прежнему считаешь, что вам с Романом нечего опасаться?

— Я понял, к чему ты ведешь, — отозвался он, — но пока у меня нет ни в чем уверенности, и нет оснований подозревать Герасимова в измене.

— Ну, как знаешь, — усмехнулась я, — а чего ж тогда ты так всполошился? Давай предположим, что тебе не примерещилось. И что это он тут бродит и кусает локти, что мы осели и никуда не идем, и его драгоценные денежки по-прежнему у меня. А тут еще и вы, такие расслабленные, Роман вон по грибочки пошел. А? А ты уверен, что по грибочки? Может, они там за кустами уже шушукаются и делят мои денежки?

Он скрежетнул зубами и молча обжег меня взглядом из-под бровей. Однако я сумела заметить, как в его голубых глазах мелькнула тревога.

Ага, посеяла-таки зерно сомнения. Я постаралась скрыть выражение удовольствия на своем лице и снова беззаботно откинулась на своей лежанке. По крайней мере, до землянки мне опасаться нечего. Вот интересно, согласятся ли они еще на одну ночевку?

Или уж и впрямь перестать тянуть кота за выступающие части тела и поскорее с этим покончить? Я в раздумьях сунула в рот травинку и сосредоточенно грызла ее, прикидывая, сколько времени может занять у меня путь до Костикова потайного убежища.

Романа не было довольно долго. За это время Шурик весь извелся, сидел, как на иголках, дергаясь от каждого шороха в кустах, хватаясь за оружие, то и дело вскакивая и напряженно прислушиваясь.

Его нервозность невольно передалась и мне, хотя я и убеждала себя, что пока у меня на руках нет чертовых денег, мне ничто не должно угрожать.

После обеда солнышко почти по-летнему пригрело, и даже здесь, возле воды, стало как будто меньше сырости, хотя ботинки все никак не хотели окончательно просыхать, как я ни вертела их то боками к костру, то подставляя под ласковые солнечные лучики. Плюнув на эту бесполезную затею, я села по-турецки и принялась разглядывать свои многочисленные синяки на плечах и локтях, которые сегодня были особенно хороши: иссиня-багровые, с начавшими желтеть краями, они болели при каждом прикосновении. Шурик откровенно

рассматривал меня со смесью сочувствия и досады, словно на нашкодившего ребенка.

— Это же надо додуматься, — ворчал он с обидой в голосе, — я к ней со всей душой, можно сказать, а она...

Он потерял голову в том месте, где я приложила его пистолетом, но в глазах его плясали веселые черти.

— А ведь я почти поверил, что ты просто...

Он запнулся, не находя подходящих слов, и я довольно ядовито усмехнулась:

— Просто потеряла голову от твоей сногшибательной красоты? Свихнулась от одиночества и набросилась в поезде на первого встречного? — он снова смутился, и я добила его признанием: — Хотя ты знаешь, мне понравилось. Целуешься ты классно.

— Хочешь продолжить? — он лукаво поднял бровь, и я содрогнулась, представив, как мы тут самозабвенно возимся и кувыркаемся...

— Хочешь снова по тыкве? — в тон ему беззлобно ответила я, улыбаясь. — Не от меня, так на этот раз от Романа. Вон он, кстати, идет. Ого! С добычей!

Шурик, который до этого вскакивал по каждому подозрительному шелесту, заметил появление напарника только когда тот показался из-за кустов, неся в руках кан с мелкими грибочками и целую кучу огромных толстых боровиков в задранном подоле свитера.

Мужчины занялись приготовлением грибов, не доверяя мне ни ножика, ни самих грибов. Я, улыбаясь, следила за их перепалкой, когда они решали, как будут их готовить, и даже приняла в ней участие, активно заявляя свой протест, когда они заявили, что им понадобится мой кан. Я расфыркалась, представив, во что он превратится, когда они пожарят в нем такую прорву грибов — без масла! В итоге они объединились против меня, и я сдалась под их дружным напором.

Потом я отстраненно наблюдала за процессом приготовления, и сердце вдруг начало щемить от внезапной тревоги и осознания того, что сейчас мы со стороны кажемся веселой и дружной компанией, которая выбралась на природу к озеру просто отдохнуть от городской суеты. А уже через несколько часов снова будем тыкать друг в друга стволами и превратимся в непримиримых врагов. Или того хуже — кто-то из нас останется навсегда лежать на топком берегу этого глухого озера. Я чуть не прослезилась, к горлу подкатил ком, мешающий дышать, и даже губы предательски дрогнули, и это не укрылось от внимательных голубых глаз Шурика, который тоже вдруг стал серьезен. Роман сделал вид, что ничего не заметил, но сам тоже слегка одеревенел и озадаченно почесал затылок, сдвинув кепку на глаза и поджав губы.

Они долго химичили с грибами, потом я вывалила им остатки своих сухих обедов, и они разработали целую операцию по освобождению кана для кипячения воды, чтобы было чем залить картофельные хлопья.

Когда мы, наконец, замесили пюре с полужидкой массой, остро пахнувшей грибами, и разделили все по картонным тарелочкам, в предвкушении приносясь к дразнящему аромату и глотая голодные слюни, я, раздавая пластиковые ложки и усаживаясь на свою пенку, заявила:

— Все, ребят. Сейчас поедем и пойдем заберем деньги. Что-то не хочется мне тут опять ночевать.

Голос мой снова предательски дрогнул, мужчины тоже притихли и ели молча, сосредоточенно глядя каждый в свою тарелку.

Я даже себе не могла объяснить, что на меня нашло. Наверное, просто хотелось

продлить этот чудесный осенний денек с его золотистыми теплыми солнечными зайчиками... Отличный день, чтобы умереть, — пришла в голову непрощенная мысль, которую хотелось загнать подальше или наоборот, замотать головой, чтобы вытряхнуть ее оттуда...

Шурик помогал мне убирать палатку, Роман молча следил за нашими действиями, заливал костер водой из котелка, которую он не поленился собственноручно начерпать, свесившись, как я, к самой воде, цепляясь за кусты. Лицо его снова стало сосредоточенным, брови сердито сдвинулись, а отросшая щетина еще придавала ему суровой мрачности.

Рюкзак мой, и до того не особенно тяжелый, сейчас, когда мы сунули в него торчком свернутую трубкой «пенку» и покидали внутрь мои пожитки, я легко могла бы поднять одной рукой и нести на одном плече, но Шурик решительно его отобрал и нацепил себе на спину под неодобрительным взглядом напарника. Впрочем, Роман так ничего не сказал, и я, связав шнурками свои так и не просохшие ботинки и перекинув их себе через плечо, двинулась из нашего лагеря босиком, опасаясь, что в мокрых ботинках натру себе на ногах кровавые волдыри.

Как я и ожидала, место, где мы с Костей ставили сеть, я нашла с трудом. Болотистый берег был ужасно однообразен, все кусты «на одно лицо». И найти среди них нужные, от которых я могла «плясать» дальше, мне удалось только бродя прямо по топкому берегу босиком, с засученными штанами. Мужиков со своим рюкзаком я оставила на твердой земле, хотя они и рвались следом за мной по трясине. Я объясняла им, что ищу знакомые приметы, от которых только и могу найти верный путь к тайнику, но они не желали выпускать меня из виду и теперь, глядя, как я, словно цапля, чапаю по жидкой грязи вдоль берега, топтались в отдалении, как два бдительных пса.

Наконец, я увидела знакомый просвет между камышами и даже вроде бы различила свои глубокие следы, заполненные водой, оставленные мной всего сутки назад.

Я радостно повернула в сторону твердой земли, уверенная, что теперь легко отыщу дорогу к землянке. Ботинки по-прежнему бултыхались на моем плече, то и дело стучая меня по синякам, и теперь, даже если они высохли, уже не сунешь в них по колено грязные ноги. Видно, судьба мне шляться по этим лесам босиком. Ну и ладно. Недолго осталось.

Чем ближе я подходила к конечной цели своего похода, тем нервнее становились мои сопровождающие. Меня и саму стало не то знобить, не то потряхивать от предчувствий.

Когда я, наконец, вышла на знакомую полянку и обвела ее взглядом, меня обуревали разные чувства: снова мне казалось, что я вернулась домой, и в то же время что-то изменилось в ощущении этого места. Если раньше оно казалось мне диким, то сейчас, когда я пришла сюда с чужаками, мне стало казаться, что оно и вовсе настроено враждебно. Черные стволы деревьев резко выделялись на фоне опавшей листвы, ковром покрывающей всю поляну. Солнце уже почти село, но его последние алые отсветы, играющие на золотых верхушках лип, озаряли полянку волшебным золотистым сиянием. И все же меня не покидало предчувствие надвигающейся катастрофы, которое только усиливалось контрастом с этим угасающим свечением.

Мы остановились и долго прислушивались, ловя каждый шелест ветра. Мои спутники еще не понимали, что мы пришли, что мы у цели. Когда не знаешь, куда смотреть, то без подсказки не увидишь ни выступающего корня сосны, скрывающего узкий лаз под землю, ни

отдушины, выступающей над землей в отдалении и скрытой кустами.

— Стойте здесь. Я пошла за деньгами.

— Без глупостей! — предупредил Роман, доставая пистолет и щелкая предохранителем.

Шурик скинул мой рюкзак, тоже достал ствол и выразил готовность двигаться за мной следом. Я медленно вытаскивала из своего рюкзака фонарик, предупредив своих конвоиров, разом напрягшихся и посерьезневших, чтобы не перенервничали и не стали по мне палить почем зря.

Я дошла до землянки и остановилась. Шурик с удивлением рассматривал кроличью нору, в которую мне предстояло спуститься.

Внутри все осталось как было, когда мы с Костей спешно отсюда уходили. Наспех задвинутая деревянная заслонка, оплывшая свеча в стакане на полочке, обгорелые ветки в кострище «очага», ворох тряпок на топчане.

Я приподняла лежак и извлекла из тайника свой небольшой рюкзак с деньгами, жалея, что не припрятала где-нибудь здесь пистолет. Хотя если подумать, ну и на что бы он мне тут пригодился?

Перед тем, как подняться на поверхность, я посидела на жестких бревнышках этих самодельных нар, вспоминая, как мы с Костей тут отсиживались, отлеживались и зализывали раны. Сейчас все те не такие уж и далекие события казались мне невероятными, как будто произошли не со мной.

Я вздохнула и вылезла на поверхность.

Ничего не изменилось.

Роман все так же стоял в отдалении с пистолетом в руке, Шурик дежурил возле норы. На лице обоих отразилось невероятное облегчение, когда они увидели меня с поднятыми руками, в одной из которых висел заветный рюкзак.

Я бросила рюкзак под ноги Шурику, следя за реакцией Романа, который не сводил с нас глаз, и стояла неподвижно все то время, пока Шурик расстегивал замок на моем рюкзаке и убеждался, что в нем нет бомбы с часовым механизмом или клубка змей.

Только пачки денег, обернутые нетронутыми бумажными лентами. Шурик поворошил их стволом пистолета и присвистнул. Потом повернул голову к Роману и кивнул. Закрыв замок. Протянул рюкзак мне. Я наклонилась за ботинками, которые швырнула на землю перед тем, как залезть в нору, и в это время прогремел выстрел.

Я вскрикнула от неожиданности и застыла со шнурком от ботинок в руке, увидев, как Роман упал.

Второй выстрел сразил Шурика, и он рухнул рядом со мной, все еще сжимая в руке лямку от моего рюкзака.

Я сжалась в комок, ожидая, когда прогремит третий, наверняка предназначенный мне. В наступившей тишине я слышала шорох листьев под чьими-то тяжелыми шагами и, повернув голову, увидела одетого в военную форму Герасимова, который шел, наставив пистолет на меня.

Когда до меня ему оставалось всего несколько шагов, я, не дожидаясь выстрела, швырнула ему в голову свои ботинки, которые, вращаясь на шнурках, словно диковинное оружие ниндзя, ударили по вытянутой руке с пистолетом, запутались на ней шнурком и едва не выбили пистолет. Пуля, выпущенная сразу после этого, с хрустом впиалась в сосну над моей головой.

Едва успеваю соображать, что делаю, я прыгнула на Шурика, перекатилась через него и

выхватила из его руки пистолет. Не прицеливаясь, наугад выстрелила по направленному в мою сторону оружию и услышала сдавленное рычание: пистолет Герасимова отлетел в сторону, а он прижимал к животу окровавленную руку.

Я вскочила на ноги, готовая выстрелить еще раз.

Мужчина замер, с ненавистью косясь то на меня, то на рюкзак, валяющийся возле Шуриковой руки.

Я, продолжая держать его на мушке, описала возле него полукруг, двигаясь боком, отшвырнула босой ногой пистолет.

Руки и ноги тряслись, и я покрепче сжала холодную тяжелую сталь, как будто она могла придать мне уверенности.

— Я так понимаю, наша договоренность расторгнута, — криво усмехнулась я, глядя в побледневшее лицо Шурика, с которого исчез его детский румянец, осталось лишь выражение удивления. К горлу снова подкатил ком, глаза заволокло туманом. — Своих не пожалел...

Краем глаза я заметила, как размытая фигура Герасимова вдруг сделала какое-то резкое движение. Я моргнула и увидела, что в его здоровой руке снова очутился пистолет, который он умудрился выхватить то ли из кармана, то ли из-за пояса, то ли из-за пазухи.

Меня оглушило очередным выстрелом и швырнуло на землю. Я рассматривала темнеющее небо с качающимися верхушками сосен и лип с оставшимися на них редкими золотыми листьями и слушала, как лес вокруг меня наполнился шорохами, лиственный ковер, покрывающий полянку, зашевелился, взвихрился, соткался в несколько человеческих фигурок и начал водить вокруг меня хоровод.

Боли я не почувствовала, только холод в груди, и в глазах начало стремительно темнеть.

Из последних сил повернув голову набок, я с удивлением увидела, что хоровод из осенних листьев — это мне не показалось. Это люди, одетые в странные лохматые костюмы, окружили Герасимова, скрутили ему руки. Один из людей бросился ко мне и стал трясти за плечи и что-то говорить. Я узнала Костю и улыбнулась. Еще немного сгущающейся темноты — и я перестала вообще что-либо чувствовать или ощущать.

В темноте возник огненный шар, стал приближаться, я почувствовала тепло и свет, потом увидела, что это горит взорванная мной высотка. Пламя расцветало на этажах, распускалось, как громадные круглые цветки, один за другим, двигаясь вверх, и огромное здание напоминало гигантский бенгальский огонь. Я пыталась убежать от него в спасительную темноту, но оттуда выступил мужчина и заступил мне дорогу. Это был Костя! Он мешал мне выйти из пожара, сам рискуя сгореть заживо. Мы дрались: он толкал меня в огонь, я выворачивалась из его рук. Потом мне под руку попался здоровый кусок оконного стекла. Мужчина попытался нанести мне в лицо удар, который мог бы снести мне голову. Но я ловко нырнула под его руку и ударила его осколком стекла в живот.

Теперь я ясно и четко видела мельчайшие подробности, чувствовала боль в порезанной руке, видела близко Костины отчаянные глаза, переливающиеся всполохами, как полированный янтарь. Потом нас обоих швырнуло очередным взрывом на пол, обдало жаром от ужасающего языка пламени, волной прокатившегося по потолку прямо над моим лицом. С каждой секундой жар становился все нестерпимее, и я змеей поползла к выходу из здания, таща за собой за шкуру потерявшего сознание мужчину, который почему-то ни в коем не должен был умереть здесь, в огне!

Не соображая, что делаю, я обхватила его руками и перекатилась с ним вместе по полу, взваливая его на себя. Встать с ним вместе не получилось, и я, упираясь ногами, придерживая его подмышки, глядя, как расплывается на его боку огромное кровавое пятно, добралась до огромной стеклянной стены, которую язык не поворачивался назвать окном. Когда мы, окутанные клубами горького черного дыма и преследуемые языками пламени, вместе вывалились из нее наружу, от не откололся огромный кусок толстеного стекла, рухнул, как гильотина, на то место, где мы только что прошли, и нас засыпало градом осколков. Я выпустила тяжелое тело на землю и сама рухнула рядом, пытаюсь вдохнуть хоть один глоток свежего воздуха, выжженного на несколько десятков метров вокруг здания. Огонь вырвался вслед за нами из покинутого нами помещения, и у меня уже не было сил уползти от него подальше, туда, где было больше света и больше воздуха.

Когда пламя заполнил овсе вокруг, и глазам стало нестерпимо больно и горячо, я попыталась их закрыть и открыть. Теперь я увидела размытое и перекошенное Костино лицо, которое продолжало расплываться и перекашиваться, пока я снова не моргнула. Я дотянулась до его щеки кончиками пальцев и, к своему удивлению, почувствовала прикосновение к живой и теплой коже. Значит, это не сон? Костя поймал мою руку и прижал ладонью к своей щеке. Я это чувствовала!

Но почему вокруг все белое? Где огонь? Где хоровод из алых, желтых, оранжевых и коричневых листьев? Я вертела головой, пока не убедилась, что лежу в кровати, на белой подушке, под белым потолком, щурясь от белого слепящего света, льющегося из окна, а рядом сидит Костя в накинутом на плечи белом халате.

Через неделю меня навестил Клочков, сияя, как начищенный самовар. Он кокетливо приспустил с плеча ворот белого халата и сверкнул новенькой майорской звездой на погоне.

Костя не хотел пускать его в палату, но майор прорвался, а потом еще долго бубнил, что Костя, мол, чуть голову ему не отгрыз за то, что засада промедлила на несколько лишних мгновений, едва не оказавшихся для меня последними.

— Мы ж не ожидали, что он вот так. Сразу палить начнет! По своим же! — энергично оправдывался он, косясь на Константина, грозно нависшего за его плечом, сложив руки на груди. — А ты молодец, не растерялась! Если бы ты его ботинками не огрела, лежала бы там, рядом с Черняевым и Кругляком.

— Это кто?

— Это те двое, которые с тобой на поляну пришли. Роман Кругляк и Александр Черняев.

Я вздрогнула и едва не выронила апельсин, принесенный Клочковым, с которого уже успела содрать половину шкурки.

— А что с ними? — выдавила я глухо, боясь услышать и уже зная ответ.

— Оба мертвы. Без шансов.

Я проглотила комок в горле и дрожащими руками сунула в рот дольку апельсина, не чувствуя вкуса.

— А что с Герасимовым? — спросила я, проглотив апельсин, изрядно приправленный слезами, капающими мне на дрожащие руки.

Костя развернулся лицом к окну, а Клочков, подавая мне салфетку, фыркнул:

— Герасимов присядет надолго. Ух, у меня на него много чего. Да еще он нам такой подарочек подкинул... — он смущенно кашлянул, заметив, как Костя резко развернулся к

нему всем корпусом, все так же держа руки сложенными на груди. Вид его был грозен, глаза полыхнули по-звериному из-под насупленных бровей. — А кисть ему отрезали! — сообщил Клочков, показав свою правую руку, а потом быстро ее спрятав и вытерев о штаны, пробормотав под нос, что на себе не показывают. — Ты ему выстрелом кисть разнесла, когда в пистолет выстрелила.

Он восхищенно качнул головой.

— А он рассказал, почему Левина убили? — задала я вопрос, который не давал мне покоя.

Клочков махнул рукой, потер макушку.

— Случайно, говорит. Нехорошо вышло с Левиным, говорит.

— Как это — случайно? — удивилась я.

— Пришли к нему эти двое герасимовских бойцов. На дачу. Стали спрашивать, куда вы делись. Тот отпирался, мол, не знаю, я тут ни при чем. Потом развернулся и одного рукой так по лбу — шлеп! Легонько шлепнул, а тот упал. На пол. Как подкошенный. Ну, второй в него в нервах и пальнул. Н-да. А у меня вот еще одно раскрытое убийство...

Следователь задумчиво покачал головой и почесал подбородок.

Глава 22

*дойдя пешком до края поля
слотив все против и нельзя
ты непременно превратишься
в ферзя
© Идиот*

Я стояла у плиты и варила Косте борщ. На спор.

Я пересказала ему наш разговор с Романом, Костя сначала хмурился, а потом загорелся и начал меня подначивать: мол, носки ладно, с этим справится любая стиральная машинка. А вот борщ, мол, мне слабо. Я, мол, только и умею, что скакать босиком по лесам, палить из пистолета и выпрыгивать из поездов на полном ходу. Это сейчас он посмеивался, а сначала сам был готов рвать и метать, крушить кости и откручивать башки голыми руками.

Я, вооружившись своим новеньким смартфоном, залезла в интернет, с удовольствием поглядывая на вытянувшееся костино лицо, и, скачав пошаговый рецепт с фотками, приступила к исполнению кулинарного шедевра, не особенно веря в свои силы.

Он вызвался добровольцем на чистку и резку картошки, включил музыкальный канал на телевизоре, нацепил фартук поверх «боксерских» трусов и стоял возле плиты, дурашливо приплясывая и мастерски жонглируя устрашающих размеров ножом, которым кромсал почищенную картошку. Я подначивала его снять и трусы, чтобы фартучек смотрелся еще эффектнее. Костя поднял свою злодейскую изогнутую бровь, и я испугалась, что он согласится. Он развернулся ко мне с ножом в руках, и я улучила момент и щелкнула его на свой смартфон. Он пришел в натуральную, искреннюю ярость, и мне пришлось бегать от него по всей кухне.

Звонок в дверь прервал нас в тот момент, когда ему удалось зажать меня в угол, угрожая своим мясницким тесаком и вырвать из рук телефон. Он поцеловал меня в губы, сохраняя при этом злобное выражение лица, и пошел открывать дверь, так и не выпустив из рук ни смартфона, ни ножа. Я семенила следом за ним, шепотом причитая, что это, наверное, соседи вызвали полицию из-за грохота и моих визгов.

Мы открыли дверь, стоя плечом к плечу, как два виноватых нашкодивших подростка: я с перемазанными свеклой руками и взъерошенная, Костя — с грозным выражением лица, в женском фартуке на голое тело, поигрывая мускулами и с огромным ножом в руке.

Но это были не соседи и не полиция.

— Добрый день! — вежливо сказал незнакомый мужчина, держа руки в карманах дорогого полупальто. Дюжий детина с суровым лицом, стоя чуть позади него, держал на отлете сложенный зонтик, с которого стекали потоки воды. Еще один атлетически сложенный молодой человек, в котором трудно было бы не заподозрить коллегу детины с зонтиком, занял позицию на лестнице, явно с намерениями «всех впускать, никого не выпускать».

— Да? — скептически поинтересовался Костик, поигрывая ножом и поглядывая на шкафоподобных охранников, которые были на голову его выше.

Я держала руки, красные от свеклы, перед собой, как хирург, чтобы ни к чему не прикоснуться, и без конца дула на челку, которая то и дело норовила закрыть мне глаз.

— Могу я войти? — поинтересовался незнакомец, с интересом рассматривая нашу колоритную парочку.

Мы дружно отступили вглубь квартиры, продолжая держать строй и чувствуя плечо товарища.

— Я вижу, вы вернулись в форму, Женя.

Я вопросительно подняла бровь и покосилась на Константина, а тот в ответ — на меня.

— А вы, простите, кто такой?

— Да, я в курсе вашей амнезии, — покивал он, шагнув в прихожую и оглядываясь на охранника, который втиснулся следом и прикрыл за собой входную дверь, — я сейчас все объясню.

— У меня там лук на сковородке, — протараторила я и, позорно покинув строй, оставив Костика с ножом держать оборону, упорхнула на кухню, откуда уже доносился запах жареного.

Мужчина прошел на кухню и пригласил сам себя присесть на табурет возле стола, покрытого клеенчатой скатертью. Девушка скромненько пристроилась стоять за его левым плечом. Костик с самым мрачным видом следовал за гостями, и те должны были обладать весьма крепкими нервами, чтобы сохранять при этом невозмутимый вид.

— Кто вы такой? — повторила я свой вопрос, помешивая лук и посматривая через плечо то на Костю, то на незнакомца. Охранника я решила игнорировать. Лично мне невозмутимый вид давался с трудом, губы так и норовили разъехаться в идиотской ухмылке, особенно, когда Константин принялся перекатываться с пятки на носок и постукивать ножом о ладонь.

— Я, Женя, ваш бывший начальник. И, надеюсь, ваш будущий, — сказал он, поворачиваясь к Косте, глядя на него снизу вверх и нарочито не обращая внимания на тесак. — Перестаньте паясничать, давайте поговорим. Извините, что прерываю вашу... семейную идиллию. — Он выразительным взглядом обвел нашу кухню, которая в данный момент больше всего напоминала место побоища.

Костя отложил тесак, снял с себя фартук и с независимым видом удалился в спальню, где переоделся в джинсы и футболку. И только потом выразил свое согласие поговорить серьезно, при условии, что мужчина, который представился генералом Кондратьевым, расскажет нам все по порядку.

Рассказ гостя занял много времени. Мы успели покидать все ингредиенты в кастрюлю, доварить борщ, разлить его по тарелкам и съесть. Причем гость нахваливал, а Костик одобрительно поддакивал. Охранник, которого я из вежливости пригласила к столу, вежливо отказался. Я благосклонно приняла похвалы в адрес шеф-повара и с нетерпением потребовала продолжить рассказ, в ходе которого у нас с Константином то и дело глаза лезли на лоб и отваливались челюсти. Иногда даже синхронно.

Вкратце — все началось с того, что интернат, в котором я росла, был не простым детским домом, но об этом очень мало кто знал. В нем воспитывались будущие ценные кадры: шпионы, диверсанты, контрразведчики и прочие многозадачные универсальные агенты.

Я недоверчиво фыркнула, а Костя смотрел на меня во все глаза, как будто первый раз видел. Кондратьев, довольный произведенным эффектом, подтвердил, что я — специально

подготовленный агент, боевая единица. И у меня было спецзадание — найти подход к криминализованному субъекту, руководителю таинственной криминальной организации, состоящей из него самого и буквально пары помощников. Компания, по сути, представляла конкурирующую фирму, которая занималась организацией диверсий, несчастных случаев и прочих неприятностей. Да так искусно заметала следы, что не подкопаешься ни к исполнителям, ни к заказчикам. Поэтому долгое время правоохранительным органам не удавалось выйти на ее след, и даже в ее существование верили далеко не все. Многие начальники упорно делали вид, что все это — удобная выдумка, которая позволяет свалить на мифическую «Компанию» все нераскрытые и необъяснимые, но подозрительные случаи и умыть руки. Дескать, дело рук «Неуловимого Джо», что вы хотите? Как в анекдоте — его даже перестали пытаться поймать.

Но не Кондратьев. Он вцепился в слухи о «неуловимом Джо», как клещ, и несколько лет потратил на то, чтобы по крупицам собрать информацию о том, что он и его организация действительно существует.

Он в упор смотрел на Костю, словно желал убедиться, что тот не растает под его взглядом. Костя хмуро процедил сквозь зубы:

— У вас ничего нет на этого... Неуловимого Джо, верно?

Генерал усмехнулся, глядя на него в упор:

— А мне и не надо. Мне нужен он сам.

Костя поиграл желваками и сощурил глаза, ожидая продолжения. Я тоже помалкивала.

Кондратьев продолжил свой рассказ.

Ему в руки попала информация о том, что кто-то хочет наложить лапу на высотку: сжечь ее дотла, представив пожар как теракт, сообщениями о которых в последнее время пестрел и гудел весь интернет.

— Я узнал... — он неопределенно пошевелил пальцами в воздухе, — по своим оперативным каналам, но не для протокола, — он многозначительно поднял бровь, — что исполнителем этого проекта вызвался тот самый наш Неуловимый Джо, которого в узких кругах прозвали Щелкунчиком.

Костя изобразил тот самый покерфейс, который, по его словам, хорошо удавался мне.

— Мы сделали так, что в одной из фирм, работающих в этой злополучной высотке, стали набирать новых сотрудников. И мы быстренько включили Женю в число соискателей на эту должность, которая давала массу возможностей и простор для действий. Нам удалось состряпать Жене идеальную легенду и подсунуть ее в поле зрения Щелкунчика. Который, как мы и рассчитывали, не смог пройти мимо такой идеально подходящей кандидатуры. Левин нам чуть все не испоганил, когда начал с Женей «работать», а потом отказался из-за ее колоссальной сопротивляемости.

Костя явственно скрежетнул зубами и покосился на меня со странным выражением. Я шевельнула бровью и дернула плечом. Мне было интересно послушать историю нашего с ним знакомства.

Генерал, явно наслаждаясь своей ролью, продолжал вносить ясность. Он поведал, что ему регулярно докладывали о том, я успешно внедрилась и продолжала работу под прикрытием.

Взрыв не стал для них неожиданностью. Мне удалось поднять тревогу, благодаря которой почти всех удалось эвакуировать. Это и усыпило бдительность моих «ангелов-хранителей». Тревогу они забили, когда я не вышла после этого на связь и вообще пропала.

Щелкунчик тоже пропал.

Лицо Кондратьева выражало искреннее огорчение, когда он дошел до того места в своем рассказе, когда ему и его подчиненным стало ясно, что они потеряли не только ценного агента, но и его цель.

И когда я, живая и почти невредимая, прибежала к Ключкову со своим предложением мешка денег за свободу Константина, это стало подарком не только для следователя, но и для генерала, который снова обрел надежду заполучить себе Щелкунчика и к тому же вернуть меня.

— Только потом, когда мы, уже по остывшим следам, провели свое внутренне расследование, мы поняли, почему и как ты пропала из поля нашего зрения. Выяснили, что вас обоих доставили в ближайший травмпункт, откуда вы оба в скором времени сбежали. Допросили Бринцевича, который подтвердил Женин диагноз — амнезия невыясненной этиологии.

Мы с Костей переглянулись.

— Я, правда, решил, что это часть легенды. Что Женя все еще действует под прикрытием. Потому что по словам медсестры, которая вас принимала, вас нашли без сознания возле горящего здания, и все говорило о том, что именно Женя вытащила вас из огня. — Генерал в упор взглянул Косте в глаза, и я увидела, что тот впервые выглядит слегка растерянным. — Ну и мы решили, что Женя продолжает выполнять свою миссию.

Теперь он смотрел на меня, и мне ничего не оставалось, как покачать головой и пожать плечами:

— Ну, теперь хотя бы понятно, почему я не дала ему там себя прикончить и самому сдохнуть в огне. — Костя играл желваками, глядя в стол, и я порадовалась, что огромный нож лежал далеко от него.

— Так ты в самом деле ничего не помнишь? — мне показалось, что голос генерала дрогнул, а бросив мельком взгляд на охранника, увидела и в его глазах искру интереса и сочувствия.

Я медленно покачала головой, не сводя взгляда с Костиного лица, который упорно не желал встречаться со мной взглядом.

Наконец генерал озвучил свое предложение, от которого мы могли бы отказаться, по его словам, если бы были дураками.

— Я хочу, чтобы вы работали вместе. Вы показали себя как слаженная команда. Вы оба профессионалы с большими возможностями, с умением приспосабливаться к неожиданным обстоятельствам, с отличными инстинктами и реакциями. Вам придется делать то, что вы умеете лучше всего, — жестко говорил он, глядя на Костю, — только теперь на другом уровне.

Я попыталась себе представить тот уровень, учитывая, что вербовать Костю пришел человек такого ранга, как Кондратьев.

— А ты, Женя, подумай тоже. Тебя готовили к этому всю жизнь. Ты просто не сможешь сидеть на одном месте и изображать примерную жену, — он кивнул на кастрюлю с ароматным борщом и усмехнулся: — ну разве что в рамках очередного задания.

Я вспомнила, как почти то же самое мне на берегу озера говорил Роман про наши отношения с этим угрюмым человеком, не желающим вписываться ни в какую общественно-политическую систему. Только теперь мне, кажется, стало понятно, кто именно разыгрывал шахматную партию, и какое место на этой воображаемой доске занимали мы с Костей.

— Мы подумаем, — выдавила я из себя.

Кондратьев поднялся, кивнул охраннику, и оба молча вышли из квартиры. Костя прикрыл за ними дверь и повернулся ко мне. Его выражение лица не предвещало ничего хорошего. Кажется, ясно, какой ответ мы дадим генералу, когда он в следующий раз нанесет нам свой неожиданный визит...

Эпилог

*порой уйти не даст из жизни
отняв верёвки и ножи
тот кто не даст потом спокойно
дожить*
© Н_Н

Кубики льда тихонько позвякивали в бокале в такт моим шагам. Я изо всех сил старалась не расплескать свой коктейль и Костино пиво — была моя очередь шлепать по солнцепеку к бару возле бассейна.

От жары спасал только свежий ветерок, дувший с моря. На пляже вывесили желтый флаг — возле берега слегка штормило. Большинство отдыхающих из нашего отеля расхватали шезлонги и заняли лучшие места возле бассейна: кто под зонтиком, кто прямо под солнцем. Я ужаснулась, когда увидела, что люди добровольно подставляют под палящие лучи бока и спины.

Наши шезлонги расположились, по меткому выражению Костика, в «козырном» месте: под пальмой, возле самой каменной лестницы, ведущей к пляжу. Поэтому нам со своих мест было прекрасно видно и море, меняющее свой цвет от горизонта до береговой линии с темно-синего на светло-бирюзовый, и бар, и бассейн.

Пока я шла, вихляя задом, чтобы не расплескать наши напитки, я чувствовала всей спиной и затылком, как на мне сконцентрировались взгляды едва ли не половины всех мужчин, присутствующих возле бассейна, и я порадовалась, что на мне поверх купальника надето легкое просторное пляжное платье, скрывающее мои довольно заметные шрамы на спине и плечах. Да еще на груди свеженький, не так давно затянувшийся след от пули, яркий, не желающий покрываться загаром. Когда провожающие меня до самого шезлонга взгляды уперлись в Костину внушительную мускулистую фигуру, как только тот приподнялся мне навстречу, не забыв при этом внимательно рассмотреть сквозь солнцезащитные очки дворик отеля, напоминающий лежбище морских котиков обилием лениво валяющихся возле воды тел разной степени загорелости и обнаженности, они спешно отводили глаза, чтобы не встретиться взглядом с этим «бешеным русским». По правде говоря, Косте не пришлось ни разу даже голос повысить, не то что вступить в драку. Он просто снимал свои темные очки и внимательно смотрел потенциальному конкуренту в глаза, быстро сделав меня невидимой для большинства отдыхающих здесь мужчин.

Я протянула ему запотевший бокал с пивом, а сама, изящно присев на край своего шезлонга, глядя на море из-под широкополой шляпы, стала потягивать свой коктейль через соломинку и сообщать Косте последние новости, не особенно понижая голос, уверенная, что здесь, на побережье Италии, меня мало кто поймет.

— Море слегка штормит, купаются только русские.

Костя хмыкнул и, зажмурившись, отпил залпом полбокала ледяного пива.

— «Нашего» пока не видно?

— Вышел из ресторана, собирается на пляж. Он любит волны.

— Ну что, инструкции помнишь?

Я кивнула, помешивая соломинкой почти растаявшие кубики льда в своем наполовину пустом бокале.

Костя лениво встал с шезлонга и, перекинув полотенце через плечо, грациозной и неспешной походкой направился в сторону отеля, бросив мне негромко:

— Ни пуха, ни пера, напарник!

Я смотрела, как едва ли не половина присутствующих возле бассейна и бара женских голов поворачиваются вслед за его стройной фигурой с идеальным золотистым загаром.

— Пошел ты к черту! — тихонько сказала я в его удаляющуюся спину.

Пора было действовать: ко мне приближался наш первый «объект».

Больше книг на сайте - Knigoed.net